
ОГОНЁК
№ 38 СЕНТЯБРЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ДЕНЬ ТАНКИСТА. СОВЕТСКАЯ СТРАНА СЛАВИТ СВОИХ ВЕРНЫХ И МУЖЕСТВЕННЫХ СЫНОВ.

◀ НА ПОЛЯХ УЧЕНИЯ. ТАНКИ ПРЕОДОЛЕВАЮТ ВОДНУЮ ПРЕГРАДУ.
Фото К. КУЛИЧЕНКО.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

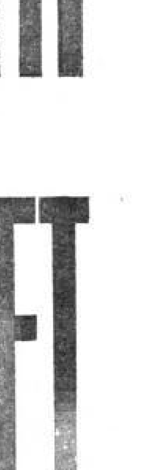
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 38 (1943)

13 сентября 1964

БОЛГАРИЯ ПРАЗДНУЕТ

Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Совета Министров НРБ Т. Живков, глава советской партийно-правительственной делегации секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и председатель Президиума Народного собрания НРБ Г. Трайков на трибуне Мавзолея Г. Димитрова.

Парад и демонстрация в Софии. Фото БТА — ТАСС.

9 сентября болгарский народ торжественно отметил 20-ю годовщину победы социалистической революции в своей стране. В Софии, на площади имени 9 сентября, состоялся военный парад. Перед Мавзолеем Георгия Димитрова прошли колонны демонстрантов.

В торжествах братской Болгарии приняла участие советская партийно-правительственная делегация во главе с членом Президиума ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

«Визит нашей партийно-правительственной делегации вновь продемонстрировал прочное идейное и политическое единство Коммунистической партии Советского Союза и Коммунистической партии Чехословакии, нерушимую дружбу народов Советского Союза и Чехословакии»,— так охарактеризовал товарищ Н. С. Хрущев итоги поездки советской партийно-правительственной делегации в ЧССР.

На снимке: 4 сентября. Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев и Первый секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Антонин Новотный подписывают в Пражском Кремле совместное Советско-Чехословацкое заявление.

Фото специального корреспондента ТАСС В. Егорова.

МЕЖДУНАРОДНУЮ ВЫСТАВКУ строительных и дорожных машин и средств механизации строительно - монтажных работ в Лужниках посетил Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев. Вместе с ним на выставке были первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Д. Ф. Устинов, заместители Председателя Совета Министров СССР Д. С. Полянский и К. Н. Руднев, министры СССР, председатели Государственных комитетов СССР.

В выставке строительной техники приняли участие 19 стран. Они представили три тысячи экспонатов. За 15 дней выставку посетили свыше миллиона москвичей и зарубежных гостей столицы.

Фото ТАСС, ЮПИ, журналов «Ньюсуик», «Лук», А. Бочинина и С. Раскина.

Дорога через Саланг открыта! Ее сооружали совместно афганские и советские строители. На торжественном открытии этой магистрали 3 сентября присутствовали король Афганистана Мухаммед Захир Шах и советская правительственная делегация во главе с первым заместителем Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным.

По приглашению Верховного Совета СССР в нашей стране гостят японские парламентарии. Этот визит является ответом на поездку делегации Верховного Совета СССР во главе с А. И. Микояном в Японию. Обмен представителями парламентов наших стран способствует дальнейшему укреплению добрососедских советско-японских отношений. На снимке: гости из Японии осматривают Выставку достижений народного хозяйства СССР.

Деннис Хиггс, англичанин, преподаватель математики в Лусаке (Северная Родезия) однажды бесследно исчез из города. Позже выяснилось, что его похитили расисты из Южно-Африканской Республики. Он был доставлен в Иоганнесбург и брошен в тюрьму. Хиггс был известен как противник расового угнетения и поэтому подвергся преследованиям. Когда ему удалось вырваться из застенков ЮАР, он, опасаясь за семью, уехал в Лондон. На снимке: Деннис Хиггс, его жена и дочь в Лондонском аэропорту.

Эта карта Конго взята из американского журнала «Ньюсуик». Заштрихованные места на ней показывают районы действия патриотов, сражающихся за свободу страны. Правительство Чомбе пригласило США участвовать в войне против повстанцев, стало подыскивать наемников среди расистов ЮАР и Южной Родезии.

Во имя солидарности юных в борьбе за свободу, демократию, мир молодежь из разных стран съезжается в Москву на Форум. Москва станет местом встречи представителей различных молодежных организаций. На снимке: делегация молодежи Кении, которая будет принимать участие в работе Форума.

В Швеции произошла крупная железнодорожная катастрофа. Скорый поезд «Северная стрела», состоявший из восьми вагонов, сошел с рельсов и врезался в жилые дома. Погибло двенадцать человек, ранено сорок. Как сообщают, это еще не окончательные цифры жертв.

Во время осмотра выставки.

Фото В. Климова.

8 СЕНТЯБРЯ В СВЕРДЛОВСКОМ ЗАЛЕ КРЕМЛЯ собрались покорители целинных земель Голодной степи и зоны Каракумского канала.

На длинных столах перед трибуной Свердловского зала мощные кусты хлопчатника, на каждом из которых более 120 коробочек. Рядом лежат огромные арбузы, дыни, кисти сочного винограда, плоды граната, инжира. Эти богатые плоды собраны с тех земель, где еще совсем недавно была выжженная солнцем степь и пустыня.

В Свердловском зале Кремля на встречу с товарищем Н. С. Хрущевым собрались лучшие люди целинных хлопководческих совхозов, премированные поездкой в Москву за высокие показатели в выращивании урожаев хлопка.

Собравшиеся горячо приветствуют Никиту Сергеевича Хрущева. Перед началом беседы Н. С. Хрущев осматривает выставленные в зале кусты хлопчатника, плоды и фрукты, выращенные в новом цветущем крае.

На встрече передовых хлопкоробов целинных земель с товарищем Н. С. Хрущевым присутствовали товарищи Д. С. Полянский, В. И. Поляков, Я. С. Насриддинова, Е. Е. Алексеевский, А. А. Ежевский.

Фото А. Устинова.

В центре предвыборной борьбы в США главное место занимают вопросы внешней политики и гражданских прав. Но не менее остро обстоят дела с уровнем жизни американцев. Фотография, которую мы перепечатываем из журнала «Лук», изображает Эрла О'Хейра, водителя грузовика. Американский журнал относит его семью к пяти миллионам бедствующих семей. В семье О'Хейра, пишет «Лук», царит «внутренний страх». Это страх перед нищетой, перед будущим, которое сурово и мрачно...

14-летняя американская пловчиха Леонора Моделл — самая молодая спортсменка, переплывшая Ламанш. Стартовав с французского берега, она через 15 часов 32 минуты вышла на берег Англии. В течение 12 часов Леонора плыла в густом тумане.

В Бильбао на воздушных соревнованиях успешно выступили советские спортсмены-летчики. Звание чемпиона мира присвоено Витольду Почернину. Среди женщин лучшей оказалась Розалия Занозина.

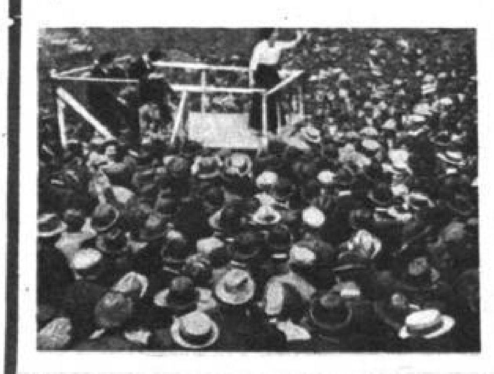
ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ БОРЬБЕ

5 СЕНТЯБРЯ 1964 ГОДА В МОСКВЕ ПОСЛЕ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОЙ, НО ТЯЖЕЛОЙ БОЛЕЗНИ СКОНЧАЛАСЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ США, ВЫДАЮЩАЯСЯ ДЕЯТЕЛЬНИЦА АМЕРИКАНСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО И КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ, МУЖЕСТВЕННЫЙ БОРЕЦ ЗА МИР, ДЕМОКРАТИЮ И СОЦИАЛИЗМ ТОВАРИЩ ЭЛИЗАБЕТ ГЭРЛИ ФЛИНН.

Элизабет Гэрли Флинн.

1915 год. Флинн выступает на митинге в защиту Джо Хилла.

Москва, Красная площадь, 8 сентября 1964 года. Урна с прахом Элизабет Гэрли Флинн у Кремлевской стены.

В ШЕРЕМЕТЬЕВСКОМ ПОРТУ СТОЛИЦЫ ОТКРЫТ НОВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ АЭРОВОКЗАЛ. Летчики, побывавшие на аэродромах мира, авторитетно утверждают, что новый аэровокзал — один из лучших в Европе.

— Наши самолеты регулярно летают в столицы 36 стран. В прошлом году авиационные компании 101 государства, входящие в международную организацию гражданской авиации, перевезли 134 миллиона пассажиров. А гражданская авиация Советского Союза — 32 миллиона. Это четвертая часть!

А. ГОЛИКОВ

Фото Я. Рюмкина.

СТРАНИЦА ФОТОЛЕТОПИСИ

МОСКВА. БОЛЬШОЙ ТЕАТР.
На сцене—«Турандот» Дж. Пуччини.
Фото Е. Умнова.

УЖЕ ПРОШЛИ ПЕРВЫЕ СПЕКТАКЛИ НАШИХ ИТАЛЬЯНСКИХ ГОСТЕЙ, певцов и музыкантов миланского «Ла Скала». Слушали москвичи «Турандот» Пуччини, «Трубадура» Верди, «Лючию ди Ламмермур» Доницетти. Театральные афиши обещают нам «Богему» Пуччини и пленительного «Севильского цирюльника» Россини. В конце своих гастролей миланцы исполнят на сцене Большого театра великолепный «Реквием» Верди, который по праву может быть назван вершиной итальянской музыкальной культуры.

Приезд миланской оперы «Ла Скала»,— бесспорно, крупное событие нашей театральной осени. Миланский «Ла Скала» — классика. Так случилось, что именно Милану было суждено подарить миру подлинную академию оперного искусства. Давно начал свой путь «Ла Скала». В первый раз его занавес поднялся 3 августа 1778 года. Все лучшее, что создавалось поколениями итальянских мастеров оперы, ставилось на этой сцене. Чимароза и Керубини, Верди и Пуччини, Масканьи и Леонкавалло отдавали сюда свои партитуры. Славу «Ла Скала» принесли бессмертные мастера вокала Анджелика Каталани, Джузеппина Грассини, Энрико Карузо, Титта Руффо, Беньямино Джильи, Лукреция Бори, Тоти даль Монте, Тита Скипа, Аурелиано Пертиле... Здесь, за дирижерским пультом, многие годы протекала вдохновенная деятельность Артуро Тосканини.

Старая творческая дружба связывает итальянскую и русскую оперу. В Милане пели Федор Шаляпин и Леонид Собинов, ставились и ставятся «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Князь Игорь»... Пели у нас итальянцы. Русская публика давно полюбила их замечательное искусство. Но театр «Ла Скала» впервые у нас.

— Как вам понравились первые спектакли? — спросили мы у выдающегося мастера нашей оперы Ивана Семеновича Козловского.

— Все хорошо — от оркестра до декораций. Я постараюсь не пропустить ни одного спектакля. Для меня, как для профессионала, бесконечно интересна эта встреча с поющей Италией. Слишком много впечатлений, чтобы можно было рассказать обо всем сразу. Если нужно одно слово, вот оно: чудесно!

Пройдут спектакли итальянцев в Москве, и месяц спустя на сцене «Ла Скала» в Милане начнутся гастроли труппы московского Большого театра. Тоже впервые за два века! Московские мастера музыкально-драматического искусства покажут миланцам «Бориса Годунова», «Князя Игоря», «Пиковую даму», «Садко», «Войну и мир».

Говорят, что там тоже все билеты давно раскуплены. Говорят, что там тоже ждут москвичей столь же нетерпеливо, заинтересованно, с открытой, любящей искусство, чистой душой.

М. АЛЕКСАНДРОВ

ПЕРЕД ВАМИ ТРИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ СОВЕТСКИХ ПЛОВЦА, выступающих в стиле брасс, мировые рекордсмены — Галина Прозуменщикова, Георгий Прокопенко и Светлана Бабанина. Все они отличились на чемпионате СССР, который на днях состоялся в Москве. На этих крупнейших соревнованиях установлено 9 рекордов СССР, причем два из них превышают мировые. Лучшие пловцы вошли в олимпийскую команду СССР. Их ждет поездка на XVIII Олимпийские игры. (О предстоящей борьбе на водяных дорожках в Токио читайте статью «Пловцы готовы!» на 9-й странице.)

Фото Л. Бородулина.

ЧТО ПУБЛИКУЮТ историки

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КПСС»

№ 9.
Сентябрь 1964 г.

В сентябрьском номере журнала широко освещается столетие I Интернационала, основанного 28 сентября 1864 года. Этой теме, в частности, посвящается статья члена Политбюро Французской компартии Жака Дюкло «От I Интернационала к современному коммунистическому движению». «Годовщина столетия I Интернационала представляет интерес для трудящихся всех стран,— пишет автор, — поскольку создание Международного Товарищества Рабочих явилось первым проявлением наличия организованного международного движения пролетариата». В свете событий, разыгрывавшихся в период создания I Интернационала, Ж. Дюкло рассматривает вопрос о единстве коммунистических и рабочих партий в наши дни. Автор статьи указывает, что раскольническая деятельность руководителей Китайской компартии «носит на себе печать авантюризма, великодержавного

Последний обед Майи Скулме в детском саду.

Ключ в твоей руке

Н. ХРАБРОВА

Фото В. САЛМРЕ.

Улицы задвинской окраины сходятся в один пучок к началу Целтниеку, что по-русски значит улица Строителей. Год назад тут был пустырь; теперь стоит огромное белое здание с красными простенками между окон. Простенки узкие, а окна очень широкие, и здание как бы ничем не отделено от беспредельности синего неба, от нескончаемого бега облаков, от золотой щедрости осенних садов. Это тридцать первая школа, самая новая и в новом районе и во всей Риге.

Утром того дня, о котором здесь пойдет речь, в школе как бы возникло сильное магнитное поле. Многолюдно и тесно стало не только в школьном дворе, но и во всем Торнякалне. Директор Луция Эдуардовна Янсон покачала головой и по учительской привычке сказала:

— Шумно очень!

— И пусть, товарищ директор! — ответил кто-то из молодых учителей. — Праздник начался!

Луция Эдуардовна улыбнулась и сбежала по лестнице вниз, на крыльцо, где на маленькой трибуне уже было полно гостей. А перед трибуной волновалось море: тысяча двести учеников — латышей и русских; столько же прослезившихся мам, суетливых бабушек, пап с фотоаппаратами... Впереди стеной возвышались гладиолусы, а меж цветов виднелись растерянные мордашки первоклассников, любопытные и озорные лица тех, кто еще оставался в детских садах...

И Луция Эдуардовна сказала в шумящее море:

— Дорогие ученики и родители!..

Все стали слушать поздравления с открытием новой школы, с началом учебного года, с большим праздником Первого сентября. Поздравлений и подарков было много. Степан Григорьевич Дмитриев, начальник 58-го строительного управления, возводившего школу, очень хотел подробно рассказать, как работали его прорабы, мастера, каменщики и маляры. Но ничего этого он не сказал, потому что на приветственные речи было отведено совсем мало времени. Дмитриев только протянул Л. Э. Янсон адрес в кожаном переплете — от всех строителей — и сказал ребятам, что они должны учиться со всей душой, так же, как они, рабочие, строили для них школу.

Традиционный огромный ключ от новой школы, который следовало по плану церемониала передать первокласснице Майе Скулме, он сначала передал все-таки Луции Эдуардовне. Под крики «ура» она подняла его так высоко, чтобы видели все, а потом положила на шелковую подушку — на руки торжественной Майе... Председатель горсовета товарищ Пакалн вручил старшеклассникам новое школьное знамя и громогласно воскликнул: «Добро пожаловать в новую школу!» Все опять закричали «ура», и море цветов хлынуло в широкие школьные двери...

Дети шли по длинным светлым коридорам по-хозяйски свободно и весело. Они входили в свои классы и восторженно ахали, увидев белые парты и столы; красные, желтые, голубые стулья; широкие, складывающиеся доски; керамические вазы; солнце и белые облака, пойманные окнами. И цветы — те, что уже стояли в классе, и те что сами они принесли и положили на белые парты.

Когда кончился первый короткий школьный день, ребята собрали все цветы и отнесли их к памятнику Ленина. Цветы ложились к пьедесталу ряд за рядом. На всех улицах серебряно пели горны, алели галстуки, проносились песни и музыка. Праздновала день Первого сентября не только новая тридцать первая школа, а вся Рига. Все сто тридцать девять старых и новых школ.

Пройдут годы. В жизни будет еще много ярких дней. Но этот день, похожий на распахнутую солнечную дверь, всегда будет главным днем жизни.

Подарок новой школе.

Майя на первом уроке.

шовинизма и мелкобуржуазной идеологии, лучше разглядеть которые помогает изучение истории I Интернационала».

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

№ 9. Сентябрь 1964 г.

Внимание читателя, несомненно, привлекут воспоминания жены бывшего посла СССР в Англии А. А. Майской о том, как она выполняла поручения дирекции ИМЭЛа, будучи его лондонским корреспондентом в период 1937 — 1943 годов. Особенно трудно было ей достать фотокопии второй книги протоколов I Интернационала. Протоколы находились в библиотеке имени Джорджа Хауэлла при Бишопгетском институте в Лондоне. Директор этой библиотеки, некий мистер Госс, «сильно болел антисоветской болезнью» и ни за что не хотел позволить советским людям сфотографировать интересовавшие их документы. В течение почти полутора лет Агния Александровна Майская пыталась «прямо и косвенно, через различные «левые каналы» установить контакт с мистером Госсом». Но все было тщетно: он не желал встретиться с А. А. Майской, не хотел подпустить к протоколам не только советских людей, но и кого-нибудь из дружески расположенных к СССР англичан. Только во время войны усилия лондонского корреспондента ИМЭЛа наконец увенчались успехом. В этом ей помог тогдашний английский министр информации Брендон-Бракен. «Не знаю, — пишет А. А. Майская, — какие меры принимал Брендон-Бракен, но факт тот, что в начале января 1942 года мне было сообщено: «Члены правления» интересовавшей меня, библиотеки готовы предоставить мне возможность посетить библиотеку и ознакомиться с протоколами». Полученные при содействии этих «членов правления» фотокопии протоколов А. А. Майская с надежной оказией отправила в СССР. Автор воспоминаний рассказывает о том, как ею выполнялись и другие поручения ИМЭЛа.

«ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»

№ 9. Сентябрь 1964 г.

Среди публикуемых в этом номере статей, посвященных истории первой и второй мировых войн, — мемуары бывшего полковника русской царской армии, депутата IV Государственной думы Б. А. Энгельгардта «Потонувший мир». Будучи убежденным противником Советского государства, он принимал активное участие в борьбе белогвардейцев и интервентов с Советской властью. Его мемуары начинаются с воспоминаний о деятельности Государственной думы в период первой мировой войны и заканчиваются описанием жизни автора в Париже, где бывший полковник генерального штаба — белоэмигрант — работал шофером такси, и в буржуазной Латвии, где он был тренером на ипподроме. Записки, публикуемые в № 9 журнала, относятся к периоду деникинщины. Энгельгардт описывает Одессу тех лет, деятельность главы думских монархистов В. Шульгина, генерала (в этот чин он возвел себя сам) Гришина-Алмазова, членов «демократического комитета», о «демократизме» которого можно судить по тому, что в нем заправляли махровые черносотенцы — барон Меллер-Закомельский, князья Голицын, Щербатов и Куракин, горячо приветствовавшие французских и английских интервентов.

Автор мемуаров рассказывает о революционных настроениях французских солдат, оккупировавших юг России. «Одевшись в штатское платье, я заходил в скромные кафе и трактиры, где среди солдат и матросов французских оккупационных частей я нашел полное подтверждение того, что слышал от самого Фрейденберга (начальника штаба оккупационных войск. — Ред.). Имя Ленина было уже популярно среди военных всех рангов, и мне самому приходилось слышать, как французские солдаты говорили: «Же сюи большевик» («Я большевик»).

Понятно, что сведения такого рода докатывались и до Парижа, вследствие чего французское правительство не решалось на расширение оккупационной зоны, а вскоре и совсем ликвидировало оккупацию».

Б. А. Энгельгардт описывает раздоры между различными контрреволюционными группировками, показывает, как день ото дня разваливалось «белое движение».

В этом же номере журнала публикуется статья, название которой «Правда о гибели генерала М. П. Кирпоноса» говорит само за себя. Дело в том, что о гибели этого крупного военного руководителя после войны стали распространяться различные версии. Редакция «Военно-исторического журнала» организовала тщательное изучение архивных материалов, опрос очевидцев гибели генерала. Это привело к установлению истины. Будучи командующим войсками Юго-Западного фронта, генерал-полковник Кирпонос вместе с частями Советской Армии попал в сентябре 1941 года в окружение. «...роковую роль, — говорится в редакционной статье, — сыграло в этой трагедии упорное пренебрежение Ставки Верховного Главнокомандования, которую возглавлял И. В. Сталин, реальной обстановкой». Смертельно раненный вражеским снарядом, Михаил Петрович Кирпонос героически погиб на боевом посту. Останки генерала Кирпоноса покоятся в Киеве у памятника Вечной славы.

Борис ПОЛЕВОЙ

Из кипрских записей

ДЕСЯТЬ НА ОКРОВАВЛЕН

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Сегодня у нас день визитов, и начался он с приема у президента, архиепископа Макариоса. Ну, кто не знает сейчас имени этого человека, священника, дипломата и опытного политика.

Сын крестьянина, он своим упорством и способностями пробил себе дорогу, блистательно закончил высшую духовную школу и лишь в силу своего природного дарования и человеческих достоинств стал потом самым молодым архиепископом за всю историю христианства на Кипре.

Смелое участие в народно-освободительной борьбе, твердая воля, личное мужество и вера в победу своего правого дела завоевали ему большой авторитет, и, когда борьба завершилась победой, он, глава церкви, стал первым президентом Республики Кипр.

Все это нам, конечно, было известно, и все-таки, когда машина везла нас в президентскую резиденцию, хотелось поскорее увидеть, каков-то он, этот человек, имя которого в последнее время не сходит со страниц газет и о котором в прессе разных стран приходится читать столько разноречивых суждений.

С нами ехали один из руководителей Общества, видный здешний педагог, и наш друг Накос. По дороге они рассказывали о своем президенте любопытнейшие вещи. Несмотря на загрузку государственными делами, он в праздники отправляет церковные службы. В особенно многодетных семьях крестит детей. Неожиданно появляется в деревне среди крестьян. В самые напряженные дни борьбы ходит по передовым постам, не боясь пуль. Он любитель духовного пения и один из лучших знатоков древнего византийского искусства.

Резиденция президента — бывший особняк английского генерал-губернатора — прячется в глубине зеленого тропического парка. Издали заметен лишь государственный флаг Кипра, развевающийся на флагштоке и говорящий о том, что президент дома. Как-то невольно готовишься к выполнению всяческих формальностей, связанных с посещением главы государства. Но лишь один часовой да и то довольно вяло остановил машину в открытых воротах.

— Русские к архиепископу Макариосу,— сказал шофер.

Часовой, даже не заглянув в машину, раскрыл ворота пошире, и дальше до самого подъезда мы так никакой охраны и не видели. Толкнув тяжелую дверь, оказались в большой прохладной приемной. Учтивый молодой человек в темном попросил присесть. Я сел, мучимый мыслью: что же, что напоминает мне вся обстановка резиденции — небрежный доверчивый часовой, густой парк, пустая, прохладная, обставленная со вкусом, но без всякой торжественности приемная? Где я все это или что-то очень похожее уже видел? Но разгадать этого не успеваю. Дверь открывается, и в ней как-то бесшумно появляется высокий, хорошо сложенный человек в просторном сиреневом подряснике. Прям, строен. Густая седеющая борода обрамляет энергичное лицо. Глаза из-под приспущенных век смотрят приветливо, но зорко.

По-домашнему рассаживаемся в креслах, руководитель Кипро-советского общества вручает президенту послание. Тот благодарит. Да, он слышал, что конгресс прошел успешно. Ну что же, Общество делает важную и полезную работу, укрепляя связи с такой великой страной. Наши народы должны жить не только в мире, но и в дружбе. В беседу включается Владимир Петрович и рассказывает, как внимательно следят советские люди за событиями на Кипре, о дружеских связях, которые крепнут, о нашем интересе к кипрской литературе, искусству, который, к сожалению, еще недостаточно удовлетворен.

Разговор переходит к древнерусской живописи, к византийскому искусству. Рассказываем о дивной росписи в болгарском храме в Бояне, который мы успели осмотреть по пути на Кипр. Во всем этом наш собеседник — настоящий знаток. Но вот речь заходит о сегодняшних событиях на острове, и он как бы сразу преображается. Голос, только что звучавший мягко, становится твердым, резким, когда речь заходит о провокациях, вызывающих братоубийственные кровопролития, о тайных и явных интригах империалистических держав, пытающихся пристегнуть Кипр к лафету НАТО, о попытках решить судьбу народа путем сговора за спиною его правительства.

— Нас пугают, мы не боимся. Нам угрожают, мы не боимся. Если обнажат оружие, мы будем сражаться до конца за нашу свободу, за нашу веру. Мы не пойдем ни на какие уступки. Интересами народа нельзя торговать.

Эти слова говорит уже не священник и не ученый, знаток древневизантийского искусства. Это говорит государственный деятель большого мужества и воли. Именно в эту минуту я вспоминаю, кого мне напоминают и обстановка этого дома и сам его хозяин. И это сочетание мягкости и твердости, ученого с опытным государственным мужем. Да, конечно же, Неру. Джавахарлала Неру, который однажды вечером вот так же без затей, без протокола принял нас у себя, так же приветствовал на пороге, так же мягко и убедительно говорил о буддийском искусстве, в котором был редким знатоком. И так же вот вдруг весь отвердел, стал жестким и непреклонным, когда речь зашла о войне. Он сказал тогда очень похожие слова: мы не из тех, кого можно запугать. Мы готовы терпеливо обсуждать все спорные вопросы за столом переговоров, но на пушки ответим пушками.

По совету президента мы посетили этнографический музей, еще только рождающийся сейчас в огромных покоях старинного архиепископского дворца. Музей этот еще только возникает на народные пожертвования и, как у нас сказали бы, содержится на общественных началах. В этом довольно обширном и интересном музее пока что единственный служитель. Это пожилая женщина, великая мастерица народного ткачества. Она сама сидит в первом зале среди образцов этого искусства, у старинного деревянного ткацкого станка и трудится, перебрасывая руками в зеве основы тяжелые челноки, заряженные разноцветными нитками. На глазах посетителей совершается волшебство: рождаются прелестные коврики, скатерти, рушники, пологи и иные изделия художественной работы, которые радуют глаз. Ткачиха продает туристам свои изделия и, кажется, на это только и существует.

Показывает же нам музей художник Адамиадиос Диамантис, энтузиаст народного творчества, исполняющий обязанности директора музея тоже на общественных началах. Худощавый, ослепительно седой, с быстрыми, острыми, молодыми глазами, он как бы плавает на крыльях среди всей этой богатейшей утвари, созданной руками безымянных художников и свезенной сюда, в старинный дворец, плиточные полы которого за века вытерты подошвами всяческих духовных особ. Художник-энтузиаст, о котором, впрочем, я слышал еще в Греции, так меня заинтересовал, что я довольно бесцеремонно напросился к нему в студию.

Ожидания оправдались. Диамантис оказался отличным живописцем, сильным, проникновенным портретистом, исключительно наблюдательным и острым жанристом и к тому же еще настоящим поэтом родной природы. Выставка его картин сейчас в Лондоне. Пользуется успехом. Даже задержана на второй срок. Нам приходится знакомиться с ними по фотографиям и эскизам. И все же мы получаем удовольствие здесь, в маленькой мастерской с косым потолком, под одной из островерхих крыш Никозии.

Диамантис — чуткий, глубоко гуманный мастер. Горе и беды народа находят в его душе немедленный отзвук, и он отражается на его полотнах и картонах. Любимая его тема — материнство. Думается, что именно в этой теме его наибольшие удачи. Но как она разнообразно у него звучит, какой широкий диапазон чувств раскрывает он через эту тему! Вот картина «Страшная весть». Убит кормилец. Онемевшая от горя женщина утешает плачущих ребят. А вот полотно «Жаркий день» — единственное, которое мы видим не в эскизах, а в подлиннике, ибо, как объясняют нам, оно было закончено, когда выставка картин уже направлялась в Лондон. Ничего замысловатого: мать прикрывает зеленой ветвью головку ребенка, чтобы солнце не мешало ему спать. Вот и все. А ведь целая поэма о материнстве. И такая игра света и тени, такая жизнь красок, что глядишь на эту спокойную картину и глаз оторвать не можешь.

Ну, а вернувшись в отель, я нашел на столе пакет. Вчерашний мой собеседник-коллега оказался человеком слова. В пакете — газеты разных названий и направлений. С первых страниц смотрит круглая улыбающаяся физиономия, из тех, какие у нас не очень интеллигентно именуются ряшками. Да, именно классическая ряшка со всеми атрибутами, какие ей полагается иметь: с толстенными щеками, глазками-щелочками, носом-кнопкой. Впечатление дополняют эдакие

Окончание. Начало см. «Огонек» № 37.

ДНЕЙ

НОМ ОСТРОВЕ

порнографические усики и ямочка на одной из щек, надутой, как футбольный мяч. Эта ряшка принадлежит квадратному человеку в английском офицерском мундире с двумя колодками орденских планок над карманом. За спиной обладателя ряшки автомат, на голове берет, и о том, что он голубой, говорит насаженный на него знак войск ООН. Это и есть майор Эдвард Масси.

Так вот как они выглядят теперь, современные Лоуренсы! В прошлом году в Сан-Франциско я видел супербоевик «Лоуренс Аравийский», в котором в течение двух с половиной часов воспевались подвиги этого кумира британских колонизаторов. Итак, что же он натворил на Кипре, этот нео-Лоуренс? Ведь его знаменитый предшественник действовал всегда втихую, избегал популярности и был прославлен лишь после того, как окончательно сошел со сцены.

Я походил вокруг этого вороха газет, как кот возле горячей каши. Газеты были на греческом. Но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что коллега, приславший эти газеты, был настолько любезен, что две заметочки он перевел. Я выписываю их целиком. Во-первых, потому, что желаю быть объективным, а во-вторых, любопытно да и небесполезно знать, как они продолжают действовать, эти Лоуренсы, в разгар краха колониализма, их породившего:

«Английский майор Масси руководит ТМТ[1]. Он является руководителем Интеллидженс сервис на Кипре.

Наша газета открывает сегодня впервые имя начальника Интеллидженс сервис на Кипре, который совместно с С. Пикардом сыграл значительную роль в подготовке мятежа кипро-турецких террористов и в продвижении англо-турецкого плана по разделу острова. Этим руководителем является майор Масси, который, кроме английского языка, хорошо знает турецкий и греческий. Он находился на Кипре во время национально-освободительного движения и покинул Кипр после провозглашения независимости страны. Затем он вновь был послан сюда незадолго до мятежа кипрских турок с тем, чтобы принять на себя руководство ТМТ.

Не случаен тот факт, что он находился в городе Пафосе в день бесчеловечного нападения кипрских турок на безоружных людей на городском рынке, а также в Малиане, когда турки деревни начали свои выступления. Грек-киприот, долгое время содержавшийся турками в качестве заложника в полицейском участке Кирении, сообщил, что он узнал майора Масси в человеке, который посещал полицейский участок, превращенный в опорный пункт ТМТ... Масси неоднократно летал на геликоптере в разные места острова вместе с... другими руководителями турецких террористов».

Эта заметка была помещена 20 мая этого года в газете «Телефтеа Ора». Дальше приводятся сообщения о таинственном исчезновении разоблаченного разведчика вместе с шофером Леонардом Платтом и даже с военной машиной. Сообщается, что в последний раз их видели в районе Галатиа, контролируемом турецкими экстремистами. Как он исчез, куда делся, точно никому не известно. На эту тему строят разные догадки.

Та же «Телефтеа Ора», комментируя это таинственное исчезновение, высказывает предположение, что этот матерый руководитель английской шпионско-диверсионной сети после разоблачения сам инсценировал свое исчезновение, чтобы сбить со следа греков-патриотов, а заодно и использовать это происшествие для антигреческой пропаганды. Комментируя события, прогрессивная и очень осведомленная газета «Харавги» подтверждает, что истинная миссия Масси, с которой он вторично возник на острове, не имела ничего общего с его обязанностями как офицера сил ООН на Кипре.

Согласно фильму «Лоуренс Аравийский», о котором я уже говорил, знаменитый английский разведчик за свою бурную жизнь не раз вот так внезапно исчезал и так же внезапно возникал снова и снова. Интересно, где и когда возникнет этот провалившийся и публично разоблаченный шпион? Но если когда-нибудь и придет кому-нибудь в голову сделать о нем фильм, то он может быть не героическим, а трагикомическим.

[1] ТМТ — организация турецких экстремистов на острове.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

С некоторыми из шоферов ооновских «джипов», славных ребят, скучающих от безделья, которые во множестве теснятся во дворе нашей гостиницы, у нас уже завязались знакомства. Раскланиваемся. Приветливо машем друг другу.

Сегодня один из них — костистый, белокурый парень, финн или швед,— подошел к нам, пока мы ожидали машину, подошел и молча показал невысокое белое здание совсем рядом с нашей гостиницей, но уже за линией баррикад, на территории турецкой общины. Над куполом этого здания ленивый и горячий ветерок полоскал флаг. Не кипрский национальный белый, а государственный турецкий флаг с полумесяцем и звездой.

Он был поднят ночью. Указавший на него шофер осуждающе покачал головой. Дескать, с ума спятили эти турки, что с ними поделаешь. На днях застрелили финского солдата в голубом берете.

И парню явно не улыбалась перспектива похмелья в чужом пиру. Появление чужого флага над столицей суверенного государства, может быть, предвещало какую-то новую провокацию, и это явно беспокоило шофера.

Сегодня я объехал редакции никозийских газет. Это был просто визит к кипрским коллегам, без которого нельзя обойтись, тем более что газеты всех направлений тепло написали о нашем приезде. Начали с редакции солидной газеты «Филэлефтерос», широко читаемой интеллигенцией. Побывали у друзей в популярной газете «Харавги». Заехали в консервативную газету «Элефтерия» и, наконец, отправились за город, где во вновь строящемся районе в отличном особняке, построенном в виде американского ранчо, издается самая шумная и сенсационная газета «Махи».

У журналистов всегда найдется, о чем потолковать с журналистом. Во всех газетах, где мы побывали, нас встречали тепло, спрашивали, что мы будем пить: кофе или портокаладо, как называют здесь апельсиновый сок,— и потом завязывалась добрая беседа с редакторами, с международниками, с репортерами — ловцами новостей и сенсаций. Беседы были откровенны. Мы узнали много о жизни острова, и хотя люди, с которыми мы толковали, были разных, порою диаметрально противоположных мировоззрений и рассматривали обстановку, сложившуюся на Кипре, с разных точек зрения, в одном они были едины: все происходящее — это дело рук держав НАТО. Это — стремление агрессивного

Пойманы с поличным. Унтер-офицер Марей и его жена, которая прикрывала своим младенцем зверские инструкции.

С первых страниц газет смотрит круглая, улыбающаяся физиономия, из тех, какие у нас не очень интеллигентно именуют ряшками. Это и есть майор Масси.

блока расшатать и подорвать крепнущую государственность Кипра, дискредитировать его правительство и президента перед мировым общественным мнением и исподволь так или иначе превратить остров в этакий натовский придаток.

— Только ведь мы, киприоты, не дети. Наша борьба за свободу сделала нас зоркими, и мы научились отличать искренность от лицемерия, врага от друга... Поэтому у нас сейчас так и популярна политика Советского Союза,— сказали нам в редакции «Филэлефтерос».

Все сходятся на том, что киприоты будут сражаться за свою свободу и что печать всех направлений выполнит в этой борьбе свой долг. Недаром в эти тревожные месяцы невиданно повысился интерес к печатному слову и общий тираж газет вырос на 20—30 процентов.

Из разговоров в редакциях стало совершенно очевидно, что враги Кипра имеют две цели: ближнюю — лишение Кипра суверенитета, а его правительство — самостоятельности и дальнюю — втягивание страны в орбиту НАТО. А киприоты мечтают совсем о другом: чтобы иноземные советчики убирались с острова, не вмешивались в их дела и дали бы их авторитетному правительству Кипра самому решить свои проблемы. Об этом нам говорили с одинаковой убежденностью и в прогрессивной «Харавги» и в консервативной «Элефтерии».

Сегодня нас принимает председатель палаты представителей господин Клеридис. Но до приема еще полтора часа, а в кармане приглашение посетить здешний авторитетный, как у нас сказали бы, «толстый» журнал, вокруг которого сплачивается много талантливых писателей. Как откажешься от такого приглашения, тем более что время есть.

А потом интересный вечер в помещении Общества кипро-советской дружбы. Сегодня Терешкин делает здесь доклад о политике Советского Союза и его помощи странам, встающим на путь независимости. Довольно просторный зал набит так, что, как любят писать наши публицисты, не только яблоку, но и семечку яблочному упасть некуда. Идет серьезный политико-экономический доклад с примерами, цифрами, выкладками. И опять сразу же устанавливается та же дружелюбная атмосфера, что и на конгрессе. Докладчика то и дело останавливают аплодисментами.

После доклада тут же, в малом зале, у меня встреча с редакторами и сотрудниками другого солидного журнала и опять вопросы, вопросы, вопросы. Огромный интерес к литературе, драматургии, кино. Но надо прямо сказать, что нашу литературу и драматургию тут знают больше понаслышке. Чувствуется жадное стремление к укреплению связи. В то время как англичане и французы буквально забрасывают их своими переводами. Спрашиваем, какова периодичность журнала.

— Вообще-то он ежемесячник,— отвечает смуглая черноокая стройная женщина, заместитель редактора.— Но сейчас дела идут хуже. Редактор в горах, он в национальной гвардии. Это там, на севере.

В ходе беседы один из сотрудников журнала, высокий мужчина в очках с толстыми стеклами, торопливо смотрит на часы, встает, извиняется. Пришло его время выходить на дежурство, он тоже в отряде самообороны.

— Где ваш пост?

— Да тут, недалеко, на границе с турецким сектором. Но ведь еще нужно зайти переодеться, взять оружие.

Пошел. Наткнулся на стул. Застенчиво улыбнувшись, извинился перед пустым стулом и, различив наконец, что на нем никто не сидит, поспешно вышел.

— У нас в редакции многие в отрядах самообороны,— говорит женщина.

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Эту запись я делаю в лоджии отеля «Флорида», стоящего на самом берегу шелкового, ласкового моря. Мы в Фамагусте — втором по величине городе острова и самом большом его порту. Легкий бриз покачивает мачты толпящихся у причалов яхт. Звезды необыкновенно ярки, и в призрачном их свете эти изящные суденышки кажутся стаей лебедей. Чуть поодаль сверкают огни порта, продолжающего и ночью жить своей трудовой жизнью, а еще дальше, за массивными тушами кораблей, темнеет господствующая над бухтой громада старинной крепости, где, по преданию, и жил чернокожий венецианский генерал-губернатор по имени Отелло и где он, это уже согласно сведениям бойких туристских буклетов, так нехорошо поступил со своей женой, белокурой красавицей, дочерью венецианского сенатора.

Справочник утверждает, что внутри крепости можно еще видеть развалины дворца, где произошел прискорбный этот инцидент, давший отличный сюжет англичанину Вильяму Шекспиру. Видеть эти развалины нам не удалось. Подход к ним заложен баррикадами из мешков с песком, и возле этих баррикад дюжие парни в голубых касках скучают, поглядывая на голубое небо. Ну бог с ним, с Отелло, день наш и так был достаточно насыщен и дал нам много интересного для понимания событий, происходящих на Кипре.

Как только, миновав последнюю полицейскую заставу, мы вырвались из изорванной баррикадами и проволочными заграждениями Никозии на шоссе, бушующие на острове страсти остались позади, и мы сразу окунулись в первозданную тишину каких-то совершенно библейских пейзажей. Дорога понесла нас по холмистой долине, обрамленной силуэтами пологих гор. Долина золотела тучными хлебами, а склоны холмов серели точками оливковых деревьев. Кругом пустынно. Лишь изредка встречаются легковые машины и автобусы, приземистые, крутобокие, построенные, вероятно, на заре автомобилестроения. Однако они проворно двигались по этим млеющим под солнцем полям, где к пейзажу больше подошел бы длинноухий ослик с восседающим на нем Иисусом Христом. Автобусы битком набиты, и от всех других автобусов дальнего следования их отличает то, что с внешней стороны они обвешаны гроздьями стареньких велосипедов.

Продолжение на странице 28.

ВСТРЕЧИ

Л. ОСИПОВА

Мастерская была открыта, а самого хозяина еще не было.

Исписанные холсты, тщательно завешанные или перевернутые, образовывали узкий проход в дверях. Стояли они и около стен в несколько рядов. Такое создавалось впечатление, что совсем скоро картины вытеснят художника из комнаты.

«Что ж,— подумалось мне,— вот уже и первые впечатления о творческом облике Евгения Самсонова. По-видимому, работать он любит, не жалея ни красок, ни холста, ни самого себя. Свойство ли это характера или творческого темперамента?».

Вот появляется, наконец, в дверях и сам хозяин. И сразу же застоявшийся в мастерской острый запах масляной краски перебивается другим — пыли и бензина,— запахом дороги.

— Почти целый день по всему району подольскому колесил. Понимаете, нужна мне для новой картины свежая пахота!..

Художник ерошит шевелюру и улыбается чуть смущенно. Он бросает куда-то в угол кожаную куртку и, не ожидая просьбы, начинает перевертывать полотна и ставить их так, чтобы удобно было смотреть.

В основном это небольшие по размерам этюды самых разных лет. Здесь портреты рыбаков с Байкала и пейзажи Подмосковья, наброски светлого цеха одной из фабрик Германской Демократической Республики и жанровые сценки, подсмотренные в мордовском совхозе.

— Это все мои дороги,— говорит Самсонов.

В общем-то, это, конечно, одна дорога. И такое ощущение, что идет по ней художник, ничего не упуская из поля зрения, рисуя все старательно и сосредоточенно,— авось на будущее пригодится!

А вехами на этом пути стали большие композиции. Они были показаны на недавней персональной выставке Самсонова; многие их знают по репродукциям и открыткам: «Смена идет», «На новые земли», «Перед лицом народа»...

Наверное, живописная обобщенность этих полотен не родилась бы без многочисленных дорожных этюдов, выставленных теперь у стены.

Когда я говорю об этом Евгению Ивановичу, он усмехается:

— Знаете, ведь первые свои картины я любил писать по воображению. Сначала в Архитектурном институте учился, потом в Суриковский поступил. Было это в первые послевоенные годы. Работа в классе по изучению натуры казалась удивительно скучной. Приходил после занятий, сшивал вместе все холсты, которые удавалось найти, и писал «героические симфонии» — так я сам определял жанр своих композиций. Это все были сражения или подвиги наших солдат на фронте. А когда не было новых холстов, «записывал» старые. Трудился вдохновенно, и если бы кто мне сказал, что, мол, правды настоящей маловато, а подражательности много, ни за что бы не поверил!..

А дороги я любил. В юности даже как-то и не связывал это со своей профессией. Отец у меня был военный, еще мальчишкой объехал я с ним пол-Сибири, и на Дальнем Востоке жили...

Когда несколько лет назад по комсомольским путевкам ребята поехали на стройки Сибири, в одном из эшелонов отправился и я. Взял мольберт и ящик с красками, маршрут выбрал интересный и сложный, все лето провел на приисках, шахтах, в городах, которые рождались на моих глазах. Много этюдов написал. Ну, работал обыкновенно, хотя об этой нашей поездке даже фильм документальный снимали. А ведь важна-то не сама дорога, а то, куда приводит она человека.

...Из-за вороха папок и холстов художник достает полотно, от которого в мастерской делается както уютнее и светлее. Сидят на скамейке в маленьком самолете женщины-мордовки. Сарафаны их так и полыхают яркими цветами. А на лицах — будничная сосредоточенность, деловитость.

— Вот такой была одна из первых встреч моих с Мордовией,— говорит Самсонов.— Приехал я туда в страшную распутицу, дороги развезло, как добраться? А мне говорят: у нас тут в это время только один вид транспорта существует — самолет. И почту возят самолетом, и в универмаг летают, и на совещания, и на слеты... Интересная в Мордовии природа; уклад жизни в деревне совсем особенный, а какие красивые одежды носят женщины! Как-то по-новому ощутил я значение цвета в жизни. Понимаете, именно не в искусстве, а в жизни. А потом уж увидел, что и писать по-новому стал: изменился колорит полотен, посветлел.

Кажется, уже все картины показал художник, а три самых больших холста, прикрепленных к мольберту, остались завешанными.

— Еще только начата работа,— объясняет Евгений Иванович.— Сколько еще дорог я пройду, прежде чем пойму: кончен и этот труд, можно людям показать.

Е. Самсонов. В САМОЛЕТЕ.

ДЕВУШКА-МОРДОВКА.

Е. Самсонов. УРОК МУЗЫКИ.

У ТЕЛЕВИЗОРА.

ПЛОВЦЫ ГОТОВЫ!

З. ФИРСОВ, председатель Федерации плавания СССР

Фото автора, Л. БОРОДУЛИНА, А. БОЧИНИНА.

Плавание в программу олимпиад входит с 1896 года. Мне довелось как-то повстречаться в Будапеште с первым олимпийским чемпионом, известным венгерским инженером-строителем Альфредом Хойошем. Когда мы заговорили о стиле участников первой олимпиады, Хойош рассмеялся и, махнув рукой, сказал:

— Я плавал так, что сейчас над моей техникой потешался бы каждый спортсмен. Это было совсем непохоже на современный кроль.

— С каким результатом вы победили? — спросил я.

— Результат? — усмехнулся Хойош.— Я проплыл сто метров с такой скоростью, что сейчас бы меня опередил любой воспитанник детской школы,— за 1 минуту 22,2 секунды!..

На стокгольмской олимпиаде 1912 года уроженец Гонолулу, выступавший за США, Дук Коханамоку, впервые продемонстрировал в заплывах вольным стилем довольно своеобразный способ плавания, заимствованный им у туземцев Гавайских островов. Коханамоку лежал на груди и быстро работал согнутыми в коленях ногами, так что пятки показывались над водой, а руками делал попеременные гребки. Этот способ был назван «кролем», что в переводе с английского означает «ползти». На каждый гребок руки Коханамоку успевал сделать четыре удара ногами, почему стиль Коханамоку и называли «четырехударным кролем».

Коханамоку завоевал титул олимпийского чемпиона на 100 метров вольным стилем с высоким для того времени результатом — 1 минута 3,4 секунды. Это почти на 20 секунд быстрее, чем проплывал эту дистанцию Альфред Хойош. Но Коханамоку не мог проплыть больше ста метров, и специалисты не сулили новому способу плавания больших перспектив. Однако вскоре акции кроля поползли вверх. Американский тренер Вильям Бахрах и другие знатоки плавания стали совершенствовать технику движений, а затем с помощью ученых нашли моменты чередования напряжения мышц с расслаблением. Кроль американцев был шестиударным, но с мягкой, эластичной работой ног. Для уменьшения сопротивления тренеры опустили («зарыли») голову своих учеников в воду и лишь для быстрого вдоха позволяли ее на мгновение поворачивать в сторону. Спортсмены стали успешно преодолевать кролем не только 100 метров, но и более длинные олимпийские дистанции — 400 и 1 500 метров.

Виртуозом нового кроля стал ученик Вильяма Бахраха — Джонни Вейсмюллер. Кстати, Вейсмюллера видели многие советские зрители в фильме «Приключения Тарзана», где знаменитый пловец сыграл роль человека-обезьяны.

В 1922 году Джонни Вейсмюллер впервые в мире проплыл 100 метров кролем быстрее одной минуты, а на VIII Олимпийских играх в Париже стал обладателем двух золотых медалей за победы на 100 и 400 метров вольным стилем.

Европейцы в то время заметно отставали от американцев в кроле и лишь в плавании брассом и на спине могли с ними конкурировать. Но на X Олимпиаде, проведенной в Лос-Анжелосе в 1932 году, американцам удалось сохранить свою гегемонию в плавании лишь за счет выдающихся успехов женщин, а в пяти номерах мужского плавания они получили сокрушительный удар со стороны новой плавательной державы — Японии.

До Олимпийских игр в Лос-Анжелосе японские пловцы ничем особенным не отличались, особенно в кроле. Но их тренеры тщательно изучали в США технику кроля, методы тренировки и, переняв все лучшее, пошли дальше, умело внесли в тренировку специальные гимнастические упражнения, стали смело привлекать к спорту детей, предсказав, что будущее спортивного плавания принадлежит юношам и девушкам. И вот результат: сенсационная победа в Лос-Анжелосе!

А на XI Олимпиаде в Берлине Америке был нанесен новый удар, теперь уже в женской программе. Из пяти номеров американским спортсменкам тогда не удалось завоевать ни одной золотой медали: четыре достались голландкам и одна — японской спортсменке, да и мужчины США смогли получить только две золотые медали.

Так американцы утратили свою гегемонию в спортивном плавании, у мужчин за счет бурного роста японских пловцов, у женщин благодаря выдающимся успехам в плавании маленькой страны — Голландии. На XV Олимпийских играх отличились венгерские спортсменки: в Хельсинки они завоевали сразу четыре золотых медали. А затем наступил Мельбурн...

До XVI Олимпийских игр австралийцы никогда не претендовали на превосходство в плавании. За всю историю олимпиад они смогли завоевать всего семь золотых медалей. И вот в 1956 году, незадолго до начала олимпиады, австралийцы установили целый ряд новых мировых рекордов. Вот, к примеру, один из самых выдающихся: долгие годы американские кролисты мечтали «разменять» 18 минут в плавании на 1 500 метров вольным стилем. 17-летний австралиец Мюррей Роуз добился этого! На Олимпийских играх в Мельбурне австралийцам досталось восемь золотых медалей.

Я познакомился в дни олимпиады с одним из известных австралийских тренеров, Гарри Галагером, воспитавшим чемпионов Олимпийских игр и мировых рекордсменов Джона Хенрикса и Даун Фрезер.

— В чем секрет такого ошеломляющего прогресса австралийских кролистов? — спросил я у него.— Вы открыли, как американцы в двадцатых годах, новую технику кроля?

— Только не это,— усмехнулся Галагер.— Все современные кролисты пользуются старой техникой Вейсмюллера. Более чем за тридцать лет она почти не изменилась. Результаты в плавании растут благодаря усовершенствованию методов тренировки. Наши пловцы тренируются много, плавают быстро, по шесть — восемь километров в день. Будущих рекордсменов мы отбираем из многих тысяч школьников и с юных лет прививаем им любовь к плаванию. Все, вместе взятое, и приводит к успеху.

Проиграв XVI Олимпийские игры австралийским пловцам, американцы сделали для себя все нужные выводы, не постеснялись тщательно изучить опыт австралийцев и на олимпиаде в Риме в упорной борьбе с австралийцами вернули себе утраченную в Мельбурне гегемонию в спортивном плавании. Американские пловцы завоевали десять золотых медалей, Австралийцы получили пять.

Изменилось ли положение за прошедшие после Рима четыре года? Каково соотношение спортивных сил в плавании перед олимпиадой в Токио?

Прежде всего это время прошло под знаком роста спортивного мастерства пловцов Англии, Объединенной германской команды, Франции, Голландии, Швеции и Советского Союза. В различных видах плавания европейские пловцы не только догнали, но и обогнали американцев и австралийцев. И если римская олимпиада, по существу, вылилась в острую борьбу за первенство между Америкой и Австралией, то в Токио будет гораздо больше равных по силам претендентов на золотые медали.

Об этом можно судить на примере советских пловцов. В Риме наши пловцы выступали неудачно, не смогли завоевать ни одной олимпийской медали. В настоящее время в Советском Союзе есть несколько пловцов, реально претендующих на успех в Токио. Мировая рекордсменка в плавании на 200 метров брассом, севастопольская школьница Галина Прозуменщикова имеет результат 2 минуты 45,4 секунды, в то время как спортсменкам других стран пока не удавалось проплывать эту дистанцию брассом быстрее 2 минут 46,9 секунды. Второй результат в мире на эту дистанцию также принадлежит советской спортсменке Светлане Бабаниной — 2 минуты 46,9 секунды. В мужском брассе четыре советских пловца входят в число восьми сильнейших брассистов мира на дистанции 200 метров: Георгий Прокопенко из Львова, Александр Тутукаев из Тбилиси, Иван Каретников из Волгограда и Владимир Косинский из Ленинграда.

Сильная мужская команда СССР в комбинированной эстафете 4×100 метров сможет бороться в Токио за одно из призовых мест. Об этом говорит новый европейский рекорд, установленный этой командой в мае текущего года,— 4 минуты 2,8 секунды. Лишь однажды американцам удалось проплыть чуть быстрее. Но ни в Австралии, ни в Японии, ни в какой-либо из европейских стран нет пловцов, способных сейчас перекрыть рекорд советской команды.

В плавании баттерфляем у нас подготовлено в последние годы много молодых пловцов во главе с москвичом Валентином Кузьминым и львовчанкой Валентиной Яковлевой. Молодой москвич Виктор Мазанов успешно готовится к олимпийским состязаниям в плавании на спине, а 18-летний ленинградец Виктор Гаврилов быстро прогрессирует в комплексном плавании на 400 метров.

Объединенная германская команда, Франция, Швеция, Англия, Голландия и Япония также имеют сильных пловцов в плавании на спине, баттерфляем и в комплексном плавании. Так что в этих видах плавания пловцам США и Австралии нелегко будет бороться за олимпийские медали в Токио. Однако в кроле американцы и австралийцы по-прежнему сохраняют ведущие позиции в мире. Об этом свидетельствуют новые мировые рекорды, установленные в последнее время молодыми американцами — Дональдом Шелландером, Рой Саари, Мери Рамeновски, Донно де Верона и другими. В отличной спортивной форме и многие австралийцы во главе со своими знаменитыми чемпионами XVI и XVII олимпиад — Даун Фрезер и Мюрреем Роузом. В нынешнем году оба олимпийских ветерана удивили спортивный мир поистине феноменальными мировыми рекордами. Даун Фрезер проплыла 100 метров кролем за 58,9 секунды. Она единственная в мире спортсменка, плавающая стометровку быстрее минуты. М. Роуз, являющийся сейчас студентом одного из американских университетов, проплыл 1 500 метров за 17 минут 1,8 секунды. Видимо, и три эстафеты вольным стилем также выльются в дуэль между американцами и австралийцами.

Так или иначе, но предстоящие в Токио старты пройдут в острой спортивной борьбе. Пловцы к олимпиаде готовы!

Мировые рекордсмены Диана Норфолк (Англия) и Георгий Прокопенко (СССР).

Надежда Японии — один из сильнейших кролистов мира, Цуоси Яманака.

Мировая рекордсменка Даун Фрезер (Австралия) дает интервью корреспондентам.

И. Каретников — один из сильнейших брассистов мира.

В. Кузьмин — лучший пловец страны в стиле баттерфляй.

Чемпионка СССР в плавании на спине Л. Викторова.

Кажется, только

1

Поздно вечером я вошел в крохотный кабинет с простой мебелью. У настольной лампы с темно-зеленым абажуром, бросавшим кружок света, Горький правил гранки. Толстая черная оправа очков делала еще более сумрачным его лицо со впалыми щеками.

— Алексей Максимыч, вы меня вызывали?

— Садитесь,— буркнул он, не поднимая глаз, и продолжал свою работу. Закончив страницу, разминая папиросу, глянул на меня в упор.— Вчера у Михаила Ивановича Калинина видел потрясающую женщину. Царь-бабу! Вдвое шире меня в плечах! По восьми пудов носила! Беспартийная, неграмотная — и создала лучший в стране сельский Совет. Александра Соколова. Читали о ее выступлении в Кремле? Вчера она беседовала с Калининым. Честное слово, нам у нее учиться! Поехать надо к ней.

Его округлые нижегородские «о» катились, как тяжелые обручи.

Мне передалось его настроение. К этой командировке я готовился особенно тщательно. Перечитал все, что только смог найти о тверских краях, об Александре Соколовой.

В газетном отчете о ее беседе с М. И. Калининым говорилось: «К словам А. Я. Соколовой он особенно внимательно прислушивался». Чем поразила эта женщина президента республики? О чем она ему рассказывала?

О том, что в пяти колхозах ее сельсовета хозяйство селекционное. Выращивались семена капусты и турнепса. Многие гектары давали дохода в сотни раз больше, чем земли окрестных колхозов, сеявших рожь и ячмень. Это было подлинное «калязинское экономическое чудо»!

Сверхкультурное, сверхдоходное семенное хозяйство на скудных, «неродючих» тверских землях, засоренных валунами! И кто там работает, у этой Соколовой,— ведь испокон веков тверские мужички от голода, от безземелья отправлялись в отход, в Питер и Москву. Подметали тротуары, прислуживали в трактирах, лишь немногие счастливцы устраивались на заводы. А бабы ворочали дома, по деревням. Тосковали в разлуке, пахали, молотили цепами и приносили по дюжине ребят, из которых редко кто доживал до годовалого возраста. Как сумела Соколова убедить одиноких, нервных женщин пойти на подвиг, на великие жертвы? Ведь в первый год семенники не давали колхозникам ничего, решительно ничего, кроме ботвы для коз и коров.

Когда Александру Яковлевну выбирали председателем сельского Совета, она не знала ни одной буквы.

«...— Как вас выбирали, с нажимом или без нажима? — спросил М. И. Калинин.

— Без всякого нажима! Доверяли мне. Я хотя и была забитая...

— Забитая? — засмеялся Михаил Иванович.— Не видать что-то! Вот так забитая!

Дружный смех покрывает слова тов. Калинина. В самом деле, ей ли говорить о забитости? Побольше бы таких жизнерадостных, здоровых людей! Побольше бы таких Соколовых!» [1].

Я приехал к А. Я. Соколовой. Эта «забитая» женщина с удивительной легкостью, с удовольствием ходила из деревни в деревню по полям и перелескам.

Батрачить она начала с шести лет. Была и возчиком и грузчиком, таскала на плечах мешки, выворачивала валуны на полях, носила на руках больного отца и калеку-мужа. Однако ни одной горестной складки у губ или глаз. Голубые глаза простодушного ребенка на широком румяном лице доверчиво улыбались. Светлые, пушистые волосы дышали под ветром. Лицо сияло.

Своих детей у нее не было. Она невольно начинала улыбаться, встречая чужих. И они, сквозь сетку ветвей заметив ее издалека, неслись к ней со всех ног с криками: «Соколовна пришла!»

Два лета прожил я в деревнях Мицеевского сельского Совета и никогда, ни разу не слышал, чтобы Соколова бранила, распекала кого-нибудь. Только скажет, бывало: «Ну, что же это ты, Егор?» — и видно было, как жалко ей его, как стыдно ей за этого Егора.

Много мужчин было в ее подчинении, пятеро одних только председателей колхозов! Среди них были и «шибко грамотные», и с норовом, и с пристрастием к бутылочке, и с привычкой к многословным речам и спорам. Никому она не угрожала, никого не наказывала. Однако слушались ее беспрекословно. Почему?

Однажды три больших начальника, руководящие работники, кричали и топали на нее во время раскулачивания, требуя, чтобы она согласилась с недобросовестно составленными списками. Она твердила негромко, но твердо: «Они не кулаки!» Милиционер сопровождал ее по грязной дороге, он ехал верхом, а она шлепала пешком. Такой эпизод есть в фильме «Член правительства», так было на самом деле. Милиционер арестовал ее, а она твердила: «Они не кулаки!» Бесстрашная сила убежденности, та, что в воде не тонет и в огне не горит, чувствовалась в ней, и люди покорялись — нередко против своей воли — великой правде, какую она носила в себе. Более сотни активистов, борцов за нашу коммунистическую правду воспитала она в пяти маленьких, глухих деревушках.

Я писал о ней очерк за очерком, их печатали, один из них Горький похвалил. Но я видел: Соколовой в моих писаниях почти нет. Самого главного я не мог (или не умел?) передать. Была досада на Алексея Максимовича: зачем он снисходителен к тому, что не удавалось мне! Я встретил народного вожака, такого, как Чапаев, видел осуществление мечты Ленина о том, чтобы любой и каждый из «нижайших низов человечества» управлял государством, и не мог выразить то огромное, может быть, самое значительное в моей жизни, что посчастливилось мне близко увидеть!

Я стал уговаривать друга моего, сценаристку Екатерину Николаевну Виноградскую:

— Поезжайте к Александре Соколовой! Вы сделаете отличный сценарий. Эта женщина — главная тема, генеральная тема нашего времени!

— Но ведь это ваша тема.

Я возмутился:

— Что значит «моя тема»? Это звучит, как «моя корова», «мой сад» или «мой дом — моя крепость». О жизни Александры Соколовой могут рассказывать двадцать—тридцать литераторов и сценаристов, и все скажут об этом по-разному, и никто не исчерпает темы до конца.

Е. Н. Виноградская поехала в Мицеево к Александре Соколовой, потом съездила ко многим известным деревенским активисткам, несколько лет работала над сценарием, стремилась создать обобщенный образ. Многое внесли в сценарий режиссеры фильма и В. П. Марецкая.

В сборнике «Труд актера» (издательство «Советская Россия», 1958) читаем: «Героиня сценария Е. Виноградской «Член правительства» Александра Соколова характеризовалась поначалу автором следующим образом: «Женщина огромного роста, с волнистыми волосами и с усмешкой красоты на лице». При встрече с режиссерами фильма А. Зархи и Н. Хейфецем Марецкая сказала им: «Вы, вероятно, никогда не видели меня в жизни, иначе не предложили бы играть роль Соколовой,— ведь я к ней совершенно не подхожу». Однако решено было провести пробные съемки. Чем дольше работала Марецкая над ролью Соколовой, тем сильнее захватывал ее духовный мир героини, тот огромный материал, который вставал за событиями, изображенными в сценарии».

2

Большой книги об А. Я. Соколовой я до сих пор не написал. Но впечатления от многих месяцев, прожитых в деревушках Мицеевского сельсовета, как-то сами по себе вплывали во все, что мною писалось. Я думал: книга о Шуре Соколовой — главная в моей жизни, когда-нибудь на вершине жизненного опыта я ее напишу.

Но странно, я не стремился снова увидеться с Соколовой. Почему? Была ли то боязнь узнать, что она трагически погибла в 1937 году или в годы войны, или превратилась в оратора районного значения, читающего по бумажке написанный кем-то монтаж из передовиц, или боязнь увидеть успокоенную, полуобрушенную пенсионерку, живущую воспоминаниями о встрече с большими людьми, я не знаю. Александра Соколова — Вера Марецкая победоносно шла по всем экранам мира, и мне не хотелось — ох, как не хотелось! — разрушать, пересматривать, переоценивать этот образ.

То, что я не сделал по малодушию своему, совершила Александра Яковлевна. Она разыскала меня. Неверно было бы сказать: она осталась такой же, какой была тридцать лет назад. Нет, она стала лучше, умудреннее жизненным опытом.

По внешности — все та же калязинская Соколова, в слишком длинном платье и с доброй улыбкой. Все так же трудно ей написать хотя бы коротенькое письмо, все тот же характерный говор деревень Верхней Волги: «дяденька», «тетенька» и «ощо» вместо «еще».

Однако то же глубокое волнение, что пронизывает зрителей всего мира, когда они видят на экране Александру Соколову, испытываешь, видя живую Соколову на ее седьмом десятке. Это река жизни, дочь народа, мать народа, и — господи! — до чего же она проста и обыденна, когда тащит в вагон две сумки с подарками внучонку, а в каждой сумке по двадцать килограммов.

— Александра Яковлевна, вам не тяжело?

— А чего такого! Я побольше носила!

Так же, как и тридцать лет назад, она считает, что совершенно не умеет выступать.

— Ну, куда мне! Чего я им скажу? Оне люди грамотные. Оне все сами знают.

Она долго готовилась к выступ-

Е. Виноградская, А. Соколова, В. Марецкая и Н. Вигилянский. Фото А. Стешанова.

[1] «Известия», 5 января 1934 года.

вчера...

Николай ВИГИЛЯНСКИЙ

лению по телевидению перед москвичами. «Главное: время больно ограничено! Пять минут! Что скажешь за пять минут?» Говорила, волнуясь, она не о себе, а о тех, кто дал ей путевку в жизнь. Она говорила об А. Г. Барулине, посланце Московского комитета партии, который сидел в зале, беседуя с женщинами и стариками, и помог воссоздать колхозы, развалившиеся за одни сутки после приснопамятной статьи «Головокружение от успехов», и дал Шуре Соколовой рекомендацию в партию.

Она говорила сбивчиво, задыхаясь. Придя домой, махнула рукой: «Провалилась совсем!» И очень удивлялась, когда на другой день, 9 марта 1964 года, телезрители-москвичи узнавали ее на улицах, жали ей руки и благодарили за прекрасное выступление.

Она и сейчас, в шестьдесят три года, не понимает источника своей силы. Неугасимый свет горит в ней самой, и ей кажется, что светло повсюду. И когда живешь рядом с ней, видишь: да, это так — свет повсюду! Простые, будничные люди, слушатели ее, как будто снабженные вдруг сверхчувствительными антеннами, начинают воспринимать биотоки, исходящие от ее голоса, от ее могучего жизнелюбия, от ее добрых глаз.

Они как бы видят и слышат то, что она им не сказала: как Соколова отдала свою шаль, пуховую «вязенку», и новенькие сапоги, и простыни с подзорами, и зимнее пальто за семена и сено для горьких, вдовьих колхозов, поднимать которые партия ее посылала. Они слышат в ее дрогнувшем голосе, как в труднейший год войны, в прифронтовой полосе, глубокой ночью по пояс в грязи ходила она по домам вдов и сирот, собирала матрасные наволочки, тут же вытряхивая из них солому, чтобы наутро в двух грузовиках отправить бойцам зерно, засыпанное в полосатые матрасы, так как во всей деревне не нашлось ни одного мешка. И словно видят, как, до бровей заляпанная грязью, за пять километров пришла она тогда под утро домой и ахнула: корова задавила ночью родившегося теленка. Она об этом здесь не говорила ни слова, но люди ведь умные, проникновенные, они все понимают, все.

3

Я приехал в Калязин по командировке «Огонька» в конце марта 1964 года. Волга была бела и недвижима, лед уже осел, вода ушла далеко от берега. Жарко натоплена печка, но в огромной комнате пенсионерки А. Я. Соколовой на втором этаже коммунального дома прохладно. Я читаю письма. Множество писем и телеграмм. Александра Яковлевна говорит:

— Ты посиди тут, почитай. Я за водой схожу.

Она надевает валенки с галошами, собирает ведра, коромысло.

— Идти за водой куда, на Волгу?

— На Волгу,— говорит она виновато, и я слышу в ее голосе: «Вот еще тут наша недоработка!»

С ведрами, с коромыслом Александра Яковлевна топчется, топчется в комнате.

— Вы после обеда что собираетесь делать? — говорит она, вдруг официально переходя на «вы».

— Пока еще не знаю, планов определенных нет. А что?

— Надо бы сходить к Николаю Николаевичу Родимову. Ты у него ощо не был? Это... это замечательный, самый прекрасный человек! Старый комсомолец, старый коммунист. Больше пятидесяти лет проработал на одном месте. И на пенсию не собирается, студентов учит практике. На всех станках. И лекции им читает. У него жена умерла недавно, горевал — ужасти! Однако работу не бросил. Он четыре с половиной тысячи студентов воспитал. И нонешнего директора техникума тоже. Это такой человек, такой человек! О нем об одном можно написать книгу.

— Хорошо, пойдем. С удовольствием!

Шура уходит, гремя ведрами, а я продолжаю читать письма.

«Пишу я из Якутии, а сама вся с вами, любимая наша Александра Яковлевна... Папа с мамой учили меня с детских лет русскому языку, а бабушка — якутскому. В школе сначала училась по-русски, а с третьего класса по-якутски, а с 8-го опять по-русски, вот и получилась каша! Я об этом никому не говорила, а с вами хочу посоветоваться. Братьев своих малюсеньких, Костю, Федю и Кольку, и сестер Ирочку, Настю и Фросю я учу сначала якутскому языку. Пусть сначала узнают жизнь своего народа. Правильно ли я делаю, напишите, посоветуйте, отсоветуйте...»

Это Лена Попова, одна из десяти девушек-якуток, которые, закончив десятилетку и посмотрев фильм «Член правительства», решили по примеру Александры Соколовой совершить трудное дело — поехать на самую плохую животноводческую ферму. Поехали в глушь Якутии, где морозы доходят до 60 градусов. Через два года сделали ферму лучшей в районе.

Они учатся, все учатся. Мать одной из девушек прислала грозное обвинение Александре Соколовой: «Вы совратили мою дочь! Она погибнет! У нее слабое здоровье! Она не приспособлена к жизни в деревне! Погибнет она по вашей вине!»

Эх, эти сверхлюбящие мамы! Не погибла ее доченька, а стала настоящим человеком. И вот уже много лет, как она, подобно подругам, только Соколовой рассказывает в письмах о своих заветных тайнах.

«...Вы себе представить не можете, как ждут вас дети! Я очень благодарна вам, вы много помогли мне в их воспитании. Школьники прислушиваются к вашим советам и стараются быть такими, как вы. Я знаю, вы отдали всю свою жизнь на благо Родины. И если бы все так заботились о воспитании подрастающего поколения, как вы! Но, к сожалению, есть много недостатков в воспитании. Часто даже наши передовики забывают о детях».

Это опять и опять пишет Соколовой учительница Васильева из станицы Бесскорбной, Ново-Кубанского района, Краснодарского края. Она живет совсем недалеко от тех полей, где трудятся лучшие механизаторы страны Светличный и Первицкий. Да, это недалеко от Армавира, где мы, комсомольцы двадцатых годов, сражались с кулацкими бандами. Много лет Александра Яковлевна переписывается со школьницами и учителями станицы Бесскорбной, иногда платье себе новое к празднику не сошьет, а пошлет подарки кубанским детям. У них в школе есть «уголок Александры Соколовой», они хранят там альбомы, и книги, и письма, присланные ею, и давно мечтают назвать свою школу именем Александры Соколовой. А она в Бесскорбной и не была ни разу. Как-то собралась, да болезнь не пустила...

Однако прохладно в комнате! Резкий мартовский ветер бьет в большие окна. Я встаю и хожу из угла в угол.

Александра Яковлевна входит с полными ведрами, ставит их на пол, вешает на гвоздик коромысло.

— Знаешь, о чем я думала? Какое бы письмо надо написать?

Всегда у нее так...

— Знаешь, сколько дров сжигает за зиму одна только наша пятая школа? Пятьсот кубометров! За одну зиму! Целую рощу вырубают для одной только школы! Каждый год. А частники многие у нас в Калязине сделали в своих домах центральное отопление. В соседнем доме рабочий сжигал каждую зиму четырнадцать кубов дров, самое малое — на сто рублей. И к утру замерзали. Теперь провел по всему дому трубы, вмазал в печку небольшой котелок, подвесил бак для обогрева воды. Хватает теперь ему на всю зиму одной машины угля. Стоит она не сто рублей, а всего пятнадцать. И всю ночь держится тепло в доме, а в баке горячая вода. Пойдем сейчас, сам посмотришь. Он дома.

4

Недавно я узнал: мать известной киноартистки Нонны Мордюковой, так же как Александра Яковлевна, была на Кубани председателем в колхозах и сельсоветах. И когда дочь начинала хандрить, мать прибегала к наиболее сильному средству: «Вспомни, доченька, о Шуре Соколовой. Разве ей было легче? Ей было еще труднее, чем нам! Вспомни кинофильм «Член правительства». Разве вешала голову Соколова?»

Кто знает, кто подсчитает, сколько миллионов людей подняла, поддержала и научила жить на свете Александра Соколова? Недавно фильм об Александре Соколовой с успехом шел в Бамако, столице африканской Республики Мали. Фабрика «Мосфильм» реставрировала в этом году фильм, чтобы снова выпустить его на экраны страны. Вера Петровна Марецкая рассказывала, как нелегко ей было через четверть века снова входить в роль Шуры Соколовой. Но это было и очень радостно. Ведь вернулась она к самой лучшей и самой любимой своей роли!

А у живой, настоящей Александры Соколовой сейчас новая мечта, новый фронт борьбы: надо строить в Калязине такие же современные дома со всеми удобствами, какие она видела под Москвой в совхозе «Заря коммунизма». Ведь Никита Сергеевич Хрущев давно уже советует переходить на крупнопанельное, сборное строительство, зачем же по многу лет корпеть, чтобы лепить кирпичные, тяжелые дома с печным отоплением, с чадными керосинками и керогазами? Калязинские рабочие, друзья, земляки Соколовой, на все согласны, любой свой труд вложат.

— Ты скажи в Москве: мы в более трудное время, во время войны, построили силами народа линию электропередачи Углич — Калязин и дали своему городу электрический свет. На своих сухарях, безо всякой зарплаты работали, прорубали леса. Месяцами не видели своих семейств. А теперь-то неужто не осилим? Когда вся страна перестраивается, неужто не перестроим родной свой городок?

Иностранная новелла

Брана ЦРНЦЕВИЧ

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

БОСОНОГИЙ и НЕБО

Всю весну, все лето он ходил босой, и поздней осенью он ходил босой. Только зимой он надевал огромные башмаки, которые и многим взрослым были бы велики. Вот почему и получил он кличку Босоногий. Много лет я пытаюсь вспомнить его настоящее имя, но напрасно. Его имя исчезло под напластованием дней и годов, часто тяжелых лет и дней, которые легли на мои плечи, на плечи многих людей нашего поколения. Итак, осталось только прозвище — Босоногий. Этого будет достаточно для моего незатейливого рассказа.

Брату и мне казалось в детстве, что мир без Босоногого вообще не был бы интересен: ведь он все знал, он был самым сильным мальчишкой не только на нашей улице, но и на улице, которая пересекала нашу, он был неуемным фантазером и выдумщиком, с ним не скучали. Взрослые его недолюбливали. Они говорили, что он портит детей, что, дружа с ним, их дети становятся невоспитанными, он учит их всяким удивительным и непривычным словам. Может быть, потому, что взрослые говорили нам об этом каждый день, не было парнишки, который бы его не обожал. Достаточно было появиться на улице Босоногому и засвистеть — так чудесно, как только он один умел,— и мы стремглав выбегали к нему.

Однажды он целых три дня не появлялся. Брат и я чуть ли не заболели от тоски. Тем более, что мы знали: через несколько дней нам предстояло уехать с родителями на море, а Босоногого и след простыл. Мы боялись, что не увидимся с ним до отъезда. Но вот он все-таки появился. Он был в пыли, не причесан, но это только разжигало наше любопытство.

— Где ты пропадал? — спросил брат.— Мы собираемся ехать на море, а тебя нет.

— Не стоит, ребята, ехать на море,— спокойно сказал Босоногий.— Ведь я поджег море.

— Как поджег? — испуганно воскликнул брат.— Как же ты его поджег?

— Очень просто. Оно мне не понравилось, и я решил его сжечь.

На наших лицах застыло изумление и восторг. Тогда Босоногий разъяснил:

— Все очень просто. Я полил его бензином, выплеснул 50 баков бензина и вот так зажег спичку. П-ш-ш-ш. И готово!

— А потом? — спросили мы его.

— Потом ничего. Осталась только дыра.

— Такая, как дом? — спросил я его.

— Как пять домов? — спросил брат.

— Как тысяча и пять домов,— сказал Босоногий с презрением.

После полудня, хотя до отъезда оставалось еще несколько дней, мама уже начала укладывать вещи в чемоданы, она собиралась на море. Мы с братом тайком посмеивались: ну и удивится она, когда мы приедем туда, а моря не найдем, только увидим огромную дыру, размером в тысячу и пять домов! Мы обсуждали, сказать ли родителям, что Босоногий сжег море и нам не стоит ехать туда на отдых, но хотелось посмотреть знаменитую дыру, которая осталась от моря, и мы договорились молчать.

Босоногий отлично знал, как можно поразить наше воображение. Вечером раздался знакомый посвист, и мы с братом выскочили на улицу.

— Ребята! Послушайте, что я вам расскажу. Вы знаете, что дерево ночью не остается на своем месте? Оно отрывается и бродит. Каждое дерево ходит всю ночь и только под утро возвращается на свое место.

— Врешь! — сказал брат, раскрывая глаза от изумления.

— А вы не поспите одну ночь и посмотрите,— с негодованием бросил Босоногий.

Половину ночи мы с братом дежурили у окна, наблюдали за тополем, который рос на нашем дворе. Но он не двинулся ни на шаг. Тогда мы договорились — нам очень хотелось спать — дежурить по очереди. Каждый час мы сменялись. Заря застала нас невыспавшимися. Тополь не сдвинулся с места.

— Ты обманул нас,— сказали мы Босоногому в тот день.— Мы не спали всю ночь, а дерево преспокойно оставалось на своем месте.

— На какое дерево вы смотрели?

— На тополь, на наш тополь во дворе.

Босоногий подошел к дереву и надрезал кору. Внимательно посмотрел надрез, затем сказал подчеркнуто спокойно и холодно:

— Ваш тополь болен. Вот почему он не двигается. В городе есть только четыре таких дерева, которые не двигаются. И все они больны.

Он сказал нам еще, что наш тополь скоро свалится. И с тех пор мы обходили его за несколько шагов. Ведь неприятно, если дерево упадет тебе на голову!

Другая история была рассказана им на следующий день.

— Я поцеловал небо,— заявил он, как всегда спокойно, будто говорил о самом обыкновенном поступке.

— Ну, это ты врешь! — сказал брат.— Мы тебе во всем верим, ну уж это ты врешь!

— Ты не мог коснуться его губами,— добавил я.

— А я и не прикасался к нему губами. Я поднялся на высокую гору и палкой достал до неба. Потом я поцеловал палку, а это то же самое, что я поцеловал небо.

Это нас поколебало. Босоногий предложил нам, если мы ему все-таки не верим, отправиться вместе к той горе. Мы воодушевились. Когда же? Решили — завтра утром. Уходя, он сказал нам:

— Возьмите с собой завтрак. Я очень люблю повидло.

Мы взяли отцовскую сумку, положили туда целую банку повидла и краюху хлеба. Проснулись мы очень рано и с нетерпением ожидали приятеля. Он осторожно постучал утром в ставни, чтобы не разбудить старших. На улицу мы выскочили из окна. Как только мы вышли из города, Босоногий потребовал хлеба с повидлом. Наши запасы пригодились. Мы позавтракали и двинулись дальше. Наконец мы дошли до какой-то возвышенности, и Босоногий сказал, что это низкая гора, она не годится для нашей цели. Двинулись дальше. Я признался, что устал, тогда Босоногий заявил, что если я буду канючить, он с братом пойдет дальше, а я не увижу ничего. Я испугался и сказал, что пошутил, и мы продолжали путешествие. Нам попадались горы, но ни одна не годилась — так говорил Босоногий. Так как мы, чтобы не заблудиться, все время шли по дороге, нас к вечеру догнал мой отец. Он сказал, что не накажет нас, не будет бить и Босоногого, и мы все вместе вернулись в город. Мама плакала и сто раз повторяла, что она всегда говорила, чтобы мы не дружили с Босоногим.

...Утром Босоногий подкрался к нашему окну и, когда мы высунулись из него, сказал:

— Представьте себе, ребята, сразу же за той горой, где нас изловил ваш отец, находится гора, на которой я целовал небо.

— Да-а,— разочарованно сказал брат.— Жалко. Обидно, что мы не дошли до твоей горы.

Вечером мы с родителями уехали на море. Оно оказалось на своем месте. Я сказал брату, что Босоногий, пожалуй, обманул нас: он не поджигал моря. Но брат думал иначе.

— Давай спросим у отца,— сказал он.— Мне кажется, что на свете есть несколько морей.

— В мире много морей,— подтвердил отец.— Не одно, а много морей.

Вера в Босоногого была восстановлена. Мы едва дождались конца лета, так нам не терпелось приехать домой и отправиться в путешествие с Босоногим на гору, с которой можно поцеловать небо.

Но когда мы вернулись, выяснилось, что Босоногий исчез. Наверно, он уехал в другой город. Вот почему мы никогда уже не смогли проверить, обманул ли он нас тогда. А может быть, он говорил правду?

Перевела с сербохорватского Я. Кунина.

РЕПОРТАЖ С ВЫСТАВКИ В МУЗЕЕ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА, ПОСВЯЩЕННОЙ 100-ЛЕТИЮ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА, ВЕДЕТ ЯКОВ МИЛЕЦКИЙ

ПОСТУПЬ КОММУНИЗМА

У входа в зал лежит под стеклом голубоватый листок бумаги. На нем несколько строк по-английски. Можно бы и не обратить внимание на это письмо, если бы не адресат: «Доктору Марксу».

Это письмо — приглашение на рабочее собрание в лондонском Сент-Мартинс-холле 28 сентября 1864 года, где было положено начало Международному Товариществу Рабочих — I Интернационалу.

Около двух тысяч экспонатов, представленных на выставке, рассказывают о победной поступи коммунизма от I Интернационала и до наших дней. И каждый экспонат интересен. Можно ли спокойно смотреть на подлинный членский билет Международного Товарищества Рабочих, выданный Фридриху Энгельсу и подписанный Карлом Марксом? Кусок плотной бумаги. Неясный от времени типографский оттиск.

— Кого же должно благодарить человечество за сохранение этих ценнейших реликвий? — спрашиваю я заместителя директора Музея Маркса и Энгельса Б. М. Рудяка.

— Владимира Ильича Ленина, — отвечает он. — Это по ленинскому указанию в двадцатых годах началось собирание рукописных и печатных документов Маркса и Энгельса. Была проведена очень большая работа, и теперь наша страна является обладательницей бесценного наследия основоположников научного коммунизма. Поиски продолжаются. Еще до сих пор поступают интересные документы или снимки, сохранившиеся у коллекционеров и у потомков тех людей, которые участвовали в событиях столетней давности.

История I Интернационала представлена на выставке с самого начала. На одном из стендов лежит письмо Маркса, в котором он сообщает своему другу и соратнику Энгельсу о решении создать Международное Товарищество Рабочих. Тут же ответное письмо Энгельса, приветствующего создание Интернационала.

А вот лист, где регистрировались посещения заседаний Генерального Совета с сентября по декабрь 1870 года. Это страница из протокольной книги Генерального Совета Интернационала. Маркс присутствовал на 15 заседаниях, и лишь на одном заседании его не было.

Интерес вызывает первое лондонское издание написанных Марксом программных документов Интернационала — Учредительного манифеста и Устава Международного Товарищества Рабочих.

Я списываю строки, которые и сейчас звучат злободневно:

«Опыт прошлого показал, что пренебрежительное отношение к братскому союзу, который должен существовать между рабочими разных стран и побуждать их в своей борьбе за освобождение крепко стоять друг за друга, карается общим поражением их разрозненных усилий».

Большая афиша, заявление, сообщает к всеобщему сведению: лондонское общество каменщиков принято в Международное Товарищество Рабочих. Скольких пролетариев радовала тогда эта незатейливая афиша!

Висящая рядом карта показывает, как шло объединение рабочих мира, как Интернационал руководил их борьбой. По всем странам разбросаны красные звездочки: это секции Интернационала. Они охватили почти всю Европу от Будапешта до Ливерпуля, перекинулись в Алжир и Новую Зеландию. А синие звездочки показывают места стачек, поддержанных Интернационалом: Лейпциг и Женева, Руан и Париж, Антверпен и Шарлеруа, Лондон и Манчестер.

Эти события иллюстрируются множеством копий с гравюр того времени. Перед нами оживают волнения рабочих в Шарлеруа, сборища безработных Парижа возле городской ратуши, страшное зрелище катастрофы на шахте. И тут же написанная Марксом листовка — протест против кровавой расправы бельгийских властей с бастующими металлистами и горняками.

Внимание привлекает фотография 1869 года: делегаты Базельского конгресса под знаменем Базельской секции Международного Товарищества Рабочих.

А вот и это знамя! Его привезли из Швейцарии. В течение ста лет оно переходило от поколения к поколению. Обветшалое от времени, полуистлевшее. С величайшим трудом удалось реставраторам восстановить его. Читаем: «Международное Товарищество Рабочих. Базельская секция», — и лозунг: «Никаких обязанностей без прав, никаких прав без обязанностей».

Есть на выставке экспонаты, вызывающие особое волнение. Это личные вещи Карла Маркса. Два кресла: одно — жесткое, потертое, на нем Маркс сидел за письменным столом; и другое — мягкое, обтянутое желтой тканью с широкими полосами. В нем Маркс скончался...

Эти реликвии получены из Франции от потомков Маркса. Они же передали в дар Советскому Союзу медальон старшей дочери Маркса, Женни. Внутри медальона портрет Маркса и прядь его волос.

К сожалению, личных вещей Карла Маркса на выставке немного: потертое портмоне, желтый костяной мундштук и кофейный сервиз, которым пользовалась семья Маркса. Сервиз подарил французский коммунист Мартен Селестен, друг Поля Лафарга.

...Широко представлены на выставке документы, рассказывающие о борьбе Интернационала с противниками марксизма, в частности с бакунинцами, маскировавшими свою сектантскую сущность ультралевой фразой. Вот написанная Марксом резолюция Генерального Совета Интернационала о бакунинском «Альянсе социалистической демократии». В назидание современным раскольникам полезно привести строки резолюции:

«Принимая во внимание, что наличие второй международной организации, функционирующей внутри и вне Международного Товарищества Рабочих, послужило бы вернейшим средством для его дезорганизации; ...что таким образом Международное Товарищество Рабочих вскоре превратилось бы в игрушку в руках интриганов любой расы и национальности...», Генеральный Совет отказался принять бакунинский «Альянс» в Интернационал в качестве секции.

Очень современно звучат документы, рассказывающие об отношении I Интернационала к войне и миру.

«Союз рабочих всех стран в конце концов искоренит всякие войны», — писал Маркс. Эту мысль иллюстрируют выдержки из решений конгрессов Интернационала об отношении пролетариата к войне, о том, каким должно быть поведение рабочих в случае войны между европейскими державами.

И здесь же старая карикатура французского художника О. Домье «Сберегательная касса»: военные некоторых стран накапливают артиллерийские ядра и складывают их в кучи, — так идет подготовка к войне. Не так ли накапливают сейчас ядерные боеголовки империалистические державы? Нет, не устарели карикатуры Домье!

Много экспонатов на выставке рассказывает о Парижской Коммуне, духовном детище I Интернационала. Героическая эпопея борьбы рабочего класса встает во всем своем величии в старинных гравюрах, изображающих торжественное провозглашение Парижской Коммуны, ратушу в дни восстания, демонстрацию английских республиканцев в поддержку Коммуны, последние дни отважных коммунаров и, наконец, чтение приговора осужденным.

Карл Маркс был представителем Русской секции в Генеральном Совете Интернационала. Письма Комитета Русской секции, адресованные Марксу, информируют его о деятельности секции и, в частности, о ее борьбе с бакунинцами. Интересна печать, скрепляющая письма: по овалу ее выведены слова — «Международное Товарищество Рабочих», а в центре два слова — «Русская ветвь».

А вот и фотографии тех первых русских революционеров-демократов, которые были членами I Интернационала. Среди них Н. И. Утин, приговоренный в России к смертной казни и бежавший за границу, где он руководил Русской секцией и вел непримиримую борьбу с Бакуниным и его сторонниками.

В следующем зале документы о достойных наследниках I Интерна-

Медальон Женни Маркс.

В одном из залов выставки.

Фото В. Анни.

ционала, о могучем мировом коммунистическом и рабочем движении, о мировой системе социализма, о первой социалистической державе — Советском Союзе. Каждый экспонат этого зала — яркое свидетельство победной поступи коммунизма, его верности идеям Маркса—Энгельса—Ленина.

I Интернационал призывал к миру, выступал против войн. Мы видим на стенде воспроизведение оригинала договора о частичном запрещении ядерных испытаний.

I Интернационал звал к дружбе народов, к пролетарской солидарности. Десятки экспонатов говорят о том, как Страна Советов выполняет этот интернациональный долг. Памятные медали в честь Всемирного форума молодежи, обращение аргентинской молодежи к юношам и девушкам СССР, образец первой плавки мартеновской печи № 1 на Бхилайском металлургическом комбинате в Индии, фотография перекрытия Нила у Асуанской плотины и многие другие экспонаты ярко свидетельствуют, что наша страна с честью выполняет призывы Маркса, заветы Ленина.

Недаром приведены здесь слова президента Ганы Кваме Нкрума:

«Если бы не Советский Союз, движение за освобождение от колониального ига... испытало бы всю силу жестокого и грубого подавления».

Нельзя спокойно читать письмо коммунистов - политзаключенных центральной тюрьмы в Бургосе. Жертвы испанских застенков обращают слова привета к советским космонавтам Валентине Николаевой-Терешковой и Валерию Быковскому:

«...заключенные коммунисты Бургоса, где пространство ограничено стенами, штыками и ненавистью фашизма, посылают вам привет, твердо веря в победу социализма, который в Советском Союзе уже стал действительностью».

Так пишут люди, проведшие в казематах по пятнадцать — двадцать лет. Люди несгибаемой воли — коммунисты, правнуки Маркса, внуки Ленина!

Их миллионы. Посмотрите на карту мира, высеченную на стене этого зала. Многие страны Европы и Азии красного цвета: это государства мировой социалистической системы. По всей планете разбросаны красные звезды — коммунистические и рабочие партии.

И цифры, которые красноречивее всяких слов:

1928 год — 46 партий, 1 680 000 членов,

1935 год — 61 партия, 3 141 000 членов,

1956 год — 75 партий, 33 000 000 членов,

1963 год — 90 партий, 42 500 000 членов.

«Коммунизм, который когда-то был лишь мечтой, стал величайшей силой современности, обществом, созидаемым на огромных пространствах земного шара». Так сказано в Программе Коммунистической партии Советского Союза.

Покидая выставку, с чувством гордости читаешь слова Никиты Сергеевича Хрущева:

«Разрабатывая свою стратегию и тактику на будущее, мы снова советуемся с Марксом, Энгельсом и Лениным».

В верности марксизму-ленинизму — залог всех наших дальнейших побед».

14 СЕНТЯБРЯ 1959 ГОДА В 0 ЧАСОВ 02 МИНУТЫ 24 СЕКУНДЫ ПО МОСКОВСКОМУ ВРЕМЕНИ ПЕРВЫЙ ПОСЛАНЕЦ ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ НА ДРУГОЕ НЕБЕСНОЕ ТЕЛО ДОСТИГ ПОВЕРХНОСТИ ЛУНЫ. НА МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПЛАСТИНКАХ ВЫМПЕЛА — ИЗОБРАЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА СССР. МЕСТО ПРИЛУНЕНИЯ — МОРЕ ДОЖДЕЙ.

ПРОШЛО ПОЧТИ ПЯТЬ ЛЕТ. 31 ИЮЛЯ 1964 ГОДА ЛУНЫ КОСНУЛСЯ АМЕРИКАНСКИЙ КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ «РЕЙНДЖЕР-7». МЕСТО ЕГО ПАДЕНИЯ — МОРЕ ОБЛАКОВ.

ДАВАЙТЕ СОВЕРШИМ ПРОГУЛКУ ПО ДВУМ КВАДРАТАМ НА ЛУНЕ. ПО ТЕМ ЕЕ РАЙОНАМ, КОТОРЫЕ УЖЕ СВЯЗАНЫ С ЗЕМЛЕЙ.

Фотография Луны в последней четверти. Север — внизу.

Верхний квадрат ограничивает район Моря Облаков. Сюда упал американский космический аппарат «Рейнджер-7».

Квадрат внизу — район Моря Дождей. Здесь находится советский вымпел.

В. ЛУЦКИЙ

Квадраты на Селене

Море Дождей. Это гигантская низменность. 1 100 километров нужно преодолеть, чтобы пересечь море от одного берега до другого.

С юго-западной стороны берегом служит великолепная по красоте и удивительная по своеобразию горная цепь — Апеннины. Более чем на пять тысяч метров над уровнем моря возвышаются отдельные вершины гигантского хребта, тянущегося от Мыса Френеля на северо-западе до кратера Эратосфена на юго-востоке. Много усилий придется приложить будущим космонавтам, чтобы взять вершины Апеннин.

С запада и севера к Морю Дождей примыкают хребты Кавказа и Альп. Длина лунных Альп — 465 километров. Космонавт, находясь среди разбросанных альпийских пиков, обязательно обратит внимание на необычайно прямую Долину Альп — гигантскую стодвадцатикилометровую расселину, пересекающую горную систему с запада на восток. Ширина долины достигает местами десяти километров. Это — одно из примечательных мест на всем видимом с Земли полушарии Луны.

Но спустимся с гор на равнину. Множество интересных объектов найдет здесь будущий космонавт. В Море Дождей есть и кольцевые горы — кратеры, и остроконечные одиночные вершины, и глубокие долины, и удивительный по своему строению, глубоко вдающийся в берег Залив Радуги. Большинство ученых считает, что этот залив образовался миллионы лет назад в результате столкновения с Луной громадного астероида — «планетозималн». От удара, как считают некоторые астрономы, из лунных недр начала изливаться жидкая лава, затопляя постепенно колоссальные районы на Луне, известные сейчас под названием Великого пояса морей.

В юго-западной части Моря Дождей высятся три больших кратера — Архимед, Автолик и Аристилл. Около них лежит сейчас советский вымпел. Наибольший из этой группы кратеров — Архимед. Его восьмидесятикилометровое в поперечнике кольцо окружает довольно гладкую равнину площадью в пять тысяч квадратных километров. Интересно, что при таком солидном диаметре высота скал кольца невелика — всего около полутора километров. С Земли этот кратер кажется довольно плоским.

Передвигаясь дальше — к северу, путешественник увидит одиноко стоящую скалу Питон, дающую очень резкие тени при низком положении Солнца. Если смотреть на Питон, подлетая к Луне,— выглядит он очень крутым. Однако недавние измерения, проведенные в Англии, показали, что для наблюдателя на Луне эта скала будет казаться почти пологой. При высоте 2 300 метров она настолько широка в основании (около 30 километров), что похожа скорее на большой холм.

Восточнее, на равнине Моря Дождей — почти в ее центре,— хорошо заметны даже в небольшой телескоп кратеры Тимохарис, Ламберт, Пифей, а в знакомых нам Альпах — гигантский цирк Платон, диаметром 96 километров. В истории исследования Луны Платону уделено особое место: несколько наблюдателей начиная с XIX века определенно отмечали над Платоном необычную светлую пелену, похожую на туман или легкие облака. Пелена значительное время скрывала области Платона. Что это? Ведь при отсутствии на Луне воды и атмосферы настоящие облака или туман должны быть абсолютно исключены... А быть может, в донных трещинах Платона находят себе выход из лунных недр какие-то газы?

Кончается наше путешествие по одному из красивейших уголков Селены, как в древности называли Луну. Перенесемся теперь на юг, через огромный Океан Бурь к Морю Облаков. Здесь разбился о поверхность Луны американский космический аппарат «Рейнджер-7».

Первые космические фотографии были сделаны пять лет назад — в октябре 1959 года — с помощью советской автоматической межпланетной станции. Тогда, впервые в истории человечества, были получены уникальные фотографии невидимой с Земли стороны Луны. По этим фотографиям составлена карта обратной стороны Луны, а позднее в СССР был выпущен и лунный глобус.

Американцам после нескольких неудачных попыток удалось на близком расстоянии сфотографировать участок видимого с Земли полушария Луны.

Что же представляет собой эта местность? Море Облаков, где лежит «Рейнджер»,— обширная низменность. Ширина ее — около 500 километров. Однако она расположена несколько выше средней отметки на Луне (в то время, как, например, Море Дождей, и особенно его восточная половина, расположено значительно ниже).

С западной стороны Море Облаков ограничивают горные системы, среди которых выделяются три очень крупных кратера, хорошо видимые в телескоп с Земли. Самый крупный из них — Птолемей. Более двух таких государств, как Ливан, могли бы свободно уместиться на площади, занимаемой Птолемеем.

Южный вал Птолемея является частью следующего кратера — Альфонса. Несколько лет назад он привлек к себе пристальное внимание астрономов всего мира. 3 ноября 1958 года советскому астрофизику Н. А. Козыреву удалось получить несколько фотографий спектра центральной горки кратера Альфонс (ее высота — 912 метров) и дна кратера. Одна из спектрограмм имела необычный вид. На ней отчетливо были видны следы какого-то яркого свечения, которое на обычных спектрах Луны не наблюдается. Исследование полученных спектрограмм показало, что в кратере происходил выброс газов — процесс, подобный вулканизму. В составе газов выявлены

Загадка, проблема, открытие, факт

НА КОНЦЕРТЕ — ГЛУХИЕ

Пианист выходит на сцену, садится за инструмент, берет первые аккорды... И на экране возникают цветовые волны. Они то усиливаются, то ослабляются, меняют окраску.

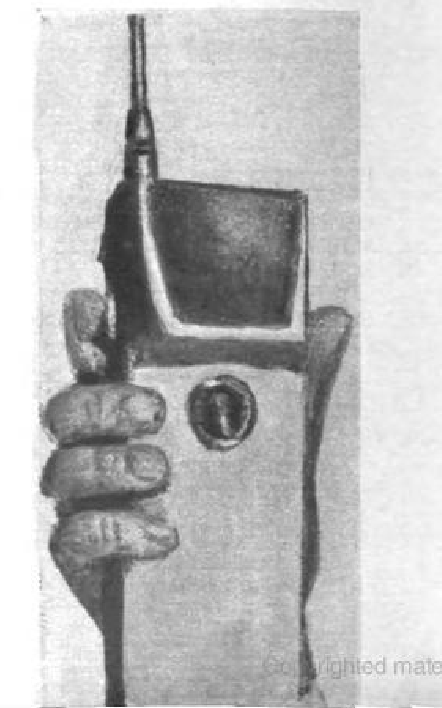
Пианино для глухих построил польский инженер Сбигнев Скакальский. Он соединил клавиши с набором лампочек разных цветов, помещенных на экране. Как только палец надавит на клавишу, зажигается лампа. Так они вспыхивают одна за другой, образуя причудливые световые сочетания, соответствующие рисунку музыки.

Световое пианино дает людям, лишенным слуха, возможность получить представление о том, что такое музыка, ритм, научиться танцевать.

«СТОРНОФОН-500»

В Дании сконструирован радиопередатчик «Сторнофон-500». Вместе с антенной и аккумулятором он весит всего 750 граммов и свободно умещается в кармане.

На ярмарке этого года в Лейпциге радиопередатчик награжден дипломом.

молекулы углерода. Эти-то газы и светились, вероятно, под действием коротковолнового излучения Солнца. Значит, не такой уж мертвый мир — Луна, как считалось раньше. Значит, и сейчас еще происходят на нашем естественном спутнике мощные процессы, наблюдаемые даже с поверхности Земли — с расстояния почти в четыреста тысяч километров.

Несколько очень необычных для Луны объектов лежит на самой поверхности Моря Облаков. Единственная в своем роде Прямая Стена находится в юго-западной части Моря. Природе как будто наскучило создавать однообразные кольцевые горы, и решила она нарушить классическую форму. Удивительно ровной линией тянется Стена на 100 километров в длину. Высота ее достигает 300 метров. Как произошла Прямая Стена? По всей видимости, это сбросовый обрыв. Образовался он, наверное, в результате резкого опускания части лунной поверхности. А может быть, это след гигантского метеорита, черкнувшего когда-то по Луне? Такая гипотеза тоже существует. Однако полная разгадка — дело будущего.

Южный берег Моря Облаков, как и западный, сплошь усеян невысокими горными цепями, перерезанными валами, трещинами, кратерами. Крупные кратеры в этом гористом районе — Питат, Меркатор, Гезиод.

Интересно, что даже при одинаковом положении Солнца над лунным горизонтом внутренняя поверхность Гезиода значительно ярче, чем поверхность Питата. В юго-восточной стороне Моря Облаков, невдалеке от дугообразных Рифейских гор, одиноко высится кратер Буллиальд диаметром в 60 километров. На его дне хорошо видны четыре небольших скалы.

В северной части Моря Облаков — древние полуразрушенные кратеры Пэрри, Герике, Бонплан. Этот район и попал как раз в поле зрения телевизионных камер «Рейнджера-7». Первые снимки очень напоминают те, которые уже имелись в распоряжении астрономов и раньше. Однако по мере приближения ракеты к Луне значительно детализируются отдельные объекты, увеличивается число мелких кратеров. В районе кратера Герике, например, на некоторых фотографиях можно обнаружить мелкие кратерочки диаметром до 10 метров. В одном из таких небольших кратеров на фотографии заметны темные точки. Что это? Возможно, тень, отбрасываемая от лежащего здесь куска породы, выброшенного при образовании кратера Коперник.

Американские исследователи считают, что подавляющее большинство мелких кратеров (невидимых с поверхности Земли) образовалось тогда, когда более крупный кратер, например, Коперник, выбросил небольшие обломки породы. Они не должны представлять большой опасности для посадки космического корабля.

...Мы рассказали кратко только о двух квадратах на Луне. Многое уже известно о них. А сколько еще неизведанного таит Море Москвы или Море Мечты, кратеры Циолковского или Жолио-Кюри на невидимой с Земли стороне Луны?..

2 300 ЛЕТ НАЗАД

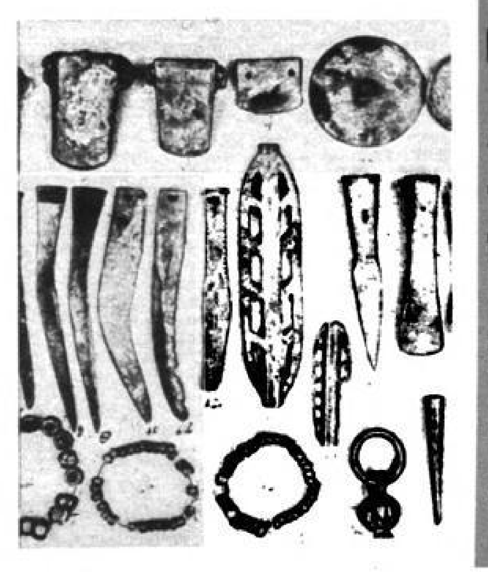
Во время земляных работ в окрестностях Красноярска найден клад бронзовых вещей, которые, по определению специалистов, изготовлены 2 300 лет назад.

Клад многое рассказывает о хозяйстве и быте древнего населения Среднего Енисея.

Бронзовый бубенчик — «шаркунец» вешали на шею коровам и овцам: это указывает на развитие скотоводства. Наконечник мотыги и серпы говорят о существовании мотыжного земледелия. Бронзовое зеркало, искусный орнамент на кинжалах, футлярах для иголок, украшения раскрывают эстетические вкусы.

Наконец, набор разнообразных столярных и плотницких инструментов (тесла, долота, стамески) указывает на строительное мастерство древних обитателей Южной Сибири.

Своеобразная форма изделий и заготовки металла говорят о том, что все эти вещи не привезены откуда-нибудь издалека, а изготовлены на месте.

КОСМОС В ЗАДАЧАХ

1. Какое понадобилось бы увеличение телескопа, чтобы с Земли различить космонавта, находящегося на Луне?

2. 3 сентября Юрий Власов установил мировой рекорд по штанге, выжав 196 кг. Сколько смог бы выжать Власов на Луне?

3. И экспедиция Магеллана и Гагарин совершили кругосветное путешествие. Во сколько раз скорость полета Гагарина превышала скорость плавания Магеллана?

4. Пусть корабль-спутник в перигее удаляется от центра Земли на 9/10, а в апогее — на 99/100 радиуса лунной орбиты. Сможет ли космонавт из перигея орбиты забросить камень на Луну, если начальная скорость броска не превышает 10 м/сек.? Притяжение корабля и камня Луной не учитывать.

5. Во сколько раз должна бы уменьшиться масса Земли, чтобы Луна, обладая той же скоростью, что и сейчас, навсегда оторвалась от Земли и стала самостоятельной планетой Солнечной системы?

6. С каким увеличением телескоп понадобился бы Юрию Гагарину, чтобы, пролетая над стадионом, он мог с высоты 327 км видеть полет футбольного мяча диаметром 25 см?

А. РОТАРЬ

Для тех, кто не решит сам, ответы на 32-й странице.

ДРУЗЬЯ-ГЕРОИ

...1943 год. Майская теплынь плывет над Кубанью.

Летчики-истребители Иван Федоров и Георгий Чураков поднялись в воздух. У станицы Крымская встретились с восьмеркой «мессершмиттов».

Сорок минут длился неравный бой. Были израсходованы боеприпасы, горючее подходило к концу.

Самолеты врага, разбившись попарно, заходили со всех сторон. Вдруг Иван увидел, как вырвалось из мотора белое облако пара, а потом из-под капота показались оранжевые лоскутки пламени.

— Ваня! Горишь... Прыгай! — раздался в наушниках голос Георгия Чуракова.

Но в эту самую минуту Федоров увидел впереди себя идущего в атаку «мессера» и направил свой самолет на врага. Оружие на самолете Ивана молчало: не было снарядов и патронов. Вдруг Иван почувствовал сильный удар: в самолет попал снаряд. Ивана выбросило из машины. Очнулся он в воздухе, дернул за кольцо, и над ним расцвел белой ромашкой парашют. А рядом в крутом вираже кружился Георгий Чураков, охраняя друга...

Через два года Иван Васильевич Федоров, окончив войну под Берлином, шагал по аэродрому вместе со своими друзьями — Героями Советского Союза.

Сегодня мы публикуем снимок, сделанный в тот день.

Гвардии-майор Василий Николаевич Кубарев сбил сорок шесть самолетов. Он и сейчас летает. Генерал-майор авиации. На боевом счету старшего лейтенанта Николая Сазоновича Павлушкина тридцать пять машин. Не дожил до наших дней Николай Сазонович, погиб в 1958 году при испытании самолета.

Дважды Герой Советского Союза капитан Андрей Егорович Боровых, сбивший тридцать две машины, ныне генерал-лейтенант авиации. Капитан Иван Васильевич Федоров, сейчас генерал-майор авиации, более ста раз встречался в боях с фашистами. Тридцать шесть самолетов сбил в воздухе и девять уничтожил на земле. Гвардии капитан Адиль Гусейнович Кулиев, двадцатилетний азербайджанец, в тридцати восьми схватках с врагом одержал пятнадцать побед. Подполковник Кулиев продолжает службу в Военно-воздушных силах.

Майор Сергей Алексеевич Кузнецов уничтожил двадцать семь машин. За бои на Курской дуге был награжден орденом Красного Знамени. Теперь он передает свой опыт молодым летчикам.

Старший лейтенант Павел Игнатьевич Муравьев был одним из лучших летчиков-разведчиков. Шестнадцать самолетов рухнуло от его метких атак. Демобилизовавшись, подполковник запаса Муравьев работает в Волгограде.

Капитан Владимир Иванович Меркулов, сейчас генерал-майор авиации, сбил тридцать две вражеских машины. Свой последний бой он провел накануне Дня победы.

Александр ЖУРАВЛЕВ,
майор запаса

«ЗАРЯ» ЗАЖИГАЕТ РАДУГУ

На небе ни облачка. Сухой недобрый ветер теребит кукурузные стебли, пожухлые и жесткие от жары. Дождя бы сюда!..

— Включить дождь! — командует Измаил Кабехов, главный инженер совхоза.

И вслед за его словами в небо медленно, словно стволы дальнобойных орудий, начинают подниматься металлические жерла необычных брандспойтов. Их шесть — целая батарея. С ревом и свистом из каждого вырывается серебряная струя и повисает, стихая, в пронзительной синеве неба. И вот слышится шелест дождя. Веселые работящие капли вмиг покрывают кукурузу зеленым лаком. Жерла автоматически направляются влево. А когда благодатный дождь достигает самого края поля, в небе неожиданно вспыхивает радуга, за ней — другая, третья...

Расчеты Измаила Кабехова и Нурби Хачимезова подтверждают большие выгоды малой ирригации.

Фото Г. Копосова.

Сцена, которую мы только что описали, происходит отнюдь не в фантастическом рассказе, а на полях адыгейского совхоза «Заря». Директор совхоза, молодой инженер Нурби Хачимезов, наблюдает за этой сценой с карандашом в руках. Он что-то прикидывает, считает.

Заглянем и мы в директорский блокнот. Человеку непосвященному трудно разобраться в пестроте цифр. Но Хачимезов спешит нам на выручку:

— Тысяча гектаров — это наши поливные земли. Поливными они стали только в нынешнем году. Мелиоративный отряд запрудил две речушки, Ульку и Грязнуху, и мы получили страховой запас воды — 3 миллиона кубометров. Целесообразно ли поливать посевы в наших условиях? А вот смотрите: за семь лет — это показал анализ — мы получили средний урожай кукурузы по 19,5 центнера зерна с гектара. Пшеница в наших условиях дает куда больше. Как быть? Практика лучших кукурузоводов, работающих на орошаемых землях, говорит о необычайных возможностях этой культуры. И мы решили перевести кукурузу на полив, как советует Никита Сергеевич Хрущев. Думаем, что звено Александра Матюхина соберет по 40—80 центнеров зерна с гектара. Восемьдесят — на том участке, который засеян весной. А сорок — там, где мы уже собрали урожай гороха. Удастся ли? Поглядите, какая сейчас кукуруза вымахала. Конечно, и удобрений подбросили. Плюс два искусственных дождя. Оправдаются ли затраты? Что ж, прикинем. Каждый гектар наших поливных земель потребовал тридцать рублей капитальных затрат. А горох и кукуруза с одного гектара должны нам принести четыреста восемьдесят рублей минус вложения на семена и удобрения. Даже если половина этих средств уйдет на химию и ирригацию, все равно уже нынче осенью, точнее, уже сегодня, все наши затраты и хлопоты оправдались. Вот вам и малая ирригация!

В. КРУПИН,
собкор «Огонька»

КОЗЫРИНСКИЕ НАХОДКИ

Вот этот минерал называют вермикулитом. Подношу к нему зажженную спичку. Видите, как быстро увеличивается его объем? Вспученный при нагревании вермикулит — отличный теплоизолятор, легкий и удобный строительный материал.

Экскурсанты с интересом слушают молодого, болезненного на вид человека. Это минералог-любитель, известный на Урале старатель Василий Козырин. В одном из залов Свердловского краеведческого музея не так давно проходила выставка его интересных находок. Сверкают под стеклами витрин нежно-голубые топазы, прозрачные кристаллы горного хрусталя, черные турмалины, ярко-зеленый малахит, знаменитая орская яшма...

Минералогом В. Козырин стал при необычных обстоятельствах двенадцать лет тому назад. Проходя службу в армии, он тяжело заболел. Досрочная демобилизация, инвалидность второй группы... В 22 года стал пенсионером! Охватило уныние, растерянность. А потом, постепенно как-то, припомнилось школьное увлечение книгами академика А. Е. Ферсмана, романтика геологических походов. И теперь, когда врачи советовали как можно больше бывать на воздухе, Василий снова увлекся любимым делом. Снова засел за книги: изучал геологию, минералогию, кристаллографию. И каждое лето с нехитрым снаряжением горщика-старателя на многие месяцы уходил в свои нелегкие путешествия. Где только не побывал, пополняя свои коллекции! Горные богатства знаменитых уральских месторождений самоцветов — Ильменского минералогического заповедника, Мурзинки, Алабашихи, Ватихи — и многие другие его находки видишь теперь под стеклами музейных витрин.

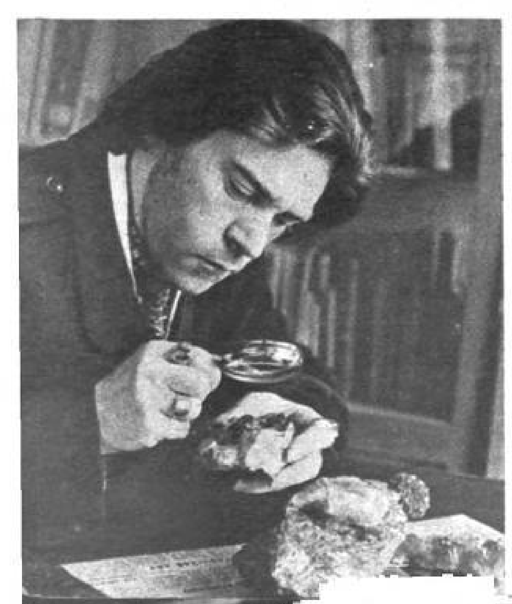
В краеведческом музее Нижнего Тагила внимание посетителей привлекает любопытная жеода бурого железняка; табличка гласит: «Дар музею старателя В. Козырина». В Челябинском Дворце пионеров, в Уральском геологическом музее, в Московской школе природы и даже в Рижском музее есть минералы, собранные уральским следопытом камня. А сколько их на родине Козырина — в школах Челябинска!.. Наиболее интересные экспонаты из его минералогической коллекции демонстрировались на Всемирной брюссельской выставке в 1958 году.

Василий Иванович ищет не только минералы. Он охотник за всем необычным и удивительным. Им собрана, например, обширная коллекция редких монет. В походах по отдаленным местам Урала он находит также исторические документы, уникальные книги, редкие произведения народного творчества... В музей родного города он сдал недавно наградной лист красноармейца Гулина, подписанный легендарным полководцем В. К. Блюхером. Лист этот ему передала вдова героя в поселке Рудничном. А у одного из старожилов Бакала Козырин нашел икону, написанную древним живописцем на срезанном пне дерева.

Козыринские находки демонстрировались уже на четырнадцати персональных выставках. Шестнадцатью почетными грамотами отмечен его благородный труд.

А. ГРИГОРЬЕВ,
собкор «Огонька»

Василий Иванович Козырин.
Фото А. Анатольева.

ЗОЛОТОЙ КАСКАД

Один за другим идут комбайны, подбирают последние валки хлеба. То и дело слышатся пронзительные свистки. Это комбайнеры сигналят шоферам: «Бункер полный!» И тут же подлетают к ним самосвалы с наращенными бортами, приноравливаются к скорости комбайнов. И вот уже прямо на ходу бьет из шнека тяжелая хлебная струя.

Воронежцы вырастили нынче хороший урожай.

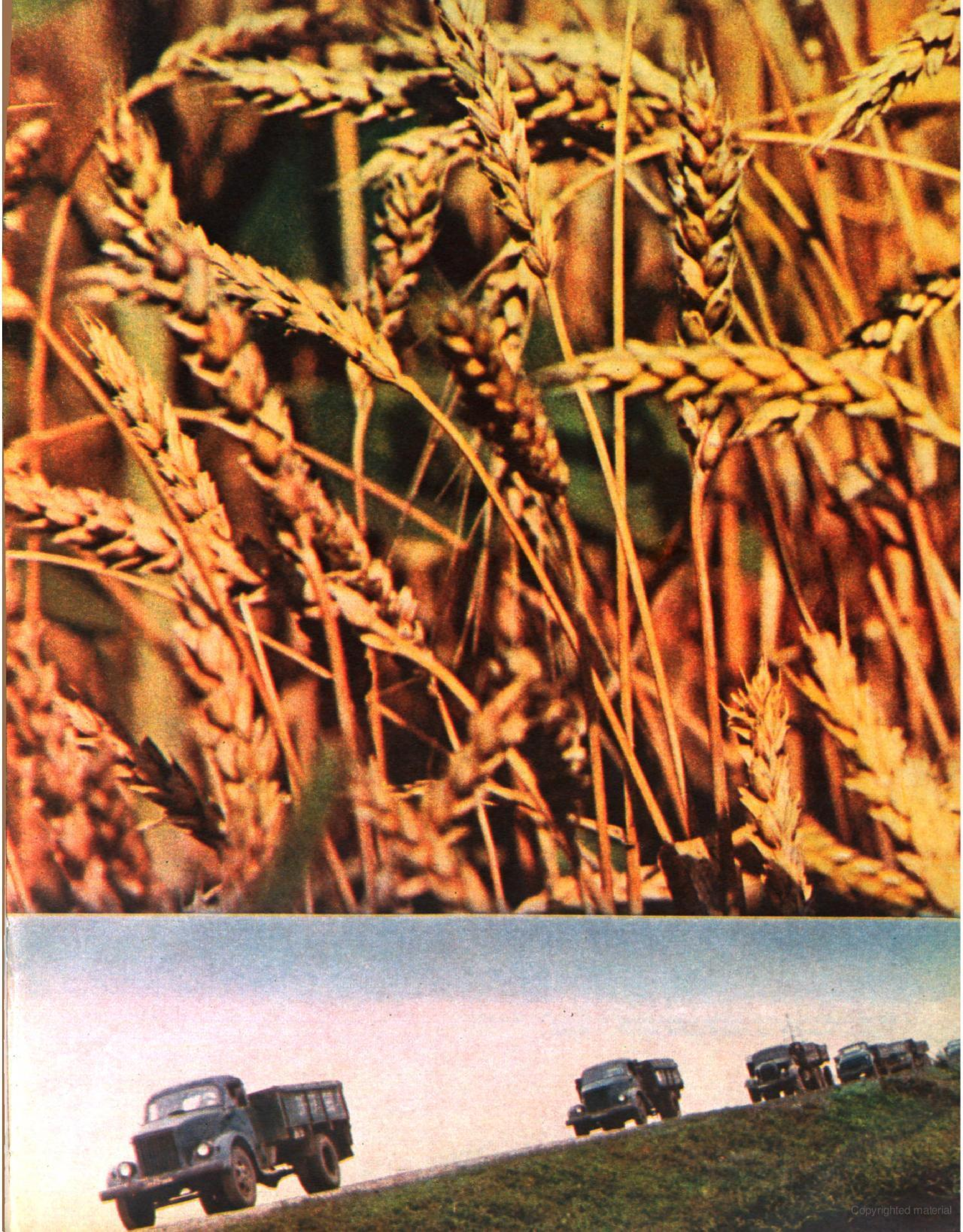
Хлеборобы Воронежской области, подсчитав свои возможности, решили продать государству 77,2 миллиона пудов хлеба. Это на 10 миллионов больше, чем предусмотрено планом.

Идут полевыми дорогами груженные зерном машины. Алым транспарантом над колонной — вечерняя заря...

А. КОЗЬМИН

ЗОЛОТЫМ ДОЖДЕМ ПРОЛИЛИСЬ ПШЕНИЧНЫЕ КОЛОСЬЯ...

РЕЙС НА ЭЛЕВАТОР.
Фото М. САВИНА.

Не только орловскими рысаками славится ныне знаменитый Хреновской конезавод. Сегодня в ночное выходят комбайны...

211 гектаров за 24 часа! Юрий Уполовнев, ударник жатвы, коммунист, мастер широкого захвата.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Рисунок Марьяна Маловского. Киев.

легенда о схимнике и звездных людях

Шторы затемнения не были спущены. Вся наша мебель — предмет гордости и неустанных забот начхоза — стояла в ужасном беспорядке, кое-как распиханная по углам.

Мы не стали наводить у себя красоту просто потому, что не успели, а еще больше потому, что не собирались сюда никого пускать из парадных комнат, ну, и, само собою, зажигать свет. Но когда я, улучив минуту, примчалась к себе, то увидела возле темного окна, густо усыпанного крупными осенними звездами, сидящих, словно у себя дома, Довженко и Рыльского. Они укрылись от шума и сутолоки, царивших всегда у нас в дни больших приемов, и, тихо переговариваясь, сумерничали посреди нашего невообразимого канцелярского хаоса.

Кроме Рыльского и Довженко, был с ними кто-то еще, третий. Приглядевшись, я узнала Богомольца. Крупнейший ученый, украинец, медик с мировым именем, человек молчаливый и замкнутый, он неудобно сидел, подняв худые, острые колени выше головы, на хрупком шелковом креслице, богато расшитом гладью. В рисунке симметрично повторялись павлиньи хвосты, тропические бабочки и розы — тугие, словно кочны капусты. На удивление сохранившаяся эта роскошь — какие-то допотопные козетки и пуфики — вполне соответствовала купецкому стилю пышной мраморной отделки особняка на Кропоткинской улице, где разместился в дни войны Всеславянский комитет.

— Вот собрались Мысль, Поэзия и Творчество,— сказала я, подойдя к гостям и здороваясь с ними в темноте.

У нас хозяевам полагалось разговаривать с гостями приветливо, но я на самом деле по-настоящему обрадовалась, увидев их вместе, сразу всех троих.

— Не так уж много, если разделить на каждого,— пошутил в ответ Довженко, тут же прикрываясь невеселым ехидством, как еж иглами.

— Обычно это сочетается,— заметил со своим всегдашним дружелюбием Рыльский.

— Обычно! — вдруг несогласно фыркнул Богомолец. — Когда такое сочетание станет обычным, человек обживет небо — вот примерно так, как рассказывает Александр Петрович...

— Мы вспоминаем детство. И свои любимые сказки,— пояснил Рыльский необычно длинную речь Богомольца.

Сказка, как всегда это было у Довженко, имела неодолимую притягательную силу. И самые наипрочнейшие земные корни. Да, впрочем, была ли она сказкой?..

— Отцу деда моего Семена, когда чумаковал он в молодости по родной земле, довелось повстречать святого схимника,— рассказывал Довженко.— Был тот святой схимник, как говорил прадед деду, а дед отцу, родом верней всего из греков: очень уж смахивал на икону.

Седины его, казалось, излучали мягкий свет, и из глаз тоже струилось доброе сияние. Однако ничего не было удивительного в том, что парень впоследствии приписывал своему схимнику и красоту небывалую и даже способность творить чудеса. Ведь старик спас парня от верной смерти, когда тот отстал от своих товарищей в жару и горячке — свалился где-то в глубоком забытьи. И лишь много дней спустя очнулся в крохотной лесной келейке. Огромного роста, косая сажень в плечах, чумак не верил, что здесь обошлось без чуда! Да и очнувшись, он долго не мог понять, где находится. Жилище схимника было увешано не теми хмурыми и зловещими, темными иконами, на которые всегда равнодушно крестились православные. На них обычно разве что и удается разглядеть, так лишь грозные очи вечного судии. Неизвестно почему укоряют эти очи и без того стесненную душу человеческую во многих тяжких преступлениях. Заранее начинаешь каяться и сдаешься на милость божию. Здесь же, на удивительных иконах старика, грозный судия вообще отсутствовал. Зато было на них много сияющего голубого неба — бескрайний ослепительный простор. Белые легкие ангелы, бескрылые, словно облака, свободно плыли в нем к далеким, спокойно блиставшим звездам. Лица ангелов, молодые, совсем простые, как у людей, веселые и небожественные, выглядели приятно: хотелось на них смотреть, понять их, прикоснуться к ним...

— Таков и ты можешь стать, как они, милые брате, — сообщил схимник потрясенному чумаку, когда отогнал от него наконец горячку, утишил жар и бред.

Перед тем, как чумак, окончательно окрепнув, покинул старика и его лесную келейку, схимник, горячо привязавшийся к юноше, рассказал ему о своей вере, светлой и бесстрашной, как детский сон. Этот странный богоотступник, творивший в лесной глуши свои гениальные полотна, вообще не допускал существования ни бога, ни черта. Он признавал одни только души человеческие. И то лишь тогда, если человек праведной жизнью заработал себе душу. При этом всякий человек знал, вернее, чувствовал, родилась ли у него душа. И поэтому мог сам судить себя по всей правде и справедливости. До самого последнего дня жизни на земле все еще оставалась для каждого человека — по законам этого еретического верования — возможность получить бессмертную душу: не «во искупление грехов», а благодаря тяготению к добру.

— Сделай добро и живи в небе!.. Каждая душа воспарит ввысь и поселится на своей звезде, дабы ликовать в умилении. А хочешь, примет к себе на ту же звезду другие земные души, чтобы не быть в одиночестве, чтобы было кого ей любить и жалеть. Потому что ведь это и есть главное блаженство для всякой души человеческой—любовь к другому, стремление помочь ему...

— А бог как же? — воскликнул испуганный чумак.

— А зачем он тебе? — в свою очередь, спросил чумака схимник, и чумак не нашел что ответить... Потом спросил еще:

— Плохая-то душа, значит, все равно в ад пойдет?

— Нет плохой души! — сказал уверенно схимник. — Совсем нет. Уж раз есть душа, значит, хорошая! Вот плохо, если человек душу не заработал. Не нажил, как помер, так и все тут! Закопают такого в землю, там и останется. Трава вырастет...

— И на каждой звезде — живая душа?

— Мабудь, и не одна! А уж ежели никто эту звезду не обжил, — упадет она с неба и погаснет...

И вдруг за темным окном, оставляя длинный, слабо светящийся след, скатилась звезда. Все разом ахнули, заговорили, заулыбались, задвигались. Раздалось много голосов. Оказывается, сказку Довженко слушала не я одна. Рядом с Рыльским пристроился у подоконника Зденек Неедлы, на узком диванчике, обнявшись, сидели Стелла Благоева и Ванда Львовна Василевская в военном костюме. У дверей стоял Кароль Сверчевский — человек-легенда, воин, покорявший всех не только своей храбростью и подвигами (о них тогда еще мало кто знал), а простодушием, добротой и неизменным весельем.

— Ну и ну! — громче всех восхитился он.— Какая прелесть! До чего же здорово придумано!..

Довженко печально махнул рукой.

— Да разве Александр Петрович что-нибудь придумывает? — лукаво засмеялся Рыльский.— Это все оттуда же идет, с берегов его чудесной Десны. Все это будущие повести о красивых людях. О поисках красоты...

— А можно это записать?— тихонько спросила я у Довженко.

Александр Петрович с неопределенной улыбкой пожал плечами.

— Обязательно надо записать,— горячо сказал Максим Фадеевич Рыльский.— Обязательно!..

* * *

Читая и перечитывая впоследствии «Зачарованную Десну», сперва я удивилась, не найдя в ней новеллы о схимнике, исполненной глубочайшего земного атеистического смысла и светлой поэзии.

Но вот теперь, когда к семидесятилетию со дня рождения Довженко закончена работа над фильмом «Зачарованная Десна» (эта новая цветная широкоформатная картина создана режиссером Юлией Солнцевой по одноименному произведению А. П. Довженко), как-то особенно сильно и ясно ощущаешь вдруг, что трогательное сказание о схимнике, пусть не нашедшее своего выражения в зримых образах повести, а потом и фильма, стало вторым планом, составив их подспудную жизнь. Все, что возникает на огромном экране, видит душа, летящая свободно над землею, но связанная с нею теснейшими узами любви...

Смотришь фильм и чувствуешь вновь и вновь: вслед за Довженко Солнцева поет гимн тем, кто — сам не зная этого — заработал право на бессмертие. Гимн звездным людям — пахарям и поэтам, хлеборобам, косарям, рыцарям и художникам, память о которых будет жить вечно.

Ибо глашатаем их красоты, их живым голосом в искусстве была от начала до конца вся жизнь Довженко.

Кадры из фильма «Зачарованная Десна». Режиссер-постановщик—Ю. Солнцева, оператор — А. Темерин.

Глазами художника видит Сашко родную землю с самых малых лет.

На прекрасного рыцаря был бы похож отец Сашко, если бы не такая плохая, грубая его одежда...

А дед напоминал Сашко своим обликом доброго бога.

Забавные МЕЛОЧИ

ПАРТИЗАНСКАЯ МЕДАЛЬ

В прошлом году в наш музей прислали необычную самодельную медаль, которую случайно нашла шестилетняя Светлана Кучинская из города Глубокое.

Как мы выяснили, история создания медали такова. 5 июля 1944 года партизанская бригада имени Рокоссовского отмечала двухлетие своей боевой деятельности. Военное командование совместно с подпольным райкомом партии решило наградить в этот день лучших партизан. Для этого изготовили медали «За заслуги» и «За храбрость». Всего их было отчеканено в партизанской мастерской пятьдесят.

На оборотной стороне медали «За заслуги» надпись: «В день двухлетия» и дата — 2.VII.44 г.

Среди награжденных этими медалями были комиссар бригады П. М. Машеров, начальник штаба бригады В. Н. Дорменев, помощник начальника штаба бригады Б. Л. Айзенберг, заместитель командира по разведке Г. И. Казарцев и другие.

Наш краеведческий музей является обладателем пока что единственного экземпляра уникальной партизанской медали «За заслуги».

И. НОВИЦКАЯ,
зав. отделом Великой Отечественной войны Витебского музея.

МОРЖ-ВОЯКА

У этого моржа обломан клык. Но, глядя на его решительную позу, проникаешься мыслью, что это боевая потеря.

Моржа-вояку сфотографировал в бухте Провидения мой друг пионер Саша Павленко. С Сашей мы познакомились в пионерском лагере на берегу Черного моря, где я был вожатым отряда.

С тех пор мы переписываемся, рассказываем друг другу о местах, где живем. Фотографию моржа я получил недавно в одном из писем Саши.

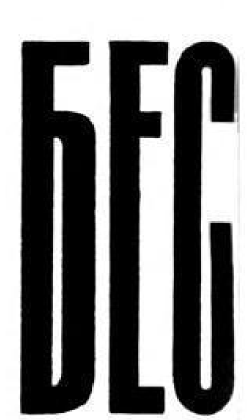
Ю. ГРИХАНОВ,
учитель.
Новосибирская область.

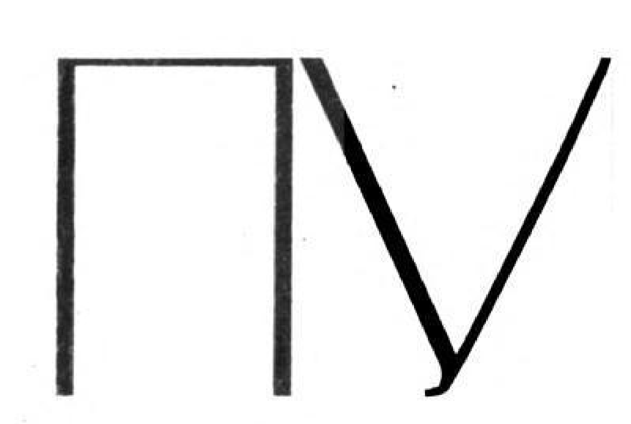
ПОДКИДЫШ

В зоопарке югославского города Осиека после родов погибла тигрица. Малыша подкинули собаке. Приемная мать выкормила тигренка.

Сейчас ему исполнилось полгода, весит он более 40 килограммов. Маленьким тигренок выпивал утреннюю порцию молока из рук сторожа. Эта привычка осталась у него и до сего времени.

Кирилл ВОЙНОВ

Болгарский писатель Кирилл Войнов родился в 1920 году в семье рабочего. Литературой начал заниматься со школьных лет. В 1956 году вышел первый сборник рассказов Кирилла Войнова «Утро», в 1963-м — второй, «Дом под небом». По сценариям К. Войнова сделано два фильма — «На рассвете» и «Приключение в полночь». К. Войнов — редактор отдела литературы журнала «Наша Родина».

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

Ветер разгулялся, и дом скрипел и вздрагивал, но в комнате было тепло и уютно. Слабый свет утра едва проникал сквозь три узких, прилепившихся одно к другому окошка, и в сумраке огонь в очаге пылал особенно ярко. Женщина развела его еще на заре. Вскипятила на нем козье молоко, испекла теплый каравай, чтобы все было готово, как только он проснется. Она быстро и тихо хлопотала по хозяйству, надо было многое еще сделать, но сама то и дело поглядывала на кровать, где, разметав на подушке руки, спокойно спал ее муж. В конце концов она бросила все дела и снова юркнула под одеяло.

Всякий вечер, измотанная работой до предела, ложилась она одна в пустую кровать, смотрела сквозь мутные окна, за которыми на далеком противоположном склоне гор вилась дорога. Лежала и тосковала по нему. С тем и засыпала. Он приезжал редко — один раз в месяц, а то и в три месяца — и всегда совершенно неожиданно для нее. Хлопала дверь, сердце ее принималось бешено биться, и она ослабевшими вдруг руками принимала от него деревянный чемодан. В чемодане было грязное белье, кусок ситца ей в подарок, а деньги — за пазухой у мужа. Все деньги, до последнего лева, он привозил ей, а она их куда-то прятала, и оба знали, что деньги эти копятся для дома, для нового дома «револвер» [1], нарядного и просторного, с широкими окнами, под черепицей. Они не хотят штукатурить его снаружи — пускай издалека будут видны его красные стены, пусть он украшает весь хуторок из семи домишек, приютившихся на высоком горном склоне.

Однако в последнее время, когда муж приезжал и они садились обедать, все реже заходил у них разговор о новом доме. Все чаще рассказывал он ей о жизни там, на равнине, о какой-то большой стройке с высокими трубами и такими огромными зданиями, что в одном из них свободно мог бы разместиться весь их хутор. Рассказывал он и о городе, где не сразу поймешь, день ли сейчас или ночь, настолько светло там всегда; где не найдешь и комка грязи, потому что все покрыто цементом и плитками; где дома стоят, словно дворцы; где ходят трамваи.

Она нигде еще не бывала, кроме ближнего села, и поэтому даже представить себе не могла, что это там за стройка и город. Сначала она пугалась его слов, потому что он больше не говорил об их новом доме. Когда оставалась одна, все думала о том, каким огромным должен быть этот мир, припоминала все, чему училась в школе.

Теперь, когда спускалась в село, она слушала, о чем гудит огромная труба радиорепродуктора, подвешенная на электрическом столбе, рассматривала картинки на витрине возле бакалейной лавки. На этих картинках видела она машины и дома, наверное, такие же, о каких рассказывал ей муж, видела людей, взобравшихся на строительные леса, видела одетых в смешные платья стройных женщин, чьи большие глаза были устремлены прямо на нее. Теперь, когда приезжал муж, она сама ждала, что он заговорит обо всем этом. Ей хотелось расспросить его о разных вещах, особенно об этих женщинах, которых видела она на картинках. Была она молода и знала, что хороша собой. Какое-то неясное чувство все время толкало ее на мысли об этом, но ей не полагалось расспрашивать мужа.

Она лежала рядом и смотрела на него. Лежала, едва приподняв голову от подушки, чтобы он не проснулся и не увидел, что она на него смотрит, потому что не позволено смотреть на мужа, даже когда он спит. Он не был красив, но крепок и силен, и она знала, сколько нежности таят в себе эти огрубелые ладони и твердые губы. Она лежала рядом и ждала, когда он проснется, чтобы приласкать его. Но стоило лишь вздрогнуть его векам, она, словно испуганная птица, вскочила на ноги, подавив в себе желание, потому что это же позор, если муж проснется и застанет жену еще в постели. Потом она поставила перед ним молоко и теплый хлеб, а сама ушла во двор, под ореховое дерево, стирать его белье. Спустя некоторое время она услышала, как он отворил дверь, но не обернулась. Знала, что он, накинув на плечи пиджак, сидит сейчас на пороге, курит и смотрит на нее. Лицо ее вспыхнуло, и если бы не быстрые движения рук, он бы увидел, как трепещет все ее тело. Пена в корыте вздувалась и шипела, женщина отходила от него то к котлу с горячей водой, то к летнему очагу с пищей, и между этих огней она сама была отсветом пламени. Солнце поднялось уже высоко, тень от дерева переместилась и упала на нее.

Обедали они рано, потому что ему надо было спуститься с гор, добраться до станции, откуда поезд увезет его в город, а до станции было шестьдесят километров. Она привела в порядок чемодан мужа, уложила в него одежду, свежий хлеб, три вареных яйца и немного сушеных фруктов на дорогу. Сейчас она стояла выпрямившись, скрестив руки на фартуке, и смотрела перед собой в ожидании момента прощания. А он медлил, понимал, что время уходит, но все сидел, облокотившись на столик, и, зажмурив глаза, тянул сигарету. Но вот он поднялся, взял чемодан и пошел. Во дворе под орехом остановился, чуть повернулся к ней и сказал:

— Ну, прощай!

— Прощай! — ответила она, глядя куда-то в сторону.

Он двинулся вниз по склону, она выждала немного и тенью пошла за ним. Так они спустились к деревянному мостику в низине и стали подниматься по дороге, которая видна бы-

[1] Народное название новых кирпичных крестьянских домов.

КРАЙНИЙ

ПУТЬ

ла из окна их дома. Он знал, что жена идет следом, но ни разу не обернулся.

На перевале он поставил чемодан на землю, расстегнул пальто и проговорил:

— Ну, хватит...— Помолчал, переводя дыхание, и добавил: — Дальше пойду один.

Она стояла, побледнев и скрестив руки на переднике, но по-прежнему на него не глядела. Стояла, пока он не отошел и не обернулся снова. Тогда она кинулась к нему, уперлась ему руками в грудь и, впервые подняв на мужа свои сине-зеленые глаза, сказала глухо:

— Митьо, возьми меня с собой! А Митьо?

Муж прикрыл ее руки своими, судорожно вздохнул, словно ему не хватило воздуха, помолчал, потом мягко высвободился, сел на чемодан.

— Иди соберись. Я тут подожду.

А она, не осознав еще, что он ей сказал, так и застыла с протянутыми вперед руками. Затем повернулась и пошла, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее.

Из дома она вышла с большим узлом, на миг задержалась на пороге, заперла дверь и больше уж не оглядывалась назад. Вслед ей удивленно и грустно смотрел своими тремя оконцами дом.

Женщина добралась до гребня, где ждал ее муж, и они двинулись по каменистой дороге. Он шел впереди, она немного сзади, глядя ему в широкую спину и ни о чем не думая.

Выбравшись на шоссе, они остановились. Рычали, проносясь мимо, тяжелые грузовики, шипели по асфальту колеса легковых машин. Проехал огромный автобус, и сквозь многочисленные его окна виднелись равнодушные лица путников.

Муж стоял у самой обочины шоссе, а женщина, с багажом в руках, держалась поодаль. Ей было немного страшно. Но когда муж поднял руку и возле них, как по команде, затормозил один из грузовиков, женщиной овладела гордость.

Шофер распахнул дверцу кабины, поглядел на обоих и сказал женщине:

— Давай сюда! — Потом махнул рукой мужу. — А ты наверх!

Муж ничего не ответил, взял жену за локоть, подвел к заднему борту грузовика, словно перышко, перебросил ее в кузов, вскочил сам, крикнул шоферу:

— Поехали!

Грузовик был нагружен капустой. Путники легли рядом на кочаны, которые заскрипели под ними.

Ехали долго; жена, не отрываясь, смотрела на дорожную панораму, разворачивавшуюся вокруг, и думала, как далеко живет ее муж. Проносились мимо селения и хутора, похожие на их собственный, голые вершины и заросшие лесом долины. Здесь и там виднелись деревянные и железные башни, новые кирпичные дома. Два раза заметила она, как на тонких канатах над бездонными пропастями ползут огромные бадьи, и сердце ее замирало от страха, что канаты оборвутся, а бадьи рухнут вниз. Однако она ничего не смела сказать мужу, только плотнее приникала к нему.

По бескрайнему пути проносились машины — и поменьше и побольше, чем та, на какой они ехали,— разминались с грохотом и свистом, а она все думала, что сейчас они столкнутся и ничего от них не останется. Стемнело, все вокруг приобрело сиреневый оттенок, а перед машинами заблестели по два маленьких огонька. Слабо светились и окна домов, рассыпавшихся по склонам и в долинах, а горы все шире раскрывали просторную равнину, усеянную крошечными синими блестками, словно цветущее поле льна.

Грузовик остановился на просторной площади, вымощенной каменными плитками. Высокие фонари светили здесь настолько сильно, что было светло, как днем. Справа, за низкой зеленой оградой, пыхтели огромные машины, черные и блестящие, похожие на буйволов. Из их коротких труб клубами валил густой дым.

Жена одной рукой держала узел, а другой вцепилась в мужа, потому что у нее закружилась голова. Глаза ее были распахнуты для всего вокруг, но ничего не видели. Она шла за мужем, как слепая. Он повел ее к большому желтоватому дому, от которого начиналась ограда, и они вошли в вокзальный ресторан. Женщина даже съежилась от слепящего света; какой-то торопливый пассажир чуть не унес ее узел вместе со своими чемоданами.

Муж выбрал столик, она села рядом, заглядевшись на окружающую обстановку. К ним приблизился человек в черном блестящем пиджаке, с белой салфеткой через левую руку. Муж смотрел в какую-то бумагу и говорил что-то, а тот, в пиджаке, слушал очень внимательно, легко покашливая; на женщину это произвело впечатление, потому что она всегда внимательно слушала мужа. Мужчина в пиджаке еще раз кивнул и пошел куда-то, а женщина подняла глаза, оглядывая зал. Народу было много, по трое и четверо сидели у столов, ели, пили, о чем-то разговаривали, поглядывая через окно наружу, где слабо поблескивали стальные линии. В зале было бы почти тихо, если бы не десяток мужчин, устроившихся около просторного стола,— они очень громко смеялись и разговаривали. Все они были такие смуглые, даже черные, большинство с усами, а двое даже с бородой, хотя и выглядели совсем молодыми. Это были рабочие-кубинцы, но женщина не могла об этом знать и с удивлением смотрела на их темные лица с блестящими глазами и белыми зубами.

Потом она увидела человека в блестящем пиджаке. Легко лавируя между столами, он шел прямо к ним, держа в руках четыре тарелки. Она чуть было не вскочила, чтобы кинуться навстречу, но взглянула на мужа и замерла на месте.

Кельнер расставил перед ними тарелки, а она сидела, оцепенев от стыда, ожидая, что муж начнет стыдить ее за то, что она предоставила другим разносить еду. Никто до этого вечера не положил перед ней хотя бы кусочек хлеба. Мужчина в блестящем пиджаке отошел с легким поклоном, а муж взял вилку и, пригласив ее взглядом сделать то же, склонился над тарелкой.

Сначала еда не шла ей в горло, но постепенно женщина успокоилась, старательно подобрала крошки и теперь, зажав их в щепоти, сидела и не знала, что делать. Все было незнакомо и странно ей, все наполняло ее смущением, тревогой. Но рядом сидел муж, и его спокойствие разогнало все тени на душе. Она чуть-чуть приподняла глаза, чтобы он не заметил, и поглядела на него с благодарностью. Она была благодарна ему, что взял ее с собой, что не стыдил ее, когда другой расставил еду перед ними, за то, что он вел ее сейчас в другой мир, к другой жизни.

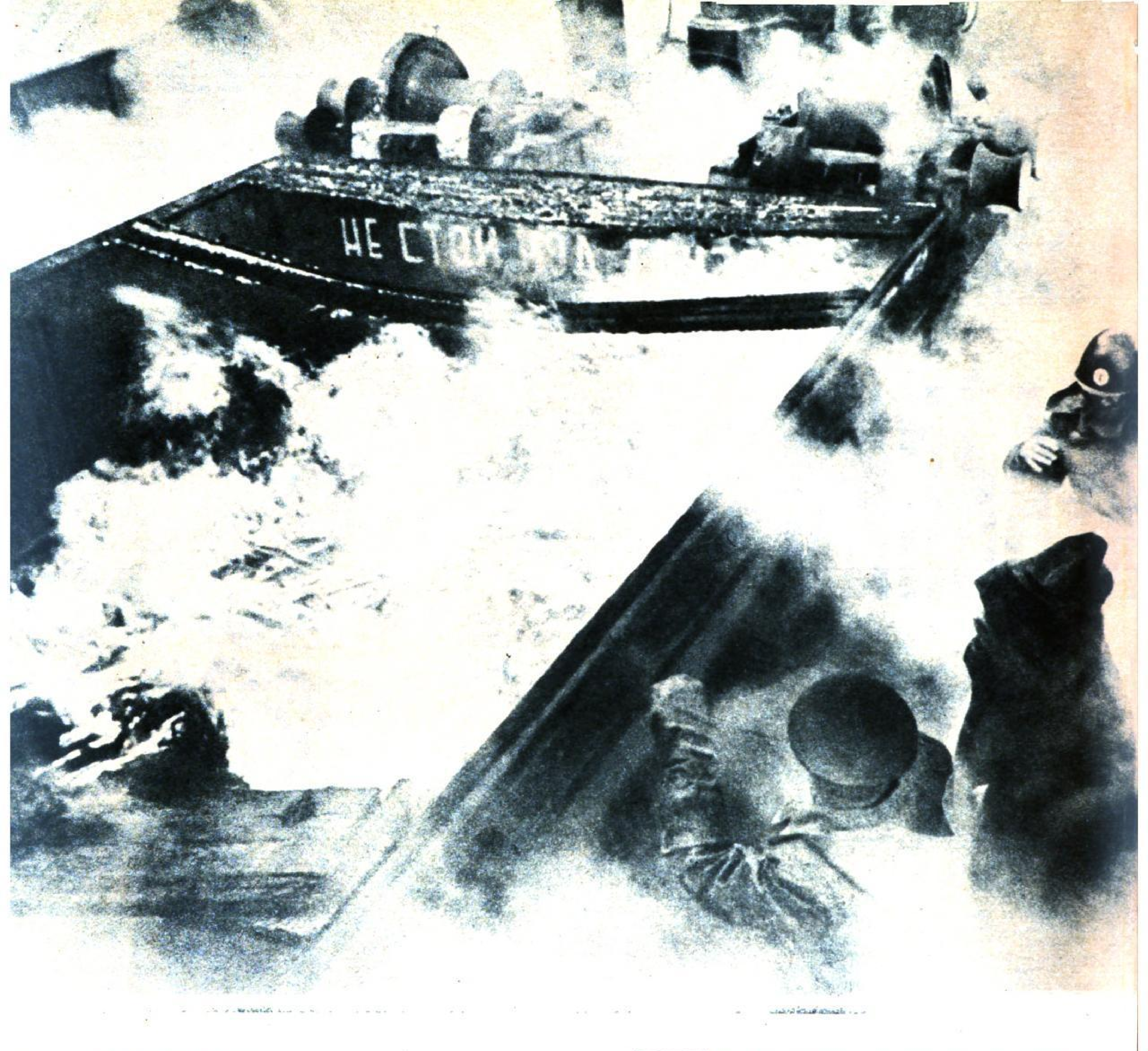
Кубинцы за соседним столом, обнявшись друг с другом, пели. Нежно и сладко разливалась мелодия, она наполняла душу женщины сладкой истомой. Слова были непонятны, но это делало песню еще более нежной, а мечту сильнее.

Новая, незнакомая жизнь разворачивалась перед нею.

Перевел с болгарского Ю. Шалыгин.

ГОРИТ СУХОГРУЗ «СОЧИ».

ОГНЕННЫЙ Эксперимент

Ю. КРИВОНОСОВ

Фото автора.

Когда полыхает пожар, ему совершенно безразлично, нарочно подожгли или нечаянно. Пламя, бушевавшее на пароходе «Сочи», ничем не отличалось от любого другого, несмотря на то, что поджигателями были сами пожарные. Устроители этого эксперимента спокойно взирали на огонь и не спешили его ликвидировать. Они работали: направляли на пламя приборы, что-то замеряли, записывали. И ждали, чтобы пожар получше разгорелся. За судно не беспокоились: оно за дряхлостью списано на металлолом и сегодня несет свою последнюю морскую службу. Сухогруз «Сочи» жертвовал собой ради других кораблей. Международная морская статистика говорит: из каждых пяти судов, посылающих в эфир сигнал бедствия, одно объято пламенем.

Смысл эксперимента таков: проверить и отработать новые эффективные методы борьбы с пожарами на судах, выяснить пути распространения огня в корабельных помещениях.

А огонь делает свое дело — уже пылают подъемные стрелы над носовым трюмом, раскалилась палуба, горит переборка полубака...

И вот приступают к тушению: в палубе автогеном режутся несколько отверстий, в них направляют изогнутые стволы (изобретение архангелогородцев), из которых водяные струи проникают в самые дальние участки трюма. Однако сбить пламя не просто — вводятся все новые стволы, бойцы устремляются в трюм и вступают с огнем врукопашную. Не успевают ликвидировать один очаг — возникает другой. И вдруг новая опасность — крен, и весьма значительный: вода, попавшая в трюм при тушении, весит не один десяток тонн.

Наконец с носовым трюмом справились, воду частично откачали и, когда крен немного уменьшился, подожгли второй трюм — кормовой. И опять хлопочут у огня наблюдатели, а на берегу штаб операции следит за стрелками приборов. Термопары, установленные в зоне огня, сигнализируют нарастание температуры. И снова пожарные идут в атаку. Но на этот раз вода уступила свое место высокократной пене Она называется так потому, что из небольшого

количества специальной жидкости, именуемой пенообразователем, получается пушистая белая масса огромного объема.

Кто из нас в детстве не пускал мыльных пузырей? Генератор «взбивает» пузыри, но только их так много, что, соединяясь, они дают пену, которая закрывает доступ кислороду и служит отличным средством для тушения огня. В этой пене человек может ходить и дышать без всякого вреда для себя.

Пена, которая сегодня испытывается,— тоже местное изобретение. Предложил ее начальник архангельского управления пожарной охраны Михаил Матвеевич Ляшедько. Произошло это... я хотел было сказать, случайно, но судите сами, случайно ли.

Архангельск — это лес. Экспортный лес на биржах, деревянные дома, дощатые мостовые на окраинах. В пожарном отношении это город-экстра, пороховая бочка. Так вот, стать пожарным может лишь тот, кто умеет помнить о своем долге ежеминутно. Однажды, объезжая свои объекты, Ляшедько увидел, что на гидролизном заводе выливают в отвал какие-то пенящиеся отходы. Этот случай и послужил толчком к рождению нового средства тушения. Обычный пенообразователь смешали с этими отходами. Получился отличный результат. И экономически выгодно: пенообразователь весьма дорог, а отходы даровые. А к тому же новая пена более стойкая — разрушается в три-четыре раза медленней, нежели получаемая прежним способом.

Теперь немного арифметики. В носовом трюме было полтораста кубов древесины, разгоралась она полчаса, а тушение водой там длилось час тридцать. В кормовом — лесу было в пять раз больше, горел он полтора часа, а пена заставила огонь отступить всего за пятнадцать минут. И никакого крена: вес-то у пены ничтожный! А представьте себе, что такое крен на горящем судне, да еще, не дай бог, в штормовую погоду.

А пожар был настоящий, хоть и организованный. По всем законам огненной стихии...

По правилам хорошего тона

Е. ВЕСЕНИН

Кто осмелится упрекнуть Михаила Федоровича Чернощека в невнимании к своим старым родителям?! Ни у кого не повернется язык сказать такое...

Престарелые родители Михаила Федоровича жили на окраине Харькова в новом доме у сына. Жили и жили... Жить бы им под сыновним крылышком до ста двадцати лет и забот не знать! Но жизнь без забот — это общеизвестно — скучна и пресна. И горячо любящий сын решил озаботить стариков.

В один прекрасный день сын предложил родителям переселиться — в их же интересах — в сарай. Это только называется сарай, а на деле не сарай, а сказка! Воздуху — во! Чистый кислород! Можно сказать, кисловодский. «Храм воздуха» в миниатюре!..

Старики переселились в сарай, а в дом заботливый сын впустил доходных квартирантов.

Прошло немного времени. Любвеобильный сын места себе не находил, все не знал, как еще проявить заботу об отце и матери.

— Дорогая мамаша и дорогой папаша! Я бы посоветовал вам переменить обстановку. Для пользы вашего же здоровья... Самый прекрасный сарай, и то может надоесть... Что я предлагаю? Почему бы вам не переехать в Грайворон, к моей сестрице, к вашей, значит, дочери? Не подумайте только, что вы мне надоели! Упаси бог! И в мыслях этого нет! Просто я рассуждаю так: сестра — многодетная, вот и будете с внуками нянчиться. Опять же и сестре подмога, и вам утеха...

Родители и заикнуться не успели насчет материальной помощи, сын и тут упредил их:

— Дорогая мамаша и дорогой папаша! Я для вас ничего не пожалею. Но сколько бы я вам ни помогал, вам может показаться, что я вас обсчитал. Ваше спокойствие мне дороже всяких денег... Вот я и хочу посоветовать: подайте-ка на меня в суд. И будете спокойно получать все, что вам присудят... И никаких кривотолков...

Родители поселились у дочери в Грайвороне, под Белгородом, на территории РСФСР, а сын продолжал жить на окраине Харькова, на территории УССР. Разделенные границами между двумя союзными республиками, родители и сын отныне скрепили свои родственные узы исполнительным листом № 2-388.

У меня нет абсолютно никаких оснований упрекать кого-либо из харьковских или республиканских деятелей правосудия в дурном воспитании. В переписке со стариками Чернощек они были исключительно вежливы, ни одно письмо не оставили без внимания. Ответы их были неизменно благожелательны, и даже самый придирчивый критик не обнаружил бы в них и признака равнодушия.

Едва только судьям Октябрьского района Харькова стало известно, что им придется взыскать по исполнительному листу № 2-388 алименты с Михаила Чернощека, они любезно переслали исполнительный лист в суд Краснозаводского района. Почему? По территориальности — по месту жительства должника.

Краснозаводские судьи оказались на высоте: они сочли неблагородным взыскивать алименты, поскольку, по их глубокому убеждению, эта честь по праву принадлежит суду Октябрьского района. Почему? По территориальности — по месту работы должника. И милостиво вернули исполнительный лист в Октябрьский суд. Но Октябрьский суд не остался в долгу и...— догадываетесь? — да, да, переслал лист снова в Краснозаводский суд. Почему? Неужели непонятно? По территориальности!

А что делал в это время сын? Как благовоспитанный человек, он не посмел нарушить идиллическую алиментную беседу старших по положению и по возрасту людей. Он мог бы, конечно, погасить задолженность и впредь аккуратно пересылать родителям деньги, но как, скажите, проявились бы тогда воспитание и хорошие манеры некоторых судебно-прокурорских работников?

Надо отдать должное судьям: они совершали с исполнительным листом № 2-388 обменные операции без каких бы то ни было намеков на бюрократизм и волокиту и вовремя обстоятельно оповещали «взыскателей», то есть стариков, о местонахождении листа. Старикам ничего не оставалось, как делиться своей радостью с Харьковской прокуратурой, с Верховным судом Украины. А там отлично понимали, что не ответить на письмо — все равно что не ответить пожатием на протянутую руку. И они отвечали, отвечали, как того требовали правила приличия.

Начальник управления судебных учреждений П. Федоренко почтительно переслал жалобу стариков председателю Харьковского областного суда:

«Прошу проверить... О принятых мерах сообщите гр. Чернощек и Верховному суду».

Заместитель председателя областного суда Ю. Повх учтиво ответил начальству и — в копии, с той же благожелательностью — старикам:

«Жалоба рассмотрена... Проверкой установлено... Алименты начислены...»

Заместитель прокурора Харькова младший советник юстиции А. Соколов был не менее учтив и любезен: он отправил прокурору Краснозаводского района младшему советнику юстиции А. Зозуле (а в копии старикам в Грайворон. Как же иначе!) «вторичное письмо и другие документы о неполучении алиментов». При этом вышестоящий младший советник рассыпался в комплиментах перед нижестоящим младшим советником:

«Горпрокуратуре известно, что Вами приняты необходимые меры по этому вопросу. Сообщите об этом инициаторам».

Но старики Чернощек не поняли и не оценили тонкостей судебно-прокурорского этикета.

— Как же так получается? — сетовали они.— И жалоба рассмотрена, и меры приняты, и алименты вроде начислены, даже инициаторами нас объявили, а толку? Один пшик и ничего! Уж лучше бы по старой пословице: «Ты меня как хочешь зови, только хлебом накорми».

Результаты ветхозаветного воспитания не замедлили сказаться. Старики бестактно потревожили редакцию: «Задолженность по алиментам до настоящего времени не погашается».

А чем, собственно, может тут помочь редакция? Ни суды Октябрьского и Краснозаводского районов Харькова, ни прокуроры этих же районов — никто из них и грубым словом не согрешил, их не назовешь бюрократами, волокитчиками. Не осуждать их, а восхищаться ими надо и вслед за Осипом, слугой Хлестакова, повторять:

— Галантерейное, черт побери, обхождение!

* * *

Читатель, наверное, заметил: весь фельетон от начала до конца выдержан на соответствующем уровне — никто особенно не обижен...

Это раньше, несколько лет назад, уличить и обличить бюрократа было легче, чем выучить таблицу умножения. Не ответил на письмо, положил его в долгий ящик, замариновал ценное изобретение, нагрубил посетителю — ясно, перед тобой бюрократ, объект для фельетона!

А как быть теперь, когда и бюрократ осуществил коренную перестройку и прикрывается сейчас надежной броней учтивости и внешней доброжелательности?

Вот приходится перестраиваться и фельетонисту. Ничего не попишешь!..

ПОЭТ и человек

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

1

В Ла Пасе я прочитал Хосе Ортега-и-Гассет. Он говорит: «Подлинный поэт начинается там, где кончается человек». Кончается человек?

Я написал немало строф. Чем больше я пишу их, тем ближе я к невидимым координатам человека. Человека!

Нелегко открыть человека в человеке, иначе говоря — Человека в себе. Но если поэт открывает человека в себе,— он вообще открывает человека. И это — самое главное.

Нелегко человеку ощутить в себе человека, вырастить в себе человека вообще, но еще труднее высвободить в себе человека, который намного больше, чем тот, которого сумел он открыть вначале.

Нелегко человеку преодолеть в себе изначально заложенное в него, но еще трудней человеку преодолеть предел самого себя, который обычно кажется ему пределом.

И если мы говорим о человеке,— мы должны иметь в виду человека в себе, человека в других и человека для других.

И если есть такая поэзия, которая «начинается там, где кончается человек»,— она не нужна человеку так же, как и он ей не нужен.

Я долго ждал того дня, когда получу право называться поэтом. Теперь я жду того дня, когда почувствую, что имею право называться человеком.

2

По-иному не мог бы жить от века,
даже если позволил бы мне кто-то.
В человеке спасаю человека —
из трясины спасаю,
из болота.

Пусть мой путь изнурителен и долог —
не влечет меня слава даровая.
Вот стою я под дулами винтовок,
человека
собою
прикрывая.

Так велит революция. Пока мне
быть ее рядовым, ее поэтом —
человеку всю кровь свою по капле
отдаю,
не печалуясь
об этом.

В этом суть моей жизни и основа,
и любою строкою, что слагаю,
я пою ему славу. Что ни слово —
монумент
человеку
воздвигаю.

3

Причастен в жизни к холоду и к голоду,
я не берусь винить ее, однако,
хотя она
мне выбелила голову,
как стену глинобитного барака.

В честь человека
воздвигая памятник,
я жил его высокою судьбою.
Но тот, иной,
нам и сегодня памятный,
надолго заслонил его собою.

Я жил моей землей,
моей державою,
хоть та всесокрушающая сила
меня пугала проволокой ржавою,
местами отдаленными грозила.

Я помню их —
не гнувшихся под ношею,
и живших только верою безмерной,
и припадавших
к этому подножию
с душой своей, доверчивой и верной.

Но у подножья
предавалось верное —
неверному при этом воздавалось.
И умирало слово сокровенное,
и вставить его в стих не удавалось.

Как жаль, что никогда
для подтверждения
на белые листы не возвратится
ни стих мой,
не дождавшийся рождения,
ни песня,
не сумевшая родиться!

Они звучат,
как сдавленные возгласы
за полосой отчаянья и мрака...
Мне это время выбелило волосы,
как стену глинобитного барака.

О тот гранит!
Он оседает серою
мельчайшей пылью за спиною века.
А я живу!
А я живу и верую.
И даже больше
верю
в человека.

4

Оседает пыль,
оседает уже в низине.
Заглушают годы старую боль мою.
Поднимаюсь в горы,
ближе к небесной сини,
и опять,
опять человеку
гимны пою.
Монументы рушатся,
бронзовые и медные.
Саркофаг обуглился
и разваливается в дыму.
Остывает пепел. Он остывает медленно.
Посыпать этим пеплом голову — ни к чему.

Остывает пепел. Он еще просит льготы.
Он на коже моей оставил свои следы...
Поднимаюсь в горы,
словно в иные годы.
Я дышу уже звонким воздухом высоты.

Он гудит во мне. Он меня наполняет силою.
На руке у меня позванивает, как ледок.
Я губами его беру, словно льдинку синюю,
ощущаю во рту живительный холодок.

У ручья обмываю раны свои недавние —
выручает меня и врачует меня ручей.
Хоть бела моя голова, как вершины дальние,
но опять моя кровь становится горячей.

И, подобно грохоту горного урагана,
вдруг доносится
фуга Баха
издалека.
И любое ущелье гудит,
как труба органа,
по которой течет не музыка, а река...

Я писал стихи. Говорили, что получалось.
Но прости, поэзия, как бессильна ты и слаба,
чтоб собой объять
эту мощную величавость,
и в строку вобрать,
и оправить ее в слова!
Нет, у этих рек,
низвергающихся с разбега,
где стоят хребты, высотою меня маня,
не стихи пишу —
воздвигаю м и р ч е л о в е к а.
В этом жизнь моя
и великая цель моя.

Эту цель мою обозначившие два слова
подымаю двумя руками
над головой,
чтобы там их студеный ветер овеял снова,
чтобы солнце их обожгло
в дали голубой.
И тогда они наполняются
медью музыки,
и вмещаются в них пространства
и времена.
И несу я их,
напрягая до боли мускулы,
исцарапанные,
звенящие, как струна.
Мою ношу
я выше облака поднимаю —
даже облаку
не даю над ней нависать.
Так несу я мир человека
и понимаю
невозможность
о нем чернилами написать [1].

Этой полночью фонари погасли.
Стали улицы, словно катакомбы.
Этой полночью падают в Ла Пасе
то гранаты, то газовые бомбы.

Этой полночью маузер с наганом
свое дело вершат, не уставая,
и грохочет свинцовым ураганом
обагренная кровью мостовая.

Этой полночью
уличного боя
слышу близкие звуки над собою,
и грозней океанского прибоя
«Вива Куба!» несется над толпою.

Этой полночью — снова баррикады,
и душа замирает от восторга,
слыша ближнего боя перекаты
(...помню — Каунас,
утро,
забастовка...).

Этой полночью, грозной и прекрасной,
наше прошлое остается в силе
(...гроб, обитый материею красной,
мы по Лайсвес Аллее[2] проносили...

...от винтовки, от бомбы и от пули
принимали мы первое крещенье...).
Этой полночью, ветром этой бури
убыстряется кровообращенье.

И опять мои руки дерзновенны,
и чужая земля — мне не чужая,
и гудит, наполняя мои вены,
революция, путь свой продолжая.

Перевел с литовского
Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ.

---

[1] О земле бы надо писать землей.
О хлебе надо бы писать хлебом.
О солнце надо бы писать солнцем.
О небе надо бы писать небом.
О звезде бы надо писать звездой.
О крови надо бы писать кровью.

[2] Лайсвес Аллея — аллея Свободы.

Забавные мелочи

Диковины подводного сада

В этом удивительном саду среди пальм и орхидей вдруг появляются прозрачные рыбы, а из гущи лентовидных листьев барклаи выскакивают карликовые черепахи. Банан дает тут плоды по 20 граммов, и растут они не на ветках, а у самого корня.

Полный сказочных чудес, сад размещен на дне миниатюрного водоема-аквариума на квартире ленинградского учителя М. Д. Махлина.

За 15 лет им изучены десятки водных тропических растений, многие из которых прислали ему такие же любители-энтузиасты из многих городов нашей страны и из-за рубежа.

Здесь можно увидеть и удивительную камерунскую орхидею из рода спирантес и девятнадцать из сорока двух существующих разновидностей крипторина — растения с темно-зелеными лентовидными гофрированными листьями. Но особенно интересным является апоногетон, или, как его еще называют, увиранда. Это редкое растение с решетчатыми листьями, лишенными мякоти, можно встретить лишь в пресных водах Мадагаскара. В нашей стране Махлин является единственным его обладателем.

Есть в аквариумах Марка Давыдовича стайка очень интересных рыбок. Они настолько прозрачны, что видно, как бьется сердце. Рыбки — дар пражских друзей, которые привезли их из пещерных озер Мексики.

К. ВСЕВОЛОДОВ

Необычный улов

Произошел этот случай с одним рыбаком по фамилии Кучерявый в Запорожской области, вблизи речки Конской.

В тот день ему не везло. Он пошел вдоль реки в поисках более удачного уголка. Вдруг в воде блеснули две золотые точки.

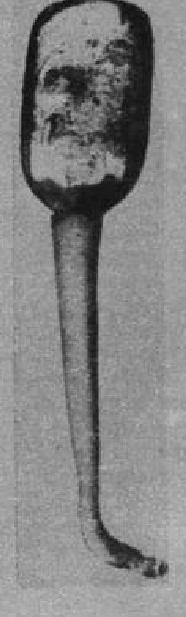
Это были довольно редкие монеты Боспорского царства. На одной из них изображены бюсты императора Септимия Севера и его жены Юлии Домны. Год чеканки обозначен греческим цифровым алфавитом — АФ, что означает 501 год боспорской эры. На оборотной стороне выгравирован профиль царя Савромата II.

На второй монете — портрет императора Александра Севера и царя Рискупорида III.

Как попали эти деньги на дно реки Конской и как они могли сохраняться там более тысячи семисот лет, остается загадкой.

Г. ЯОСИКОВ,
научный работник Днепропетровского исторического музея

Лингуля

И в наши дни ученые открывают животных, живших десятки миллионов лет назад, сохранивших особенности, характерные для обитателей теплых морей.

К таким живым редкостям относится лингуля. Зарывшись глубоко в ил, лингуля высовывает лишь верхний край своей двустворчатой раковины с червеобразной ножкой. При малейшей тревоге она сокращает эту ножку и целиком погружается в морской грунт.

Природа наделила ее особыми ресничками, двигая которыми животное обеспечивает поступление внутрь раковины кислорода для дыхания и питательных частиц, содержащихся в воде.

Лингулю добыли в теплых морях ленинградские зоологи.

В. КРИВОШЕИН
Фото С. Григорьяна.

Укоризна или ИЗДЕВАТЕЛЬСТВО?

Живет на Дону, на хуторе Пухляковском, советский писатель Анатолий Калинин и пишет хорошие книги, радуя людей своим талантом, честностью, романтической взволнованностью, ясным и чистым народным языком. Его повести, написанные в последнее время, «Цыган» и «Эхо войны»[1], получили заслуженное признание читателей и большим тиражом вышли в «Роман-газете» в конце 1963 года.

Критик В. Сурвилло, который, разумеется, имел возможность «по свежим следам» выступить со своими суждениями в адрес Анатолия Калинина, собираясь с мыслями, терпел более полугода. Столь затянувшийся процесс созревания и собирания мыслей может быть объяснен только тем, что критик поставил перед собой нелегкую задачу — во что бы то ни стало найти криминал в произведениях Анатолия Калинина и, обнаружив оный, пронзить писателя острием своего пера. После тщательных розысков и кропотливой исследовательской работы криминал был найден. В. Сурвилло назвал его весьма усложненно: романтический биореализм. Не будучи убежденным, что его поймут, В. Сурвилло разъяснил: романтический биореализм — это гибрид литературного формализма и старомантизма. И добавил: гибрид диковинный.

Еще бы не быть ему «диковинным»: в природе литературы такового не существует, он выдуман самим В. Сурвилло. Выдуман с единственной целью посрамления Анатолия Калинина, который, сидя в своем Пухляковском хуторе, и не подозревал о существовании романтического биореализма, равно как и о задуманной против него акции В. Сурвилло.

Если В. Сурвилло высказал бы свои суждения на каком-нибудь литературном суарэ, это было бы его частным делом, но он опубликовал их на страницах «Нового мира» (№ 7), любезно предоставленных ему отделом критики почтенного журнала, что и вынуждает его статью «К вопросу о наследственности» рассматривать как предмет общественного разбирательства.

Итак, криминал найден. Статья В. Сурвилло озаглавлена «К вопросу о наследственности». Заголовок расшифровывает суть акции: писатель Анатолий Калинин обвиняется в том, что он написал порочную повесть «Эхо войны», которая «побуждает рассматривать с классовых позиций и чистоту породы детей Варвары», что это отнюдь не случайно, ибо еще и ранее, в повести «Цыган», он распространенно толковал о «цыганской крови», о наследственности таланта. Следовательно, Анатолий Калинин — явный вульгарный социолог и к тому же невежественный человек, утверждающий в своих сочинениях весьма порочную мысль о примате ген, наследственности над средой, что, как известно, служит основанием для всяких расистских бредней. Вот куда махнул критик В. Сурвилло!

Девять страниц из десяти своей статьи В. Сурвилло посвятил именно этим обвинениям, но, приблизившись к концу, убоялся содеянного и, убоявшись, воскликнул: «Где же, в чем ошибка писателя? В ложных взглядах на наследственность? О нет, ошибка называется иначе. Ее название — литературный формализм...»

Это называется: «не мытьем, так катаньем». Не очень убедительно вышло с генами, давайте зайдем с другого боку, но удар нанесем всенепременно. Не вышло топором, ударим кистенем.

Дело, оказывается, в том, что «писатель избрал соблазнившую его сюжетную ситуацию, столь верно служившую староромантической литературе,— тайны рождения, разработал ее по испытанным издавна правилам», а «формализм учит, что существуют извечные сюжетные мотивы, сюжетные ситуации, приемы их развития, правила построения, что они нейтральны в отношении идеологии, что для любой идеологии они годятся». Анатолий Калинин, следовательно, молодое вино льет в старые мехи — вот в чем его беда. Это обвинение, конечно, полегче первого. Ну, а как же быть с первым, как быть с заголовком «К вопросу о наследственности», с генами? Прикажете вычеркнуть девять страниц из десяти? Но не проще ли было сделать это перед сдачей статьи в набор?

Нет, В. Сурвилло и в конце статьи не отмежевывается от основного обвинения.

— Я сказал, а вы как хотите. Точку над «и» можете ставить сами.

Для того, чтобы обосновать свое обвинение № 1, разместившееся на девяти страницах из десяти, В. Сурвилло счел возможным прибегнуть к нехитрому, хоть и не очень благовидному приему: излагать содержание повестей «Эхо войны» и «Цыган» с заведомым их упрощением. Из этого получилось следующее: Ольга, дочь Варвары Табунщиковой, потому стала хорошей колхозницей и хорошим человеком, что ее действительный отец не Андриан Табунщиков, высланный кулак, а неизвестный «гепеушник», покровительствовавший Варваре в ссылке; что Павел и Жорка, родные сыновья Андриана, потому и стали полицаями и злодеями, что произошли от колена Андрианова, и что даже внучонок мальчишка Шурка, пожирающий бабкины блины, пожирает их с такой жадностью именно потому, что он от природы хищник, кулацкий щенок. Все это получилось у В. Сурвилло, а не у Анатолия Калинина, у критика, а не у автора. Получилось потому, что критик не увидел, а вернее, не пожелал увидеть главного в повести «Эхо войны»: не гены, не наследственность сделали Варвару Табунщикову и ее сыновей Павла и Жорку злодеями и предателями, а мерзкий мир собственничества, наживы, спекуляции, хищничества, враждебный нашему духу и смыслу нашей жизни, в котором они жили. Именно это привело Варвару и ее сыновей в стан врагов, а не мифические гены. Дочка Ольга стала совсем другим человеком потому, что она росла и развивалась в иное время, в ином окружении, хоть она, может быть, и ела те же блины за столом у матери, а вовсе не потому, что была дочерью «гепеушника», что так назойливо подчеркивает не автор, а критик.

Досконально разобравшись в генах и обвинив автора в том, в чем он неповинен, В. Сурвилло перешел в атаку на логику поведения немаловажных персонажей повести — советских разведчиков. И логика у Анатолия Калинина, оказывается, повреждена. Разведчики действуют совсем не так, как хотелось бы Сурвилло. Ему хотелось бы, чтобы они действовали в строгом соответствии с уставом военной службы. Мы не знаем, большой ли знаток уставов В. Сурвилло, но на войне, как известно, случается всякое. Разведчики были неосмотрительны и легкомысленны, за что и поплатились.

Однако причем здесь логика автора?

Если бы в жизни и, следовательно, в литературе все происходило по уставам и росписям, то как мало осталось бы для творчества и творческих поисков. Но это, впрочем, частности. Вернемся к генам.

В повести «Цыган», действительно романтической и романтически приподнятой, Будулай, цыган, порвавший с табором, ставший колхозным кузнецом, узнав о том, что полюбившийся ему мальчишка-подросток Ваня Пухляков оказался его родным сыном, уходит из колхоза, тайно убегает, чему предшествует сложная личная трагедия Будулая, о чем и рассказано в повести.

— Эге, опять гены! — восклицает Сурвилло.

И, ссылаясь на автора, утверждает, что убежал Будулай потому, что у него в жилах цыганская кровь. Так, мол, пишет А. Калинин.

Между тем автор в этой концепции, созданной критиком, не повинен ни сном, ни духом. Будулай убегает потому, что не хочет ломать жизнь мальчику, а еще более — жизнь его матери Клавдии Пухляковой, которая любит своего приемного сына, как родного. Поступил ли он правильно или опрометчиво — вопрос другой, но причем здесь гены, столь полюбившиеся В. Сурвилло?

Но если упразднить гены, где же тогда криминал? И для чего тогда написана статья «К вопросу о наследственности»? И как же тогда ущемить Анатолия Калинина?

Да! Остается еще в запасе литературный формализм, он же староромантизм, он же романтический биореализм.

...«Ось бачь, яка кака намалевана!»

— Не прикасайтесь к ранее существовавшим сюжетным мотивам и ситуациям, здесь нехорошо,— предостерегает критик.

Но литература существует почти столько же, сколько само человечество, и по поводу любой сюжетной ситуации можно сказать: это уже было. Дело в том, чтобы повесть или роман волновали читателя, возбуждали в нем мысль, звали к доброму и светлому, возбуждали ярость к дурному и темному. Все написанное до сих пор Анатолием Калининым свидетельствует о неизменном творческом росте автора, о том, что перед нами писатель сильного дарования, любящий и знающий жизнь, любящий людей и родную землю, ненавидящий злое и косное, что он идет по правильному пути честного советского литератора. Зачем же, спрашивается, критику понадобилось наводить тень на ясный день?

В. Сурвилло заканчивает свою статью стихотворными строками:

Потворство взращивает сорняки.
Пропалывает душу укоризна.

Вряд ли можно назвать укоризной, пропалывающей душу, обвинения, построенные на песке домыслов и предвзятости.

Ник. НИКОЛАЕВ

[1] Опубликованы в журнале «Огонек» в 1960 и 1963 гг.

П. Богачев. НА ТРЕНИРОВКЕ.

А. Полюшенко. ПОЛЕВАЯ РЯБИНА.

А. Полюшенко. НА РЕКЕ.

Р. Максютов. ОКТЯБРЬ.

Исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося украинского писателя, революционного демократа М. М. Коцюбинского. Публикуем отрывки из воспоминаний его дочери, Ирины Михайловны Коцюбинской.

Ирина КОЦЮБИНСКАЯ

О МОЕМ ОТЦЕ

Здоровье отца в 1909 году резко ухудшилось после перенесенной им тяжелой личной драмы — осуждения на пожизненную ссылку в Сибирь его младшей сестры, Ольги. Долго держали семейный совет, куда б ему поехать, чтобы подлечиться, и остановились на острове Капри.

Готовясь к отъезду, отец с волнением ожидал ответа от Владимира Галактионовича Короленко, которого просил рекомендовать его Горькому. Наконец долгожданное письмо пришло.

Вечером 1 июня 1909 года небольшой пароход причалил на Капри. На следующий день состоялась встреча двух писателей. Алексей Максимович принял гостя со свойственной ему сердечностью и гостеприимством, долго не отпускал его от себя.

Семья Горького старалась рассеять настроение Михаила Михайловича, развлекая его и показывая достопримечательности острова. Они вместе побывали в голубом, зеленом и серебряном гротах, осматривали развалины виллы Тиберия, совершали поездки в Помпею, Сорренто, Сицилию.

Во время одной из таких поездок Горький и Коцюбинский неожиданно оказались в центре происходящей там киносъемки. В письме к жене отец пишет:

«Не помню, писал ли я тебе, что мы с Горьким попали в синематограф и нас будут показывать. Может, и в Чернигове когда-нибудь покажут. Комичная история!»

И действительно, в 1910 году вся наша семья с отцом во главе смотрела в черниговском синематографе «Мираж» кинохронику «с участием» Горького и Коцюбинского. Они стояли в центре толпы, и мы сразу их узнали.

Отдых на Капри и общение с интересными людьми подбодрили Михаила Михайловича, и он, уверовав в целебные свойства острова, отдыхал там каждый год вплоть до 1912-го.

Встречи с Буниным, Сургучовым, Амфитеатровым, Луначарским, Елпатьевским, Пятницким, художником Праховым, Шаляпиным, скульптором Гинцбургом и другими — писателями, культурными и политическими деятелями — пробуждали новые мысли, вызывали споры, дискуссии. Неизгладимое впечатление произвели на Коцюбинского встречи с Владимиром Ильичем Лениным. Беседы с ним на литературные и политические темы во время морских прогулок или за чашкой чая у Горького на протяжении тринадцати дней, проведенных вместе на острове Капри в 1910 году, до конца жизни остались в памяти отца.

Вспоминая, как Ленин вел с итальянским лодочником разговор о теории стоимости Маркса, отец был потрясен тем необычайным умением и тактом, с которыми Владимир Ильич сумел в понятной и доступной форме изложить эту теорию лодочнику.

— Владимир Ильич Ленин,— не раз говорил отец,— непревзойденный диалектик.

Горького Коцюбинский любил искренне и нежно, как человека и как писателя. Гордился его дружбой, делился с ним своими литературными замыслами.

М. М. Коцюбинский на Капри в 1912 году.

Алексей Максимович морально поддерживал Коцюбинского, помогал в издании двухтомника его рассказов на русском языке в издательстве «Знание», приглашал сотрудничать в журнале «Современник».

«С января 913 года реформируется журнал «Современник».

Мне хотелось бы дать в этом журнале возможную свободу идеям федерализма и широкой областной самостоятельности...

Обращаюсь к Вам с просьбой: нельзя ли... дать статью на тему «Культурные запросы Украины»? Затем был бы очень нужен очерк по истории украинской литературы... Помогайте, Михаил Михайлович!» — пишет Горький Коцюбинскому в 1912 году.

Алексей Максимович успокаивал Коцюбинского, который волновался по поводу того, как воспримет его творчество русский читатель: «Михаил Михайлович, дорогой мой, Вы — не правы!

Первый том вызвал ряд рецензий, и, на мой взгляд, довольно интересных. Даже «Речь», вообще относясь к «Знанию» немилостиво, почтила Вашу книгу и добрым и не глупым отзывом. Был отзыв в «Совр[еменном] мире» и в «Современнике» Амфитеатрова, а также и в ряде провинциальных газет».

«...Книжку Вашу прочитал с большим наслаждением, с душевной радостью»,— пишет Горький. Эта оценка окрылила Коцюбинского.

«Если Вам нравится книжка — значит стоит писать»,— отвечал отец в письме своему другу.

Тяжело тосковал Коцюбинский по родному краю, живя вдали от любимой своей Украины. Жаждущий услышать родное слово, он с радостью встретил украинских учителей, которые по приглашению Горького приехали на Капри. Вот как рассказывает участник одной из этих встреч, Вадим Алексеевич Фесенко, ныне преподаватель Ленинградского государственного университета:

«Из Рима поехали в Неаполь. Не успели устроиться в гостинице, как вдруг отворяется дверь — и появляется — кто б вы думали? Горький!

— Я к вам,— сказал он по-украински...— А у меня нынче в гостях украинец Михаил Михайлович Коцюбинский. Вот что, друзья, от имени Коцюбинского и своего приглашаю всех ко мне на Капри...

Гостеприимно встретил нас Коцюбинский, обрадовался землякам. Время летело незаметно в разговорах и песнях, исполняемых нашим хором с участием Горького и Коцюбинского, который тоже хорошо пел».

Из письма М. Коцюбинского Владимиру Гнатюку от 8 марта 1912 года узнаем, как радовала отца мысль о возможности отметить шевченковскую годовщину на далеком острове.

«Все время не умолкает на Капри украинская речь: приезжают земляки, а теперь у нас целых трое: можем устроить шевченковский вечер»,— пишет отец.

И действительно, вечер состоялся, к тому же с участием не только земляков с Украины, но и итальянцев.

Весной 1912 года Коцюбинский покидал Капри. Оставалось несколько дней до отъезда. Он прощался с островом. Мечтал написать об ослепительном море, о раскаленных на солнце скалах, о простых жителях Капри, о своем друге Горьком. Крепко обнимая Алексея Максимовича на прощание и целуя руки Марии Федоровне, он старался быть веселым, выражал надежду на скорую встречу. Но где-то в глубине души щемило предчувствие: видятся они в последний раз. И от этого становилось неимоверно грустно.

Пароход отчалил, но еще долго виднелись вдалеке две фигуры на фоне буйной зелени, приветливо машущие ему руками.

С украинского перевела
Татьяна СТАХ.

НЕЛЕГКАЯ, НО СЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА

Вл. ПАВЛОВ

Небольшая светлая комната. Вдоль стен — сплошь шкафы, до отказа набитые книгами, альбомами и папками с документами и рукописями. Меж шкафами с трудом втиснулся небольшой письменный стол, заваленный бумагами.

Хозяин — Александр Иванович Тодорский — приветливо усаживает нас и смущенно проводит ладонью по широкому лбу.

— Рассказывать о себе я не мастер. Может быть, лучше посмотрите документы, фотографии? Спросите — отвечу... Согласны? Так будет проще...

На стол ложится первая папка. И мы сразу погружаемся в гущу событий, которыми столь богата необыкновенная жизнь Александра Ивановича.

...Уже третье лето Александр Тодорский воюет с немцами на фронте империалистической войны. Дважды ранен. Получил шесть наград. На плечах — погоны капитана. Но офицерское звание не закрыло для капитана Тодорского дорогу к солдатскому сердцу. Он боевой командир, любит и уважает своих подчиненных, и они платят ему тем же. И когда грянул революционный семнадцатый год, чуткие к добру люди в серых шинелях выбрали капитана председателем полкового комитета 24-го Сибирского полка. Вот фотография: митинг в этом полку. Патетически жестикулируя, комиссар временного правительства призывает к новому наступлению, к войне до победного конца. Но хмуры солдатские лица. Крепко задумался и председатель полкового комитета, уже ощутивший на своих плечах бремя ответственности за судьбы людей.

Не всякому известно, что первый в нашей стране памятник Карлу Марксу был открыт в городе Весьегонске в 1918 году. В открытии этого памятника принимал участие и А. И. Тодорский. С Весьегонском связано многое в жизни Александра Ивановича.

Недалеко от этого города, в селе Тухани, он родился в семье сельского дьякона. В Весьегонск он возвратился с фронта, пришел в уездный исполком, заявил о своем сочувствии партии большевиков и попросил проверить на практической работе.

Весьегонские руководители поручили ему организовать издание уездной газеты. А еще через год А. И. Тодорский написал свою знаменитую книгу «Год с винтовкой и плугом», которую высоко оценил Владимир Ильич Ленин, упомянул ее в нескольких своих работах и дважды прислал А. И. Тодорскому привет, переданный в 1919 году с крестьянином — коммунистом Ф. Ф. Образцовым, а в 1920-м — с беспартийным учителем А. А. Виноградовым.

Гражданская война. Дагестанская группа войск под командованием А. И. Тодорского подавила в горах контрреволюционный мятеж имама Гоцинского и полковника Алиханова.

В Фергане группа войск, возглавляемая Тодорским, успешно громит басмаческие банды. В это время начальником штаба этой группы был В. Д. Соколовский, впоследствии крупнейший советский военачальник, Маршал Советского Союза. Александр Иванович показывает нам фотографию той поры. В центре — он сам, слева от него — В. Д. Соколовский. А разведчиком одной из частей служил известный ныне всей стране председатель колхоза трижды Герой Социалистического Труда Хамракул Турсункулов, с которым много лет спустя Александр Иванович встретился в Москве...

После окончания гражданской А. И. Тодорский продолжает службу в Советской Армии. Он начальник и комиссар Академии имени Жуковского, начальник высших военно-учебных заведений, член Военного Совета при наркоме обороны.

В годы культа личности Сталина генерал-лейтенант Александр Иванович Тодорский был в 1938 году безвинно репрессирован. После реабилитации в 1955 году он вышел в запас и вновь вернулся к любимому писательскому труду.

Этому благородному делу Александр Иванович Тодорский, который сегодня празднует свое семидесятилетие, посвящает все свое время.

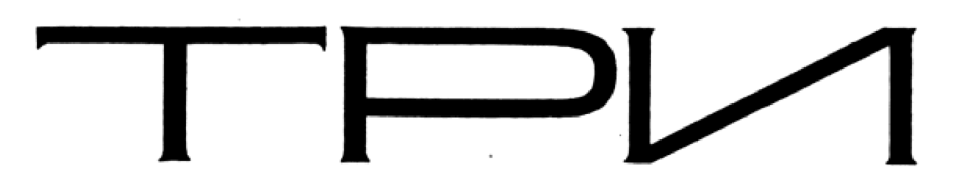
Фергана, годы борьбы с басмачами. В центре — А. И. Тодорский, слева от него В. Д. Соколовский.

Как старые друзья встретились А. И. Тодорский и Хамракул Турсункулов.

Вл. СОЛОУХИН

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

РАССКАЗ

Дмитрию Золушкину доходил двадцать первый год. Был он некрасив: лицо круглое, густо, до медной красноты, осыпано веснушками, волосы рыжие, уши приоттопырены.

Правда, с цветом волос счастливо сочетались темной синевы большие глаза, но в деревне, где прошла юность Дмитрия, вряд ли кто обращал внимание на такую тонкость, а что рыжий да конопатый — бросалось каждому.

Деревенские ребятишки, заметив в человеке какую-нибудь слабость, никогда уж не удержатся от того, чтобы лишний раз не напомнить. Вот и легла полоса отчуждения между ним и мальчишками. То есть не то чтобы он не играл с ними вовсе, но в одиночестве чувствовал себя гораздо свободнее и лучше. (Полуодинокое Митькино детство вернее ученых статей доказывало, насколько правдива и глубока чудесная история, придуманная датским башмачником. Особенно если мы проследим за жизнью рыжего мальчишки хотя бы до ее середины, когда ни в характере, ни в делах не останется ничего от неуклюжего желторотого увальня, но, сверкнув белизной, широко распластаются в синеве тяжелые лебединые крылья.)

Из-за мальчишечьих насмешек Митька был убежден в некоей своей неполноценности по сравнению со всеми другими черноволосыми и русоголовыми мальчишками. Бегство от мальчишек шло по трем путям. Во-первых, в лес и на речку, то есть к природе; во-вторых, в разные мечтания, то есть в себя; и, наконец, в книги.

Правда, был у Мити друг Гриша Тимкин. Тимкины — большая, дружная, веселая семья — переехали в Самойлово откуда-то с фабрики, и вскоре их в селе никто не звал ни по имени, ни по фамилии, а все больше фабричные да фабричные. Сам Прокофий-фабричный устроился работать колхозным кузнецом.

Однажды Митя Золушкин проходил мимо кузницы с новым луком. Крепкий черноглазый паренек в отцовской стеганке разбирал железный хлам, вытаскивая железяки из-под обтаявшего апрельского снега. Увидев Митю, паренек бросил работу и, вытирая руки о полу стеганки, пошел навстречу. Привыкший к постоянным подвохам со стороны сельских мальчишек, Митя весь насторожился и нахохлился.

— Чего это у тебя? — спросил черноглазый.

— Лук.

— А куда ключ суют, тебе не попасть.

Митя прицелился в скважину, выстрелил и промахнулся.

У паренька была привычка медленно, важно облизывать губы. Он трижды успел облизать их, пока прицеливался. Стрела воткнулась в скважину и там застряла.

— Видал? А? Видал?! Меня Гришка зовут, а тебя?

Так они познакомились. Вечером Митя пил чай у фабричных. Его удивляло, что никто из десяти человек, сидящих за столом, за целый вечер не заметил, что он, Митя, безнадежно рыжий человек.

Новых друзей редко видели врозь. Вдвоем они были непобедимы и гуляли свободно, где хотели. Характерами расходились только в том, что Гриша тянул к ребятам в общие игры, а Митя подальше от них, в лес, на речку.

С годами выровнялось дело. К тому же Митя уехал в город (в селе не было десятилетки) и приезжал теперь в Самойлово на летние каникулы. Он вырос, окреп в кости, перестал дичиться людей.

Прочитанные книги и учение в городе сделали его развитее всех своих сверстников, и ему легко было бы теперь чувствовать себя если и не выше их, то на равной ноге. Только в одном не смог измениться Митя.

Шура Куделина в девчоночьем голенастом возрасте ничем не выделялась из своих подружек. Разве что была побойчее. Это она, бывало, завидев Митю, напевала, приплясывая:

Рыжий, рыжий да седой —
Самый, самый дорогой.
Рыжий, рыжий, конопатый
Не годится во солдаты...—

за что и была однажды затиснута носом в сугроб. Пришлось вытаскивать ее оттуда за ноги: едва не задохнулась.

Был и еще один случай. В июле прошли обильные, просветленные солнцем, золотые ливни. Вода в речке поднялась, вышла из берегов, залила прибрежные луговины. Красного, глинистого цвета, почти густая, она текла быстро, завихрялась, закручивалась, кружила на завертинах прутье, смытый с берегов мусор.

Для самойловских ребятишек такая благодать как с неба свалилась. Разве не интересно: где была трава, где раздевались, оставляли штанишки да рубашонки, теперь можно купаться и плавать; где было по колено, стало с головкой, где было по пазушки,— не достанешь дна!

Митя с Гришей прибежали на реку позже других. Как только остановились перед водой, сразу поняли: что-то тут происходит. Человек пятнадцать мальчишек и девчонок испуганно смотрели на середину омута.

Вдруг из мутной воды появилась, хватаясь за воздух, рука, а затем медленно растеклись по воде длинные девчоночьи волосы. Потом все исчезло. Вот снова появилась рука, и снова растеклись по воде волосы, но рука высунулась меньше, чем в первый раз, и волосы растеклись не так густо.

Митя и Гриша не сговаривались, но в воде оказались одновременно. Как попало, и саженками, и «вниз личиком», и на боку, они добирались до места, причем Митя добрался быстрее. Загребая на одном месте (минута, страшнее которой ему так и не пришлось пережить впоследствии), Митя ждал, вглядываясь в мутную воду: появятся ли еще раз рука и волосы? Ждать пришлось долго (так показалось Мите), уже и Гриша успел подплыть, уже бросился в воду кто-то из взрослых, когда затемнелось в струе воды и, не помня себя, Митя вцепился в это темное, судорожно намотал на руку и почувствовал, как засасывает, как тянет за ноги глубина и нет никакой опоры.

Их вытащили вместе, но Шуру пришлось откачивать, прежде чем в посиневшее тельце вернулись тепло и жизнь. Митя отделался тем, что вырвало глинистой водой да еще дома наподдал отец по затылку. Было это давно, так что начало уж и забываться за давностью прошедшего времени.

Разгоряченный ходьбой от станции, Митя зашел за Гришей, и они помчались на речку. Лежа на мелкой луговой траве, окруженные полдневной жарой и звоном кузнечиков, делились новостями.

— Ты, наверно, в городе девушку красивую нашел, признайся?

— Не. Да я и не искал вовсе. Учиться нужно.

— А знаешь, Шурка-то какая стала? В журналах картинки печатают, так вот точь-в-точь.

— Ты не влюбился ли в нее?

— Не влюбился пока. А все собираюсь до дому проводить. Никак не осмелюсь.

Митя равнодушно слушал, жуя травинку. Каждая мышца его, натруженная во время долгой ходьбы, благодушествовала и наслаждалась покоем. Он, глядя прямо в зенит, следил, как плотное белое облачко медленно распадается на два. Гриша лежал на животе и палочкой ковырял землю.

— Да... Все никак не осмелюсь. Главное, не знаю, про что разговаривать. Уж я у парней подслушивал, о чем они с девками говорят, когда домой провожают. Ванька Гулин пошел с Татьянкой, я подполз под крыльцо, лежу и слушаю.

— Ну и что же?

— Да ничего. Он ей врет, как налима на восемь фунтов вытащил, она не верит, смеется. А еще он спрашивал, по скольку у них картошки к обеду варят... Хоть бы ты научил, о чем с девушкой разговаривать.

— Я сам не знаю. О чем думаешь, про то и говори.

— Ишь ты какой хитрый! Мало ли что я думаю, так ей все и выкладывай!

Помолчали.

— С такой, как Шура, один вечер на крыльце посидеть — и помирать можно! — со вздохом заключил Гриша и пошел к воде.

На другой день, на покосе, Митя увидел Шуру Куделину. С Кривого луга убирали сено. Шустрый паренек с обесцвеченными солнцем волосами подъезжал к копне. Митя подавал на телегу сено, а паренек его уминал, раскладывал равномерно.

Часть луга была скошена только что, по утренней росе, и трава там лежала в валках; стоял над лугом тонкий аромат обданной горячим солнцем, начинающей обсыхать травы. Да и сено само отдавало разными запахами, а более всего луговой клубникой.

Митя забылся, паренек прозевал, и острая рогулька железных вил оцарапала пареньку ладонь. Митя прогнал своего подручного в село на перевязку. Понадобился новый помощник.

— Эй, кто там, помогли бы воз уложить!

В конце луга девушки разбивали валки, им-то и крикнул Митя. На зов пошла она.

Красная косынка повязана так, что нависает над лицом шалашиком и затеняет лицо. Из тени, а от яркости полдня казалось, из темноты, смеются глаза, улыбаются яркие, слегка припухшие губы. А какие они, глаза, не разберешь. То ли совсем густо-синие, то ли поднебесной неправдоподобной голубизны, то ли серые, светлые, как вода в родниковом колодце... Но если синие, голубые, серые, то почему обожгли и нестерпимо было глядеть в них дольше мгновения?

Из-под косынки падают косы, темно-русые, тяжелые. Одна коса — назад, оттягивая, запрокидывая Шуркину голову, другая — на грудь, достигая пояса.

А платье-то как раз без пояса, простенькое, ситцевое. Шура из него немножко выросла.

По каким-то таким неуловимым линиям сразу видно, что, кроме этого платьишка, на теле ровно ничего нет. На босу ногу синие прорезиненные тапочки.

— Полезай на воз, я подавать буду!— скомандовала Шура.

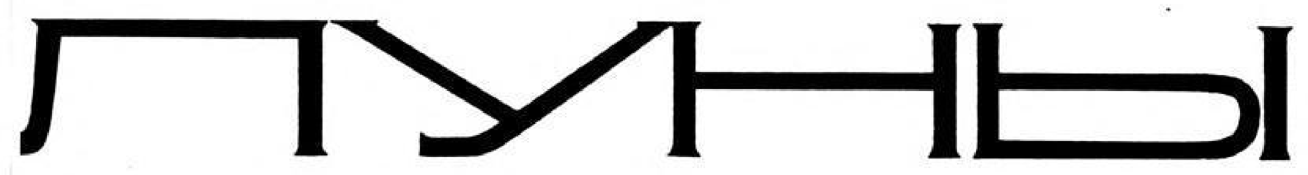
— С какой стати ты подавать? Засмеют: девка подает, а я на возу вместо мальчишки.

— Я тебе не девка, а девушка. Учится тоже! В интеллигенцию метит! Неловко мне наверху стоять. Видишь, платье-то... коротко...

Митя вспыхнул и вскочил на телегу.

Горячи полдни в сенокосную пору. Не успел Митя спрыгнуть с воза, как с восторженным визгом, с писком, с хохотом налетели на него, окружили, навалились кучей семеро девчат. Кто за ноги, кто за голову, не очень-то церемонясь, поволокли к воде. Если бы несли на весу, может, Митя и не барахтался бы, пускай себе

Из романа «Мать-мачеха». Полностью будет опубликован в журнале «Молодая гвардия».

тащат. Но волочение спиной по земле показалось неудобным, и он сумел подняться на ноги. Теперь девчата могли бы посыпаться от него, как горох, в разные стороны, но вырываться не хотелось.

— Эх, помирать, так вместе!

Он схватил Шуру на руки, и теперь их тянули, толкали к воде сразу двоих.

Шура пыталась вырваться, но не очень трепыхалась, иначе, конечно, вырвалась бы. Болтая ногами и хохоча, она все крепче и крепче сжимала Митину шею, а перед самой водой укусила его. Митя почувствовал там, где кончается горло и начинается ключица, влажные, прохладные зубы, не делающие ему боли, и весь горячий Шурин рот.

От неожиданности ослабли руки, и Митя уронил свою ношу в осоку, где еще и воды-то не было — грязь одна. Сам, перепрыгнув, бросился на середину омута.

— Ах ты, рыжая бестолочь, хоть бы в воду бросил-то! — догнало его у того берега.

Не так уж трудно было днем, при всех, схватить Шуру Куделину на руки и держать ее на руках, а уронив, уплыть, как будто ничего не случилось.

Вечером все менялось. Митя видел, как это делают другие парни. Вот Ванька Гулин решил идти с гулянья домой. «Гулянье» все представляет из себя бревно, лежащее возле амбара; на бревне — сколько усядется — сидят девушки и парни; остальные танцуют, стоят группами, разговаривают, смеются. Ванька Гулин уходит домой. Он идет вдоль бревна и с каждым парнем, с каждой девушкой прощается за руку. Доходит очередь до Татьянки — рывок, никто не успел оглянуться, а уж Татьянка выдернута за руку из круга гулянья, и уж исчезает в темноте счастливая пара. Успевают заметить только, как Ванька Гулин накидывает на худые Татьянкины плечики шевиотовый свой пиджак.

Другие поступают еще проще. «Утанцевав» подальше от круга, перестают заниматься ненужной им больше ерундой, стушевываются, сливаются с яркими тенями лунной июльской ночи.

У каждой пары свое крыльцо, где сидят, разговаривают, целуются до скорой рассветной зари. Только зная про это, можно как следует понять грустную девичью частушку:

Было, было крыльцо мило,
Был уютный уголок,
А теперь пройду я мимо,
Только дует ветерок.

Митя знал, как это делается. Мало того, он знал даже, на какое крыльцо пришли бы они с Шурой, и пытался даже представить себя рядом с ней, в безмолвном ночном одиночестве. Но тут перехватывало дыхание, кружилась голова, нужно было облизывать губы.

Когда Митя представлял, что Шура сидит рядом с ним на крыльце, и говорит ему что-то такое ласковое, доверительное, и смотрит на него, а потом кладет ему голову на плечо (дальше этого мечты не дерзали), сладкая боль сжимала сердце, и не жалко было бы отдать за это все, вплоть до ничтожных остатков жизни.

Но казалось это невозможным, недоступным, кроме как в мечтах, хотя Шура была на гулянье в трех шагах от Мити и Митя знал в потаенном уголке сознания, что, догони он ее, когда пойдет домой, окликни или, как Ванька Гулин, дерни за руку, она, Шура, не будет противиться, пойдет с ним, может быть, даже будет рада и благодарна.

Постепенно группами расходился народ.

— Кому в наш конец?

— Плетешки, выходи строиться!

— Вышвырки, спать пора!

— Красная сторонка!..

Сердце от ребер к ребрам начинало раскачиваться, как язык внутри тяжелого, большого колокола. Ребра ощущают физические толчки изнутри. В виски напористо и шумно бьет кровь. Шура медлит, затягивает прощание. И если бы случилось так, что вдруг они остались одни, то, наверное, все и произошло бы, то есть он пошел бы провожать ее до дому. Но

Гриша был рядом и звал домой, не понимая, почему Митя медлит. И тут уж никак нельзя было решиться, чтобы при всех, при Грише, при девушках...

Вскоре Шурин голосок звенел в конце села:

Дорогой не провожает,
А я им не дорожу.
Я такими ухажерами
Заборы горожу.

Однажды (ночь была самая лунная из всех возможных лунных ночей, к тому же в обоих прудах горело по круглой луне, и, значит, как бы три луны освещали село Самойлово) случилось, что все разошлись и остались на гулянье только Шура, Митя да еще Гриша. Тут бы Грише догадаться и скрыться за угол амбара, но он, как видно, ни о чем не догадывался. Почувствовалась неловкость. Нашлась раньше всех Шура:

— Что ж это, два кавалера одну девушку до дома не проводят, стыдно!

— А чего не проводить,— вызвался Гриша, и не успел Митя моргнуть глазом, как в руках у него оказалась Гришкина гитара, а пиджак Гриши окутывал уже зябкие плечи девушки.

Размахнулся Митя гитарой, и уж бросилось в глаза то место, та явственная выщербинка на бревне, от которой должны были брызнуть звонкие золотые щепки. Но что-то обидное, непонятное удержало Митину руку, и он побрел домой мимо трех неподвижных, одна другой ярче, полуночных лун.

Гриша не ведал Митиной тайной любви и на другой день делился секретами.

— Вчера у Малашкиных на крыльце сидели. Я обнял ее, а она — ничего. Минут пять так было. Потом встала. «Холодно,— говорит,— домой пора». Это ведь у них первая отговорка. Или «ноги озябли», или «спать хочется». Только и правда дрожит вся. «Посиди,— говорю,— я согрею».

— Ну, а она?

— Ничего, еще посидели.

«Врет,— радовался Митя,— ушла, должно быть».

Кончалось лето. Было за второй час ночи. Перекрестно падали звезды. С деревьев обильно и звучно капала роса. По-осеннему сгустился мрак, хотя силуэты деревьев были все еще чернее неба, проступали на нем. Митя сидел на лавке возле своего палисадника, и курил, и знал, что у Малашкиных на крыльце целуют Шуру Куделину.

Из темноты появился Гриша.

— Это ты? Куришь? Дай скорее хватану.

— Сверни свою.

Руки у Гриши, когда он сворачивал, дрожали, спичка осветила бледное, с расширенными глазами лицо. Молча затянулся несколько раз.

— Елки-палки, не знаю, как тебе и рассказать. До сих пор сам не свой. Целоваться-то мы еще раньше начали, я тебе говорил. Только она — все не надо да не надо. А нынче как подменили, сама целует, рук не отводит. Потрогай ладонь, слышишь, какая горячая, целый вечер за пазухой держал. Под конец смотрю, обмякла моя Саня, что хочешь делай. Тут-то все и произошло. Потом-то уж она плакать начала.

Гриша засмеялся чему-то своему, вспомнившемуся.

— Хочешь расскажу, как все это... В подробности...

— Не хочу... На свадьбу только позови, не забудь.

— На какую свадьбу? Придумаешь тоже! Да какой я жених, если до прошлого года штаны на одной пуговке носил! Нет уж, я теперь баста!

— Что «баста»? — насторожился Митя.

— Не пойду с ней больше, а то и греха наживешь.

— Ну-ка встань!

Гриша, не поняв, в чем дело, поднялся. И тот несостоявшийся удар гитарой по углу амбара присовокупился, значит, к ярости и силе сегодняшнего удара. Гришу будто ударили по поджилкам — брыкнулся на черную мокрую траву.

Они дрались долго, молча и сосредоточенно, не уступая друг другу, стараясь попасть непременно в лицо. Дрались лучшие дружки Гриша и Митя...

Так в эту ночь одновременно, каждый посвоему, они стали мужчинами.

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ НА ОКРОВАВЛЕННОМ ОСТРОВЕ

— Наши крестьяне,— говорит Накос,— отправляясь в город на базар, берут с собой велосипеды, чтобы не тратить времени на ходьбу. Это почти обычай.

Но оседает пыль, поднятая пробежавшим автобусом, и вновь вокруг нас покой. Но покой ли? Вот броневик войск ООН под голубым флагом. Спираль бруно ржавой змеей преграждает дорогу, уходящую вправо. Туда уже нельзя. Там территория, занятая турками. В одном из сел, где старые глинобитные хаты соседствуют с франтоватыми домиками из литого бетона, архитектор открывает для нас одну из героических страниц национально-освободительной борьбы, и я невольно поражаюсь, как все в мире повторяется. Ибо точно такая же история произошла в Словакии во время национального восстания. Отряд англичан окружил партизан-киприотов. Их командир, засев в блиндаже с пулеметом, огнем задержал карателей и, прикрыв своих товарищей, дал им отойти в горы. Так один он сражался против воинской части. Когда враги прорвались к его блиндажу и потребовали, чтобы он сдался, он бросил гранату. Тогда блиндаж облили бензином и зажгли. Отважный киприот погиб в этом страшном костре, но не сдался и не попросил пощады. В честь словацкого героя, совершившего такой же подвиг, на вершине горы Яноша, на месте его гибели, воздвигнут сорокаметровый обелиск. Подвиг храброго киприота отмечен мраморным бюстом на одной из площадей его родного города Фамагусты.

Да, тут знают, что такое храбрость, умеют сражаться за свою свободу, сражаться, умирать, и вряд ли авторы проекта раздела острова или пришивания его к той или иной державе НАТО сумеют обмануть или запугать этих мужественных и закаленных людей.

Этот край поразил нас своим великим прошлым и своим интересным настоящим. Не знаешь даже, чему отдать предпочтение. Встретил нас сам мэр Фамагусты, уже знакомый нам по конгрессу, виднейший здешний адвокат Андреас Паюрос. Ходить с ним по городу просто невозможно, ибо каждый второй встречный с ним здоровается, и ему то и дело приходится останавливаться, чтобы выслушать какую-нибудь жалобу или дать совет. Впрочем, в первой половине дня он должен был выступить на каком-то сложном процессе, и поэтому сдал нас с рук на руки почтенному археологу и историку профессору Михаилу Кумазу, который был так любезен, что сам вызвался показать нам развалины знаменитого города Саламиса.

Двадцать с лишним столетий город этот был одним из крупнейших и оживленнейших центров Средиземноморья. Потом, и тоже давнымдавно, он в одно мгновение исчез в результате какой-то геологической катастрофы. Большая половина города погрузилась в море. В тихую погоду с лодки, а еще лучше, опустив голову в маске в воду, и сейчас еще можно видеть на большой глубине контуры величественных руин и даже различить направление улиц. Другая часть города, та, что осталась на земле, была засыпана. Сейчас ее успешно раскапывают. И на небольшой глубине обнаруживают такие находки, что, когда наш спутник рассказывает о них, голос его начинает дрожать от восторга.

Это человек почтенного возраста. Ему идет восемьдесят третий год. Когда в городе нас знакомили с ним, он подошел, подволакивая ноги и опираясь на палку. Но тут, среди величественных руин, поднимающихся из рыжей земли, он как-то сразу преобразился. Соломенную шляпу сдвинул на затылок, палку сунул под мышку и стал перепрыгивать с камня на камень так, что и мы-то еле поспевали за ним. Чудесный, неповторимый пейзаж: синее небо, синее море, рыжая земля, матовая зелень корявых, некультивируемых олив, заросли миндаля. И среди всего этого строй белоснежных колонн, прекрасные мозаичные полы несуществующих уже построек, статуи на выщербленных временем постаментах. Древний город встает возвращенный к жизни руками рабочих и ученых.

Но освобожден от грунта и песков лишь небольшой участок города: гимназия, общественный гимнастический зал, величественные бани. Над жесткой зеленью эвкалиптов раскрытым кратером поднимается в небо древний амфитеатр, вмещавший тридцать тысяч зрителей. Он неплохо сохранился, и на вершине его продолжаются реставрационные работы. Землекопы и каменщики, мужчины и женщины возят в тачках грунт, подтесывают белые глыбы, восстанавливают кладку. Наш археолог, мечтательно улыбаясь, смотрит на эту освобождаемую из плена песков громаду, на фоне которой рабочие кажутся маленькими, как муравьи. Ну как же, наверное, он представляет себе сейчас, как вот здесь актеры древности играют «Электру» и «Ифигению в Авлиде». Вот он что-то говорит, поведя жилистой рукой в сторону работающих. И нам вдруг переводят:

— Видите, видите, это греки и турки. Они работают вместе. Прошу вас, господа, обратить внимание. У нас в Фамагусте люди по-прежнему работают вместе и сохраняют добрососедские отношения.

Вот как! Действительно, это, пожалуй, не менее интересно, чем величественные руины. Оказывается, что сюда, в город, где много рабочих, где несколько выборов подряд был мэром наш друг Андреас Паюрос, человек прогрессивных воззрений, где большинство муниципальных советников — передовые люди, а труженики организованы в боевые профсоюзы, сюда национальной вражде, которая, как эпидемия, расползлась по стране, вход воспрещен. Империалистические козни как бы разбиваются о невиданную стену пролетарской и вообще человеческой солидарности. Граждане Фамагусты гордятся этим. Прямо с раскопок нас везут в порт. Большой порт. Идут обычные работы по погрузке и выгрузке судов, стоящих у причала.

— Видите, это греки, а это турки. Турки и греки вместе. Ни тени вражды. Не правда ли?

Встречаемся с профсоюзными руководителями в Доме профсоюзов, построенном на деньги рабочих и руками добровольных строителей. Это смуглые, крепко загорелые веселые люди. Пьем кофе из крохотных чашечек. Тут нам с гордостью рассказывают о социальных успехах муниципалитета, о больших образцово поставленных яслях, построенных для детей рабочих, об отличной общественной библиотеке с большим залом для выставок картин, о новых кварталах домов, по-

строенных для тружеников на средства муниципалитета и с помощью профсоюза. И, конечно же, о самом радостном своем достижении: о том, что тут, в рабочей Фамагусте, все попытки поссорить греков и турок неизменно терпят крах. Греческие профсоюзы твердо стоят на защите прав рабочих — как греков, так и турок.

Тут, в Фамагусте, пролетарская солидарность и прогрессивность интеллигенции оказались сильнее всех империалистических интриг.

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Да, черт возьми, хорошо-таки быть советским гражданином! Наша поездка по острову проходит чудесно. Тепло встречают, горячо провожают, букеты не знаем куда девать. А цветы все не убывают: эти тяжелые тропические гладиолусы, роскошные гвоздики величиной с ватрушку и какие-то белые невзрачные с виду цветы, вроде цветов жасмина, обладающие удивительным запахом: воткнешь этот маленький цветок в петлицу пиджака и начинаешь благоухать, как сотня женихов.

Памятуя сведения, почерпнутые из туристского справочника еще в самолете по пути на остров, мы могли бы страшно зазнаться и заключить, что мы не просто хорошие, а отличные люди — столько рук приходится нам здесь пожимать в течение дня. Но мы не зазнаемся. Мы понимаем, что все эти киприоты разных возрастов, профессий и специальностей жмут руки не нам, как конкретным лицам, с именами и фамилиями, а как советским людям, гражданам своего государства, и, если угодно, жмут руку нашей советской политике, открытой, дружественной и твердой, занятой нами в кипрском вопросе.

Стоит закончиться собранию, где мы обычно с Владимиром Петровичем выступаем дуэтом, как тотчас же возле нас образуется плотненькая очередь, и мы минут пятнадцать, а то и двадцать пожимаем руки. Ах, эти руки! Иногда сильные, жесткие, как подошва, или тонкие руки интеллигентов, или нежные ребячьи ручонки, но одинаково дружественные, тянущиеся со всех сторон.

И это не только после собрания. Нет. Сегодня вечером, когда ветер с моря отнес с накаленных камней жару, мы вышли пройтись по набережной. В этом месте ее чинили. Работала артель каменотесов, дюжих, до черноты прокаленных солнцем, с сухими, морщинистыми лицами. Сейчас они сидели на камнях. Отдыхали. Мы шли мимо, разговаривая. Они насторожились, потом один из них, коренастый, как дуб, поднялся, стянул с головы жокейскую фуражечку с длинным козырьком.

— Росси?

— Да, русские.

Он вытер руку о выгоревшую майку и протянул для пожатия. За ним последовали его товарищи. Мы присели на камни. Заговорили о жизни. Жить можно. Работа сейчас есть. Плохо, конечно, с жильем, но в общем-то ничего. Привыкли. А вот международное положение — дрянь. Тут затылки почешешь. Турецкий флот вон он, все вокруг острова ходит... И вдруг:

— Вы, русские, за нас заступитесь? Вы за все малые нации заступаетесь. Не бросите нас в беде?

Пока шел этот разговор, младшего в этой артели, мальчонку, кудато направили, и он вернулся с целой охапкой бутылочек апельсиновой воды. Нам дали по бутылочке. Пейте. Рады угостить советского человека.

А на собрание, что происходило на этот раз поздненько, пришли не только эти знакомые нам каменотесы. Приехало немало крестьян. Они прибывали на пыльных грузовиках и в пузатых автобусах. Иные,— должно быть, прямо с поля в выцветших шляпах, в посконной одежде, иные — в национальных костюмах, строгих и красивых.

Молодой крестьянин приехал на собрание вместе с дочкой, двухлетней девчуркой с коротенькими, торчащими в разные стороны косичками. Когда в конце люди двинулись к нам пожимать по обычаю руки, он приподнял дочурку и поднес ее на уровне своего лица. Пояснили: отец просит, чтобы мы благословили его дочку. Благословить? Ей-богу, не знаю, как это делается. Наступила неловкая пауза. Владимир Петрович со свойственной ему житейской мудростью нашел выход. Он обнял сразу и отца и дочь и звучно расцеловал их обоих, а мне только осталось сделать то же самое.

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ

Ну, сегодня после большого, человек на тысячу, собрания в зале отличного политехникума города Лимасола, которым здесь не без основания гордятся, нами овладел знаменитый здешний врач доктор Васос Василиу. Он жил в Советском Союзе, работал с академиком Филатовым. Считает себя его учеником и до сих пор сохраняет хороший русский язык и самые дружественные чувства к нашей стране.

Он познакомил нас со своей хорошо оборудованной, славящейся на весь остров клиникой, а потом повез в ресторанчик за город, на берег моря, где по традиции собирается местная прогрессивная интеллигенция.

Здесь за столиками нас ожидало несколько супружеских пар: врачи, журналисты, учителя и среди них член парламента от партии АКЭЛ Хрисас Димитриадис, совсем еще молодой юрист, пользующийся здесь большим уважением. Скромная интеллигентская вечеринка в складчину проходила за тихой беседой. Ну, конечно же, говорили о том, что здесь всех волнует: о событиях последних месяцев, о братоубийственной войне, об интригах и кознях империалистических держав.

Ход событий, расстановка сил, нити заговоров, тянущихся от экстремистских банд на Британские острова, в штаб НАТО, за океан, были для нас уже отчетливо видны.

Оказалось, все, что вспыхнуло и пылает теперь, не так уже и ново. Следуя принципу «разделяй и властвуй», англичане еще в пятьдесят восьмом году, борясь с национально-освободительным движением, предприняли одну из первых своих провокаций в селе Кондеменос. Там были арестованы восемь греков, участников народно-освободительной борьбы. Их отвели в турецкое село, и жителям было сказано, что они пытались это село поджечь. Утром всех восьмерых арестованных нашли зверски умерщвленными. Эта провокация особых всходов не дала, хотя, разумеется, оставила осадок в сердцах греческого населения.

И уже тогда турецкие экстремисты, финансируемые и поощряемые из-за границы, начали борьбу за расчленение острова и стали расправляться с теми из турок, кто, понимая обстановку, стремился разъяснять, что и турецким и греческим киприотам раздор одинаково вреден, что надо сплачивать силы для отпора общему врагу — империализму.

К моменту, когда Кипру была «дарована свобода», в турецких общинах уже оформились ТМТ — террористские организации, нечто вроде южноитальянской мафии,— которые начали терроризировать турецкие общины. В Никозии выходила турецкая газета «Джум Хариет». Маленькая боевая газета, редактируемая двумя турецкими журналистами — Тюрканом и Хикметом. Это были храбрые журналисты, уважаемые, авторитетные люди. Им было послано несколько анонимных угроз: требовали изменить направление газеты или закрыть ее. Газета продолжала выходить. И вот в один из дней оба были убиты. Одного убили в кровати выстрелом через окно, другого — в момент, когда он садился в машину.

Так действуют турецкие экстремисты. Это они под угрозой пули заставляют турецких крестьян, живших в смешанных деревнях, бросать дома, урожай, иногда даже утварь и уходить в районы турецкой общины без перспективы найти работу и обеспечить хоть какие-нибудь средства пропитания.

И все-таки есть среди турок храбрые, самоотверженные люди, несмотря на угрозы стремящиеся погасить смуту, так сказать, изнутри. Один из собеседников достал из кармана газету «Харавги», и доктор Василиу перевел заметку. В ней сообщалось, что в деревне Дали, где турки и греки, как и раньше, продолжают жить вместе, выступил общественный деятель Дервиш Кавазоглу — турок по национальности. Он призвал покончить с братоубийственной междоусобицей, губительной для Кипра. Звал к единению. В зале сидело немало грековкрестьян. Они тоже аплодировали турецкому оратору. Собрание прошло не только мирно, но и дружно.

— Ах, если бы только эти сволочи-империалисты не вмешивались в наши дела!— темпераментно воскликнул доктор Василиу.

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ

Один из руководителей общества, видный адвокат, жизнерадостный человек, с которым мы познакомились во время никозийских встреч, пригласил нас на сегодняшний день к себе на новоселье. Архитектор Протопопас построил ему на северном берегу острова дом, и вот сегодня он по обычаю собирается омыть его стены.

Проснулись мы в Лимасоле, на южном побережье. Новоселье происходило на севере. Чтобы попасть туда, предстояло пересечь поперек весь остров. Радио донесло отрывочное сообщение, что сегодня в Никозии опять была стрельба. Она произошла уже поздно вечером, в газеты это сообщение не успело попасть, и на острове опять полно слухов.

И все-таки мы решили ехать, тем более что люди будут нас ждать, а добрейший доктор Василиу так вкусно описал нам вчера прелести дороги через горные перевалы и сказал, что по пути мы увидим и степи, подобные украинским, и горы, похожие на кавказские, и закончим путешествие в прелестной местности, у синего моря, которое напомнит нам южное побережье Крыма.

— Весь Кипр развернется перед вами за несколько часов,— убеждал он на своем отличном русском языке, но с южным акцентом.

И вот на заре мы выехали. Выехали и сразу же убедились, что доктор прав. Остров раскрыл перед нами такую удивительную гамму своих красот, что нам стало ясно, что Афродита, пожалуй, не ошиблась, избрав его местом своего появления. Степь, где золотели созревающие хлеба, переходила в холмистую долину, окрапленную серыми пятнами оливковых деревьев. Неожиданно из лощины возникла яркая зелень эвкалиптовых рощ. Горы, которые сначала маячили вдали, как облака, стали приближаться, надвигаться зелеными громадами, и вот уже дорога совершенно по-крымски озорно запетляла между ними. Появились виноградники, покрывавшие южные склоны. Бешеная езда с крутыми и неожиданными поворотами порою по узеньким карнизам, вырубленным в скалах, на которых сердце холодело, а душа уходила в пятки, тоже напоминала нашу крымскую, и, когда за перевалом дорога побежала вниз, мы окончательно убедились, как прав был старый доктор, любящий свою и хорошо знающий нашу страну, в этих своих сравнениях.

И еще, пересекая остров, мы убедились, сколь трудолюбивы и неутомимы населяющие его народы. Даже высоко в горах каждый клочок каменистой земли был возделан. Для того, чтобы создать на маленькой террасе поле, на котором можно было посадить несколько виноградных лоз, посеять ячмень или расположить гряды с картошкой, здесь строят каменные баррикады. А горным речкам и ручейкам прокладывают искусственные русла, заставляют делать столько поворотов, дробят их на столько рукавов, велят им перепрыгивать через столько запруд, что эти речки и ручьи, наверное, сами забывают, где их настоящее русло.

И земля благодарит людей за их труды весомым урожаем. В горной глуши мы остановились ненадолго у придорожного трактира, притиснувшегося боком к скале и утопавшего в зарослях кудрявых деревьев, напоминающих чинары. Это был старый трактир.

На вывеске его сельский живописец изобразил благообразного человека с орлиным носом и лихими опускающимися вниз усами. Мы

Одним жемчуг, другим горе...

А. ПОЧИВАЛОВ

Фото Марио ГАРРУБЫ

В конторах западных авиационных и морских компаний на стенах висят ярмарочно-пестрые рекламные плакаты: «Посетите Гонконг!», «Взгляните на жемчужину Востока!». На плакатах — статные небоскребы, а возле их подножий в голубых морских волнах яркоперые экзотические джонки. Благополучное сочетание Запада с Востоком, богатого, могущественного Запада и заманчивого Востока!

Туристы особенно любят фотографировать Гонконг с расстояния — с того берега залива, где находится Коулун, материковая часть города, или с самых высоких точек острова, где на гребнях холмов оборудованы специальные площадки обозрения. На площадках с утра до вечера щелкают фотоаппараты американцев и раздается восторженный щебет богатых старух англичанок, путешествующих по свету.

Но однажды в Гонконг приехал Марио Гарруба, итальянский фотограф. Он взглянул на город иными глазами — вдумчиво, пристально. Он пошел в глубину города, в его чрево, где живет большинство населения, подальше от обманчивого фасада. С асфальтовых магистралей, на которых властвуют блестящие лимузины, сворачивал он в темные улочки, где дремлют в ожидании седоков худые долгоногие рикши. Толкался на шумных базарах, пропахших тухнущей на жаре рыбой. Подолгу наблюдал жизнь плавающих кварталов Гонконга, печальные скопища джонок, в которые втиснуты тысячи и тысячи судеб человеческих, судеб пожизненных изгнанников с твердой земли.

Итальянец увидел и запечатлел на своих снимках другой Гонконг, не рекламный, а подлинный. Поэтому вряд ли его снимками захотели бы воспользоваться туристские агентства Запада.

Подлинный Гонконг вовсе не похож на тот, за который его выдают. Вот он, Гонконг, какой он на самом деле. Лица, опустошенные, как у рабов. А небоскребы, дворцы с кондиционированным воздухом на заднем плане — только декорации к неправдивому спектаклю о благополучии и преуспеянии. Небоскребы столь же неглавная деталь в портрете Гонконга, как обеспеченная китаянка с малышом за спиной на набережной, где в черных трюмах джонок плачут голодные дети. Беспечных модниц, выставивших напоказ свои женские достоинства, вы не встретите в рабочих кварталах. Не до моды обитателям мрачных ущелий, на дне которых в грязи и смраде день и ночь суетится, копошится, снует трудовой люд с единственным устремлением — прокормиться. Вы встретите здесь других женщин — затравленных существ из гонконгских джунглей. У вас под ногами по мостовым будут ползать дети, которые никогда не видели зеленой ветки.

Правдивый облик Гонконга создают не только старые кварталы из хрупких карточных домиков, но и железобетонные трущобы, построенные для бедноты и забитые до отказа, как невольничьи корабли. Добыть кусок хлеба нелегко в многомиллионном городе, где слишком много свободных рабочих рук и не так уж в них нуждаются. Часами сидят безработные у заводских ворот и ждут. Вдруг повезет? Согласны на любой труд — только кликните!

Таков Гонконг, город трущоб в тени небоскребов, город обездоленных, хваленая «жемчужина Востока». Жемчугом владеют богачи. Для богачей Гонконг — в самом деле жемчужина. Огромные прибыли получают здесь английские колонизаторы и местные китайские бизнесмены. Шикарные небоскребы выросли на острове Виктории именно потому, что люди здесь согласны на любой труд, на любую плату.

В снимках Марио Гаррубы вся сущность Гонконга, британского города-колонии на исконной китайской земле, у границы Китая.

Приходит на нашей планете конец колониям. Освободились от власти чужестранцев Гоа в Индии, Западный Ириан в Индонезии. А над Гонконгом по-прежнему британский флаг, как и много лет назад...

присели у вкопанного в землю столика. Какие-то молодые, городского вида люди с духовыми ружьями охотились рядом на жирных, ленивых голубей. Сновала черномазая детвора, принаряженная по случаю воскресного дня. Где-то в доме бормотало и пело радио.

Старый человек в традиционном кипрском костюме, в белой рубахе, заправленной в широченные штаны, походившие на юбку, как видно, хозяин заведения, небрежно поставил, почти бросил нам на стол кувшин вина, нарезанные помидоры, хлеб и, даже не взглянув на нас, отошел, давая ворчливые советы парням, охотящимся на голубей. Мы спросили его, не он ли изображен на вывеске. Старик небрежно кивнул головой: да, он. Таким он был в молодости. Потом, не поворачивая головы, спросил:

— Англезе?

— Русские.

— Росси?

Старый горец преобразился на глазах. Куда девалась его брюзгливая, равнодушная небрежность. Настоящие росси? Из Москвы? Вот новость-то! Может, вы остановитесь поосновательней? Может быть, вам поджарить парочку голубей? Жирных голубей. Здесь, в горах, никто не сможет так зажарить голубя, как дядюшка Никос.

Потом засеменил к дому. В окнах показалось много женских и детских лиц, которые с интересом и доброжелательно смотрели на нас. А когда мы рассчитывались, старик, пожимая нам руки своей жесткой, подагрической рукой, извинился за то, что принял нас за англичан. Их тут хватает. Их проклятая авиабаза тут недалеко, и по воскресеньям много их шляется по горам. Русских, да еще из Москвы, принять за англичан — какая непростительная ошибка!

— Вы там передайте мой привет Никите Хрущеву. Мы его очень уважаем.

И я еще раз подумал: нет, приятно быть советским гостем на этом острове.

Пересаживаемся в Никозии на другие машины. И тут узнаем, что на этот раз стрельба была не бог весть какая: пробили несколько дырок в броневичке ООН, но никто не пострадал. Для голубых беретов это — событие. Говорят, они толпятся, как рой пчел, вокруг этой машины, получившей боевые пробоины, суют в них пальцы и смотрят на этот броневичок с уважением, как новобранцы на старого ветерана.

Местечко на побережье, куда нам предстоит ехать, находится недалеко и, в сущности, было для жителей столицы дачным поселком, куда еще в прошлом году, перед праздниками, шли десятки автобусов и сотни машин. Путь был короткий, как говорится, рукой подать. Сейчас все эти дороги контролируются турецкими экстремистами. По этим дорогам не ездят. Этот район, вернее горный массив и те его отроги, что захвачены экстремистами, укреплены, превращены в бастионы. Нам предстоит длинный кружной путь.

Ну что же, небольшая беда. В нашей машине Антониос Протопопас — эта милая кипрская энциклопедия, которую так интересно открывать на любой странице. Но прекрасный покой изобильного этого края разом нарушается. На тщательно убранном поле мы видим несколько несжатых полос пшеницы, уже растрепанной ветром. Птицы кружат над осыпающимися хлебами. Село, большое, живописно расположенное. Как оно сразу напомнило нам с Владимиром Петровичем, старым солдатам, села и города, куда врывались наши части, выбив оттуда немца! Накос подтверждает: да, это война. Это село было смешанное, здесь жили турки и греки. Турки ушли, и мы видим разрушенные их дома. Их разрушили в отместку за то, что сами турки разрушили в этих краях греческие дома в селе Мавровуни и греческую часть села Ледна. Словом, это месть. Насилие в ответ на насилие. Но как на это тяжело смотреть!

Развалина, еще развалина. Меж руин бродит голодная собака, провожающая нас яростным и печальным взглядом.

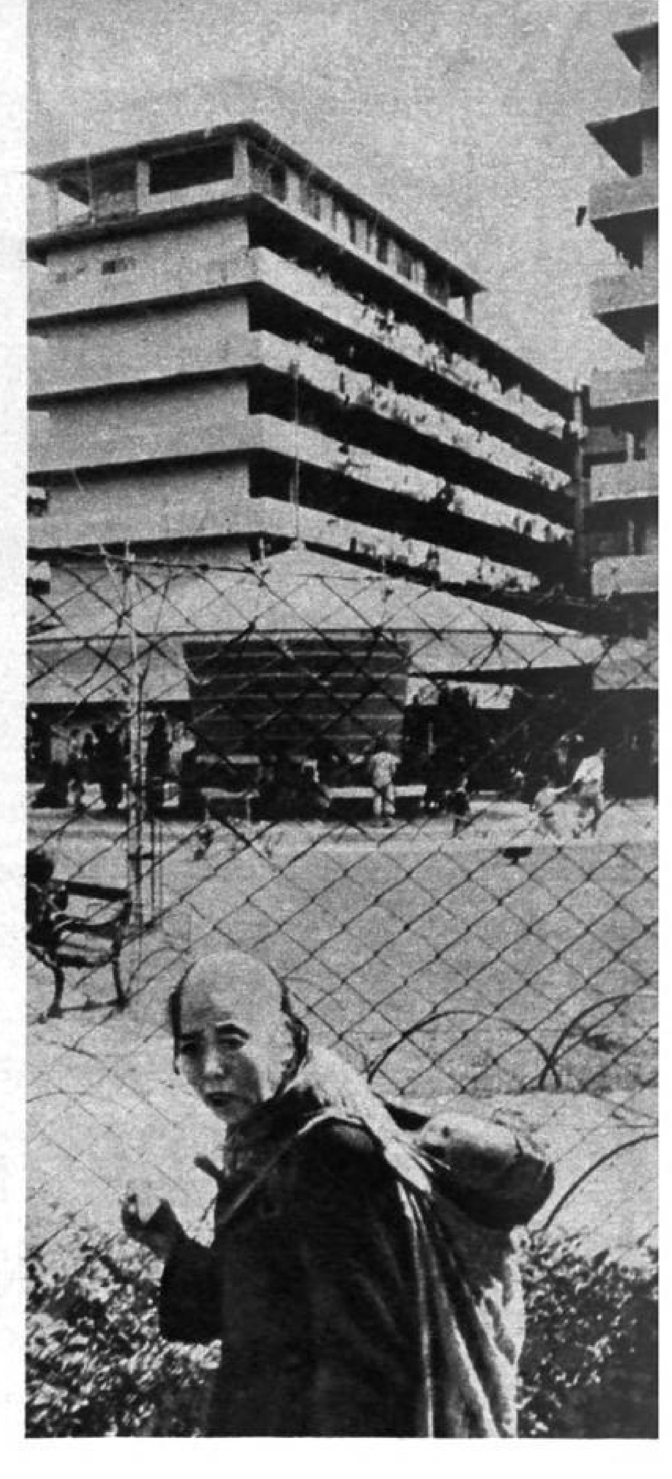
— Ведь десятки лет жили вместе, жили дружно. Это какое-то сумасшествие,— говорит профессор, в машине которого мы едем.

И уже в который раз за эту поездку я слышу, как архитектор поправляет:

— Нет, это империализм.

И снова вспоминается мне толстая физиономия майора Масси, этого неудачливого современного Лоуренса, точно бы растворившегося после сенсационного разоблачения. Вспоминается сцена столь же сенсационного процесса над военнослужащим с британской авиабазы унтер-

офицером Мареем, виденная по телевизору. Вспоминается молодая англичанка, прятавшая на груди зверские инструкции, прикрыв их своим ребенком.

Проезжаем живописное село, домики которого, разбежавшись по склону холма, лепятся к нему наподобие наших кавказских саклей.

— Здесь живут марониты, приплывшие когда-то на наш остров. У них свой язык, свои обычаи, и, видите, не ссорятся ни с нами, ни с турками... И армяне у нас есть, и тоже никаких инцидентов. Полное понимание. Добрые соседи.

Профессор закладывает на повороте крутой вираж. Зеленые горы как бы расступаются, и перед нами снова голубая, безбрежная синеющая гладь. Море. Мы пересекли остров и выехали на его северное побережье. Это самая плодородная и самая красивая часть Кипра.

— Турецкие экстремисты, мечтая о разделе, планируют забрать эти места себе,— поясняют нам.— Тут самые ожесточенные бои. Они держат сейчас на прицеле все ведущие сюда дороги. Поэтому и делали вот такой крюк. Вон видите пост? Это наши ребята из национальной гвардии. Они наблюдают за турецкими укреплениями. Это беспокойный район.

— Далеко отсюда до Турции?

— В ясную погоду с горы можно видеть турецкий берег...

Еще немного пути. Несколько живописных поселков и городков.

И нам показывают на вершину, господствующую над окружающей местностью. На самой маковке горы проплешина. Там белеют какие-то массивные строения.

— Это и есть замок святого Иллариона. Христианский монастырь, захваченный сейчас турецкими экстремистами. Они сделали его своей крепостью.

Ага, вот как. Ну что же, план экстремистов становится совершенно ясен. Замок господствует над побережьем. С его стен можно взять на прицел любую точку прибрежной полосы. Отличное место для тайной переброски войск, оружия, снаряжения. Да и для десанта трудно придумать лучший плацдарм, чем эти песчаные пляжи, обрамляющие маленькие живописные бухты.

Машина начинает спускаться к берегу и останавливается у дома, похожего в контуре на взмывающую чайку. Да, именно на чайку, ибо дом этот, приподнятый на столбах литого бетона, как бы крылат, как бы парит, и видно, как за ним плещется море.

У порога нас встречают хозяева, с которыми мы познакомились на конгрессе. Они оказываются гостеприимными людьми, ведут через садик, в котором ничего еще не растет. Дом красив. Он напоминает новые кубинские постройки, в которых архитекторы острова Свободы прелестно используют все преимущества литого бетона.

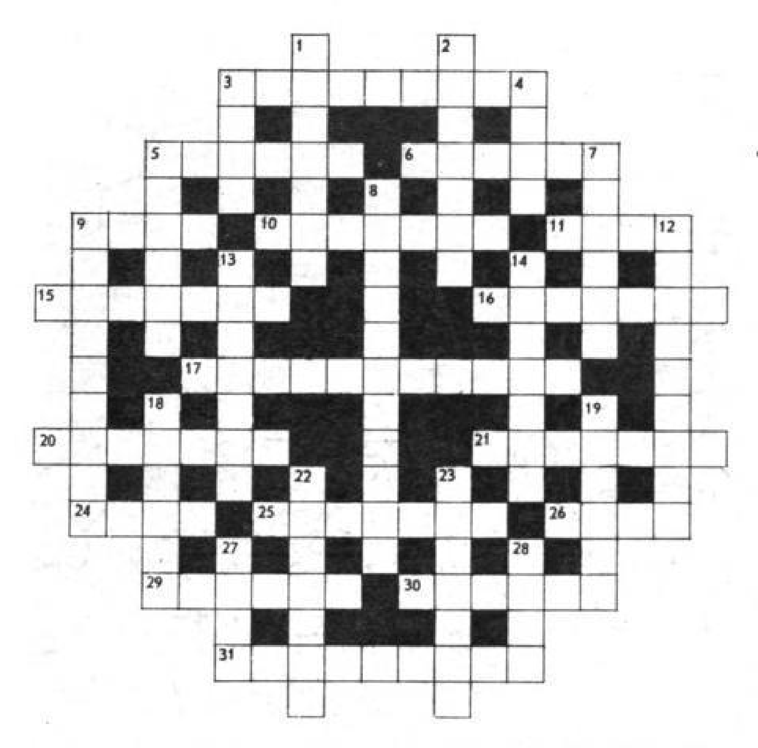
— Да, вы правы, я проектировал его после того, как побывал на Кубе,— подтверждает архитектор.

День под кровлей крылатого домика проходит незаметно. Купаемся, загораем, отдыхаем после стремительного путешествия по острову от массы впечатлений, от новых знакомств, разговоров, споров. Выпиваем огромное количество прохладительных напитков и соков и под вечер прощаемся с гостеприимными хозяевами, пожелав им, чтобы в стенах дома всегда были мир и счастье.

В столицу въезжаем затемно. И тут еще один штрих довершает наши впечатления. Профессор подвозит нас к зданию посольства и советует пересесть в машину с дипломатическим номером. Почему? Очень просто. «Ледра Палас» на самой границе турецкого сектора. Вчера была стрельба. Не стоит давать повод для новых провокаций да и безопаснее. В дипломатическую машину стрелять не будут.

И этот штрих врезается в память. Поднимаемся к себе в номер. Чемоданы уже упакованы, и, как всегда в таких случаях, чувствуешь себя в каком-то состоянии невесомости. На ночном столике Владимира Петровича остался лежать только туристский справочник «Романтический Кипр». Беру справочник, перелистываю его. Живописные руины, раскопки... Пейзажи уже знакомых нам городов... Прекрасные статуи. Мраморная Афродита улыбается и в фас и в профиль.

— «Романтический Кипр»,— говорит Владимир Петрович.— Трагический Кипр — вот это было бы верно.— И, помолчав, добавляет уже серьезно: — Но они отстоят свою самостоятельность, киприоты. Это настоящие люди!

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Русский писатель. 5. Химический элемент. 6. Огнеупорный материал. 9. Путевая мера длины. 10. Киноактер, народный артист СССР. 11. Приток Алдана. 15. Рисунок, вырезанный на металле, дереве. 16. Советский биолог. 17. Вещество, ускоряющее химическую реакцию. 20. Спутник планеты Сатурн. 21. Цветок. 24. Рыба семейства карповых. 25. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Воскресение». 26. Крепежная деталь. 29. Отпечаток текста, рисунка. 30. Домашнее животное. 31. Один из Малых Антильских островов.

По вертикали:

1. Наука о здоровье. 2. Древнегреческая поэма. 3. Полярная нырковая утка. 4. Ручное опахало. 5. Новое государство в Африке. 7. Площадка вагона. 8. Измерительный инструмент. 9. Десертный молочный продукт. 12. Художник, изображающий в своих работах животных. 13. Город в Горьковской области. 14. Автор комической оперы «Виндзорские проказницы». 18. Металл. 19. Нотный знак. 22. Художественное повествовательное произведение. 23. Многоместный автомобиль. 27. Сумма, результат. 28. Сосуд для фруктов, цветов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали:

5. Кулибин. 6. Газимур. 7. Самокиш. 9. Айсберг. 11. Сторона. 12. Хроника. 15. Гиппократ. 16. Веттерн. 17. Семинар. 18. Алгебра. 20. Сенегал. 22. Варакушка. 27. Транзит. 28. Тетрадь. 29. Микаэла. 30. Корсика. 31. Вершина. 32. Компост.

По вертикали:

1. Куранты. 2. Пигмент. 3. Кафедра. 4. Фуфайка. 7. Саратов. 8. Шаляпин. 9. Абрикос. 10. Гонорар. 13. Циферблат. 14. Гармоника. 18. Агроном. 19. Афалина. 20. Спутник. 21. Люцерна. 23. Браслет. 24. Дискант. 25. «Ревизор». 26. Гданьск.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. **Оформление А. КОВАЛЕВА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-10; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00751. Подписано к печати 9/IX 1964 г.
Формат бум. 70×108$^{1}/_{8}$. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 964 500 Изд. № 1382. Заказ № 2353.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Забавные мелочи

ПЛАНЕР В БУРЮ

Недавно в Югославии проводились ежегодные соревнования по планерному спорту на линии Целе — Птуй — Марибор. Когда один из пилотов, инженер Сречко Пукла, поднялся в воздух, разразилась сильная буря, и потоком воздуха его планер унесло на высоту 9 тысяч метров. Градины величиной с орех пробили защитное стекло кабины, в сотнях мест повредили корпус и крылья машины. Температура воздуха опустилась до минус 40°С. Не хватало кислорода. После долгих минут борьбы не на жизнь, а на смерть отважному пилоту удалось наконец вырваться из свинцовой тучи и в полубессознательном состоянии опуститься на землю.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗОНТИКА

Впервые зонтик начал свое существование не в дождливых краях, а в солнечных странах и служил для защиты персидских и греческих царей от лучей солнца.

В Европе он появился в середине XVI века. Французская королева Екатерина Медичи и ее свита употребляли его уже от дождя. Зонт тех времен был покрыт оболочкой из вощеного полотна или кожи и весил почти два килограмма и к тому же не складывался. Во времена Людовика XIV зонтики начали изготовлять из шелка с кружевной оборкой, в тонах, гармонирующих с платьями придворных дам. Зонтиками тогда пользовались исключительно женщины.

Примерно в то же время одному англичанину удалось изобрести складной зонт, и он пришел на вооружение к мужчинам, получив особенное распространение во времена Людовика-Филиппа, который пользовался им вместо трости.

Н. САТАРОВ

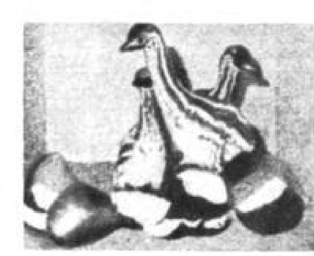
●

На первой странице обложки: Три подружки из Хакасии: Света Сунчугашева, Валя Аева и Люба Тазмина. Света — преподаватель английского языка, готовится в аспирантуру; медсестра Валя принята во Фрунзенский медицинский институт. Люба — учительница, поступает на биохимический факультет Абаканского педагогического института.

Фото Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: Прозрачное золото осени.

Фото Ю. Кайдина.

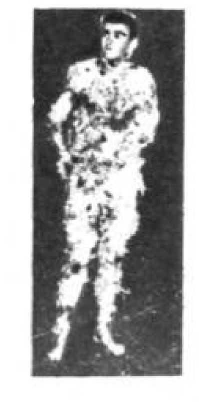
ИНКУБАТОРНЫЕ ЭМУ

В одном из английских зоопарков в инкубаторе появились три маленьких эму, родина которых Австралия. За последние 25 лет это единственный случай искусственного выведения таких довольно крупных животных, достигающих роста человека.

ДРУЗЬЯ

Вблизи Лондона на ферме живет овчарка Вики, которая дружит с цыплятами. В холодные ночи она позволяет им спать, забившись в ее мягкую шерсть. Вики спит чутко, боясь раздавить своих подопечных.

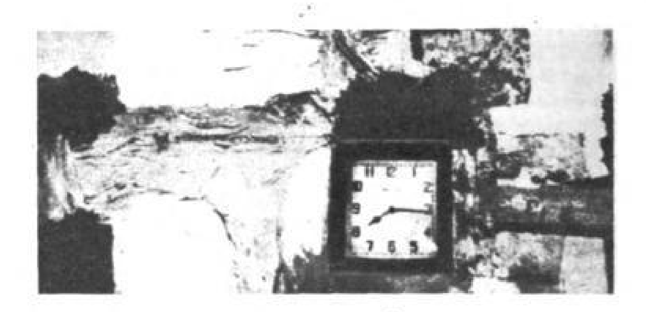
БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Во многих университетах США существует обычай — крестить вновь поступивших первокурсников так, что некоторые юноши после таких процедур попадают в больницы. Студент Дональд Петерсон отделался еще легко: его раздели, намазали мармеладом, вываляли в перьях и среди ночи оставили в лесу!

ГИМНАСТИКА НА БАШЕННОМ КРАНЕ

Двадцатичетырехлетняя голландская акробатка Рия Роберт в совершенстве владеет своим мастерством. Недавно она выступала перед портовыми рабочими Портсмута и показывала свое искусство на трапеции, прикрепленной к башенному крану на высоте 56 метров.

ПРЕМИРОВАННЫЕ ЧАСЫ

Эти часы — составная часть полотна, которое получило первую премию на XXXII выставке живописи этого года в Венеции. Автор «шедевра» — Р. Раушенберг.

«КОСМОС В ЗАДАЧАХ» ОТВЕТЫ

1. Чтобы с Земли различить космонавта на Луне, понадобился бы телескоп, увеличивающий не менее чем в 220 тысяч раз.

2. На Луне Власов выжал бы тот же вес, что и на Земле, но масса штанги равнялась бы 1 200 кг.

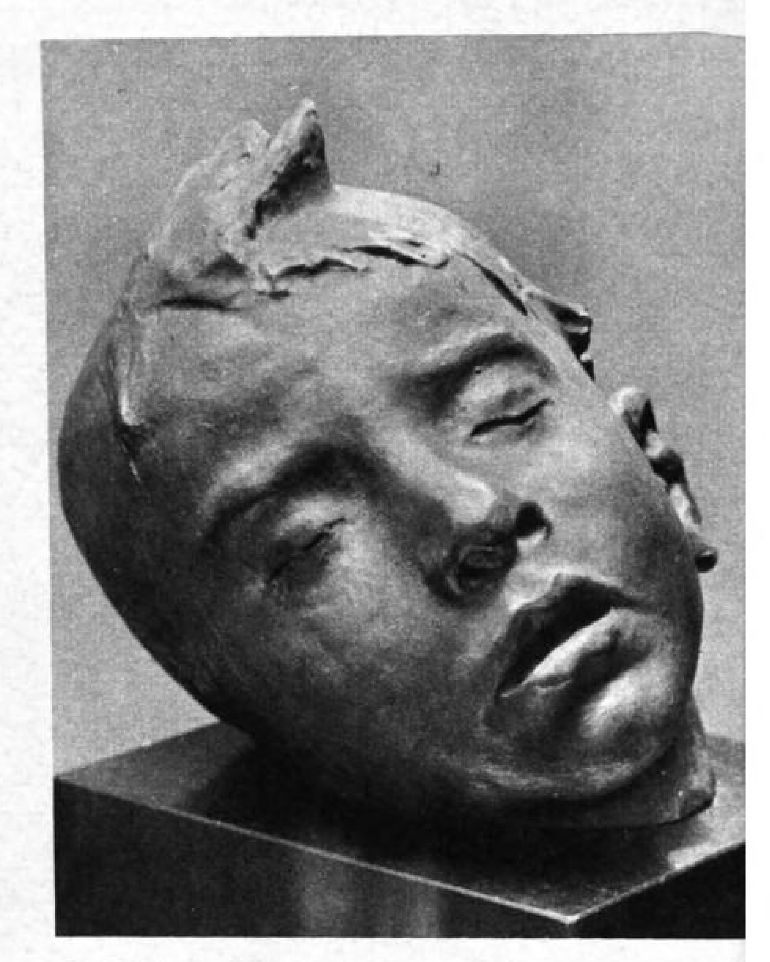
3. В среднем скорость полета Гагарина превышала скорость плавания Магеллана в 20 тысяч раз.

4. Если корабль-спутник удаляется от центра Земли в перигее на 9/10, а в апогее на 99/100 радиуса лунной орбиты, то из перигея космонавт в состоянии забросить камень на Луну. Дальность броска составила бы по прямой примерно 700 тысяч километров, но криволинейная траектория полета камня была бы втрое длиннее.

5. Чтобы Луна, обладая той же скоростью, что и сейчас, стала самостоятельной планетой Солнечной системы, достаточно, чтобы масса Земли уменьшилась вдвое.

6. Юрий Гагарин с высоты 327 км мог бы видеть полет футбольного мяча, если бы располагал телескопом, увеличивающим не менее чем в 380 раз.

А. РОТАРЬ

ГОД 19-Й. ГОЛОВА СПЯЩЕГО МАЛЬЧИКА.

◀ ПАМЯТНИК Е. Н. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО.

Булыжник — оружие пролетариата». Кто не знает скульптуры Шадра, проникнутой пафосом революционной борьбы! Раз увидев, ее невозможно забыть. Художник М. В. Нестеров, побывав в Третьяковской галерее, рассказывал о своем впечатлении: «В этой великолепной скульптуре, так тесно связавшей талантом мастера красоту духа с вечной красотой формы,— всем тем, чем жили великие мастера, чем дышал Микельанджело, Донателло, а у нас старики...

Стою зачарованный, обхожу кругом,— великолепно! Спрашиваю — чье? Говорят — Ивана Митрича...»

Иван Дмитриевич — это и есть замечательный советский скульптор Шадр, воспевший в своих вдохновенных творениях величие эпохи.

Главным героем Шадра был народ. Но слово это никогда не становилось для ваятеля отвлеченным понятием: в самой гуще народной отыскивал он характеры и типы для своего «Сеятеля», «Рабочего», «Красноармейца», «Сезонника», «Крестьянина»; кстати, скульптор вылепил «Сезонника», думая о своем отце — талантливом мастере-умельце.

Шадр знал: история и настоящее высокое искусство начинаются с человека.

В этом номере журнала воспроизведены скульптурные работы, знакомящие нас с задушевным и лиричным Шадром. Тому же самому материалу — металлу и камню, который в руках скульптора послушно принимал динамичные и резкие, стремительные и напряженные формы,— Шадр умел придавать и плавную мягкость, легкость, нежную и трогательную грацию.

«Голова спящего мальчика» — одна из штудий Шадра к большой работе «19-й год», задуманной как памятник Серго Орджоникидзе. Скульптурная группа должна была рассказать о нелегком походе Орджоникидзе в 1919 году через Кавказский хребет; Серго шел, держа на руках обессилевшего мальчика...

Эльвира ПОПОВА

● **Скоро в издательстве «Советский художник» выйдет новый альбом о выдающемся советском скульпторе. Он вместит всего Шадра — романтика и борца, лирика и трибуна, поэта и мыслителя.**

СЕЗОННИК.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663